

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет

Шаг в историческую науку

Выпуск 17

Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых
г. Екатеринбург, 20 апреля 2017 г.

Екатеринбург 2017

УДК 930
ББК Т
Ш15

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 666 от 19.06.2017)

Рецензенты:

А. С. Мохов, докт. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

М. В. Попов, докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета

Ш15 Шаг в историческую науку [Электронный ресурс] : материалы всероссийской конференции молодых ученых (г. Екатеринбург, 20 апреля 2017 г.). Вып. 17 / Урал. гос. пед. ун-т ; под общ. ред. Э. А. Черноухова. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-0884-7

Семнадцатый выпуск сборника содержит тезисы докладов и сообщений, прочитанных на ежегодной научной конференции молодых ученых «Шаг в историческую науку», прошедшей на историческом факультете Уральского государственного педагогического университета 20 апреля 2017 г. Она уже традиционно имела всероссийский характер. В работе конференции приняли участие студенты, магистранты и аспиранты ряда вузов страны, а также Казахстана и Украины, учителя истории средних учебных заведений Екатеринбурга. В их выступлениях были рассмотрены актуальные проблемы всеобщей и отечественной истории, теории и методики обучения истории и обществознания.

Сборник издается по решению Ученого совета ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (УрГПУ).

УДК 930
ББК Т

ISBN 978-5-7186-0884-7

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2017

Секция «Проблемы отечественной истории»

УДК 94(474.5)"1654/1667"

«ИЗ БЕЛОРУСЦЕВ В МОСКОВИТЫ»? РОССИЙСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1654–1667 ГГ.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. И. Прокофьев

Аспирант

Институт истории и археологии УрО РАН,

ул. Софьи Ковалевской, 16, 620990, г. Екатеринбург, Российская Федерация,

эл. почта: al_prokofjew@mail.ru

В статье предлагается методологическая апробация понятий «аккультурация», «агент аккультурации» по отношению к военно-социальной истории Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. Используемые термины употребляются в рамках социокультурного подхода для изучения царской административной политики на землях Великого княжества Литовского. Предлагается дальнейший способ реализации терминологического инструментария применительно к историческим реалиям середины XVII века.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, Великое княжество Литовское, аккультурационная политика.

A. Prokofiev

«FROM BYELORUSCY TO MUSCOVITES»? RUSSIAN ACCULTURATION POLICY IN THE YEARS OF THE THIRTEEN YEARS' WAR 1654–1667: METHODOLOGICAL NOTES

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

str. Sofia Kovalevskaya, 16, 620990, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: al_prokofjew@mail.ru

In this article offered the methodological approbation of concepts «acculturation», «agent of acculturation» as applied to war-social history of The Thirteen Years' War 1654–1667. The terms are used in the framework of the sociocultural approach for studying the tsarist administrative policy on the lands of the Grand Duchy of Lithuania. It is proposed to further way of implementing terminological tools to historical realities in the middle of XVII century.

Key words: The Thirteen Years' War, The Grand Duchy of Lithuania, acculturation policy.

В 1630 г., перед вступлением Шведского королевства в Тридцатилетнюю войну, Густав II Адольф активно использовал пропаганду: выпустил манифест на пяти языках к народам и правителям Европы и провозгласил поддержку прав протестантов в Священной Римской империи. Так С. В. Веджвуд обозначает религиозно-политическую причину шведского вторжения на имперские территории [1, с. 302–305]. Спустя 23 года, царь Алексей Михайлович пользовался сходным мотивом защиты православного населения в Речи Посполитой, так как «паны, рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру и на святые божии церкви восстали и хотят их искоренить» [3, с. 157].

В 1620–1640-х гг. в Смоленском воеводстве Великого княжества Литовского (ВКЛ), отторгнутом от Московского государства, шёл процесс дискриминации православных [8, с. 333–338]. Этот процесс выступил в качестве «позитивной» аккультурации населения для Костёла и униатской церкви, которые были её главными агентами. Б. Н. Флоря приводит пример смоленского униатского архиепископа Льва Кревзы, всячески добивавшегося запрета на постройку церквей и монастырей «схизматиков» в Смоленской архиепархии, подчинения православного духовенства и мирян униатам. Его преемник, Андрей Золотой-Квашнин, добился сожжения храмов нескольких православных шляхтичей в своих владениях, что было нарушением свободы вероисповедования в пределах личных земель и целенаправленной политикой подавления диссидентства в Смоленском воеводстве [8, р. 337–341]. Неудивитель-

но, что эти меры привели к росту промосковских настроений перед Тринадцатилетней войной и вызвали ответную антикатолическую реакцию. Наряду с этим Б. Н. Флоря рассматривает интересный эпизод о хиротонии нескольких жителей Дорогобужа и выдаче ставленных грамот митрополитом Сарским и Подонским Серапионом [9, с. 49–51]. Для довоенной ситуации этот случай уникальный, означавший выдачу документов подданным другого государства и претензию на главенство патриарха Московского и всея Руси в землях ВКЛ.

«Позитивная» аккультурация населения Смоленского воеводства в сторону принятия социально-политической и религиозной культуры Речи Посполитой не отличалась терпимостью. Но и в годы Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. Алексей Михайлович в приказном порядке упразднил униатские церкви и монастыри на территории ВКЛ, явив собой подтверждение собственных слов: «Костелам не быть, униатом не быть, жидом в Белоруси не быть и жития никого не иметь» [2, с. 83; 10, р. 104]. Притом разные способы обращения (насильственные и ненасильственные) униатов в православие, по мнению А. И. Миллера, могут рассматриваться как *русификаторская* политика [5, с. 60]. Таким образом происходил аккультурационный реверс со стороны Московского государства.

Почему происходили сходные процессы со стороны польских и русских властей? Как замечает Д. Ливен: «Единство династии, церкви и народа, предполагаемое термином «Святая Русь», ни в коем случае не было простым лозунгом или аффектированной выдумкой пропагандистов» [4, с. 403]. В Речи Посполитой акторами религиозной унификации выступали римский костёл и униатская церковь, а в Московии – православная церковь. Об этническом понимании аккультурации или более глубокого процесса, ассимиляции, в этом регионе можно говорить лишь с XIX в.

Под понятием «аккультурация» во французском издании «Словарь историка» обозначается «процесс принудительного или добровольного восприятия индивидом или группой элементов культуры другого, как правило, доминирующего общества. Аккультурация совершается в ходе длительных контактов разного типа (оккупация, колонизация, эмиграция). Она не сводится к утрате идентичности» [7, с. 11]. А. И. Миллер отдает предпочтение британской интерпретации: «Аккультурация может происходить либо в условиях равного контакта двух обществ, либо в условиях военной и политической доминации» [5, с. 59].

Контекст второго варианта определения понятия позволяет говорить не только о религиозной аккультурации, но и о социальной. К примеру, И. В. Герасимова отмечает важный факт, что пребывание русских войск в занятой ими Вильне в 1655–1658 гг. зачастую только обостряло ситуацию мирного сосуществования новой власти и местного населения на фоне подтверждения городских прав по старым привилегиям и разрешения восстановления довоенных судебных органов [2, с. 128–140]. Интересен феномен аккультурационной диффузии: социально-правовое воздействие наблюдается со стороны населения Вильны на представителей царской власти и проявляется в стремлении виленских воевод обеспечить защиту царской администрации и навязать порядок с помощью силы.

Из этого получается, что агент аккультурации – это субъект или группа субъектов, претворяющих в жизнь аккультурационную деятельность. Такими агентами с русской стороны стали власть на местах, армия, церковь. Их деятельность распространялась на все социальные слои населения ВКЛ (шляхта, духовенство, мещанство, крестьянство). Социальной аккультурации подвергались в первую очередь «белорусцы», будучи более близкими по религии и культуре Московскому государству. А. И. Папков считает таковыми православных священников и подданных Польской короны (не католиков или униатов), которые, в свою очередь, противопоставлялись единоверцам Московского государства [6, с. 88].

В целом исследовательский потенциал выявления административных механизмов религиозной аккультурации и социально-политической адаптации русских государственных институтов в ВКЛ ещё не раскрыт. Трансферы правового поля также становятся интересным предметом изучения: актуальной является проблема одновременного использования Магдебургского права, законов Литовского статута и Соборного уложения [2, с. 286]. В социальном взаимодействии не обозначена демаркация аккультурационных агентов: влияла ли цер-

ковь на шляхту, и если да, то в каком объёме; содействовала ли армия насильственному перекрещиванию униатов; старались ли управленцы на местах адаптироваться под сложные правовые реалии или навязывали общепринятые в Московском государстве. Абрис исследовательского поля шире поставленных вопросов, где социокультурный подход к рассмотрению российской аккультурационной политики должен выходить за идеологические рамки «оккупации» или «освобождения».

Источники и литература

1. Веджвуд С. В. Тридцатилетняя война / пер. с англ. М.: АСТ, 2012. 571 с.
2. Герасимова И. В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 344 с.
3. Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Ч. 1. 374 с.
4. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI до наших дней / пер. с англ. М.: Европа, 2007. 688 с.
5. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
6. Папков А. И. Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в российском делопроизводстве XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура. М.: Тезаурус, 2011. Вып. 4. С. 83–113.
7. Словарь историка / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
8. Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е – 40-е годы XVII в.) // *Revue des Études Slaves*. Т. 70, fascicule 2, 1998. Р. 333–345.
9. Флоря Б. Н. Смоленщина и Московская патриархия накануне Русско-польской войны // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 49–53.
10. Pendzich В. М. Civil Resilience and Cohesion in the Face of Muscovite Occupation // *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth: Poland-Lithuania in Context, 1550–1772* / Ed. by Karin Friedrich and Barbara М. Pendzich. Leiden; Boston, 2009. Р. 103–127.

© Прокофьев А.И., 2017

УДК 94(575.172)

КАРАКАЛПАКИ В ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (XVII–XVIII ВВ.)

Я. В. Пилипчук

Младший научный сотрудник

Институт востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины

ул. Грушевского 4, 01001, Киев, Украина,

эл. почта: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

В статье проанализирована внешняя политика каракалпакских государств в XVII–XVIII вв. Они играли важную роль в истории Евразии только с 1671 г. Каракалпаки были младшими партнерами по отношению к калмыкам во второй половине XVII в., в 1720–1730-х гг. входили в союз с казаками, ходили в походы на калмыков, вошли в русское подданство.

Ключевые слова: каракалпаки, Шибаниды, казахи, Калмыцкое ханство, внешняя политика.

Pylypchuk Ya. V.

KARAKALPAKS IN HISTORY OF EURASIAN STEPPES (XVII-XVIII CENTURIES)

A. Krymsky Institute of Oriental Studies

Hrushevsky str., building 4, 01001, Kyiv, Ukraine

e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

This article is devoted to the foreign policy of the Karakalpak states in the 17th–18th c. They played an important role in the history of Eurasia only from 1671. Karakalpaks were younger partners

in relation to the Kalmyks in the second half of the 17th c., enter into an alliance with the Kazakhs and go on campaigns against the Kalmyks, enter into Russian citizenship in the 1720–1730-ies.

Key words: Karakalpaks, Shibanids, Kazakhs, Kalmyk Khanate, foreign policy.

До сих пор история каракалпаков является одной из слабо исследованных проблем. Она традиционно находится в тени истории Казахского ханства, узбекских ханств Бухары, Хивы, Коканда. К. Бирзе опубликовал ряд документов относящихся к истории каракалпаков [1]. История династии, каракалпакских ханов изложена в публикации Ж. Сабитова [9, с. 88–91]. Истории каракалпаков в XVIII–XIX вв. посвящена работа С. Камалова [4], присырдарьинских каракалпакам – диссертация И. Пискуновой [7]. Автор попытается выяснить каракалпаков в истории западноевразийских степей в XVII–XVIII вв.

Во время существования Ногайской Орды каракалпаки находились в ее составе и управлялись своими биями и батырами. После крушения Ногайской Орды они некоторое время были подданными казахов и калмыков. С 1671 г. Шибанид-Кучумович Кучук стал проживать среди каракалпаков. Он стал первым настоящим Чингизидом на каракалпакском престоле. Кучук был сыном Кучумовича Аблая и двоюродным братом Хасан-султана и правил до 1678 г. По одним данным Кучук погиб в столкновении с калмыками Аюки-хана, по другим – во время войны с башкирами (вероятнее второе). В 1683 г. Хасан (брат Кучука) напал вместе с калмыками на башкир. В 1695 г. каракалпаками правил Тобурчак-султан, в 1696 г. он был убит хивинцами. Сын Тобурчака Каип помог башкирам воевать против русских в 1708–1709 г., в 1708 г. был избран ханом Башкирии. Касательно династической принадлежности Тобурчака предполагают его казахское или шибанидское происхождение. Последнее более предпочтительно. Ж. Сабитов считает его Бошаем сыном Кучука. В 1704 г. Хасан со своим сыном Бай-Булатом (Кара-Сакалом) и Ишимом-Мухаммедом оказались во владениях каракалпаков, поскольку они были изгнаны из Ургенча. Каракалпаки после смерти своего хана Джангира попросили Ишима-Мухаммеда себе в правители [9, с. 88–89; 7, с. 11, 14].

В 1708 г. Султан-Мурад из каракалпакской ветви рода Кучумовичей во главе башкир пробился на Северный Кавказ и в союзе с ногайцами и кумыками напал на русскую крепость Терки. К Аюке прибывали послы от казахов и каракалпаков. Переговоры с Османами были фактором давления на русских. Во время боев на Северном Кавказе Султан-Мурад попал в плен к русским. Он указывал, что его отец Кучук уже умер. В башкирских же источниках содержатся данные, что Кучук после казни русскими Султан-Мурада был отомстить за сына. Русские власти предостерегали пограничное население от набегов башкир, которые присоединились к Кучуку. Сведения о Кучуке и Султан-Мураде крайне противоречивы. Ш. Лемерсье-Келькеже и С. Таймасов считали, что Кучук был жив в 1709 г. В. Трепавлов считает, что Султан-Мурад был самозванцем, а не Кучумовичем; Ж. Сабитов – что Кучук умер около 1678 г., а Кучук, упоминаемый в 1709 г. это – Хозей (сын Каипа). Султан-Мурада казахский исследователь считает Кучумовичем и сыном Кучука. В 1709 г. каракалпакский оглан Рыс-мухаммед был провозглашен ханом башкир, правда, вскоре был вынужден вернуться во владения каракалпаков. Между 1711 и 1714 г. правителем каракалпаков стал Ишим-Мухаммед. В русских документах от 1720 г. отмечались столкновения донцев и яицких казаков с казаками и каракалпаками. Каракалпаки вместе с казаками нападали на русское пограничье и на владения калмыцкого хана Аюки [10, с. 32–38; 3, с. 272–273, 275–299; 9, с. 89; 2].

В 1723 г. 15 тыс. воинов Абу-л-Хайра подошли вплотную к калмыкским кочевьям, а 5 тыс. казахов и каракалпаков разорили улус Лекбея. В 1724 г. каракалпаки дважды атаковали калмыков, и те смогли спастись лишь в Гурьеве. В документе от 22 марта 1724 г. от имени Якова Татарина говорилось о нападении Абу-л-Хайра на волжских калмыков. Войско казахов и каракалпаков насчитывало 13 тыс. воинов. Они разбили передовой отряд калмыков Доржи Назарова на Тарлыцких вершинах около Саратова. Доржи Назаров в документе от 30 июля 1724 г. сообщал, что враг может прикочевать к Волге и что он собрал войско для отражения вторжения. В начале августа отряд Зубака столкнулся с каракалпаками около Урала [3, с. 308–317, 344–345, 347–349].

В 1717 г. против каракалпаков выступил хивинский хан Ширгази. Каракалпаки бежали в степь, отступив к Йанги-Су и Сыр-Дарье. В 1722 г. каракалпакский хан Ишим-Мухаммед (полное имя Абу Музафар Девлет Саадет Ишим Мухаммед Бахадыр-хан) добивался русско-го подданства. Он просил Петра I о дружбе (союзе) и выкупил из плена некоторых русских пленных. В 1725 г. каракалпакскими ханами были названы Абу-л-Хайр, Даншин и третий неизвестный правитель. В 1725 г. Максуд Йунус-улы писал Петру I. В 1731 г. каракалпакские ханы Каип (Гаиб) и Урускул вместе с казахами Младшего жуза отправили к императрице Анне Иоановне прошение о принятии их в русское подданство. Письмо должен был доставить каракалпакский эмисар Чин-Ходжа.

В 1735 г. нижние каракалпаки стали русскими подданными. Естественно, их зависимость была чисто формальной. Согласно русскому документу от 13 ноября 1742 г. каракалпакский правитель Бай-Болат назван Кара-Сакалом сыном Хасана Ургенчского. Кара-Сакал в 1740 г. участвовал в восстании башкир против русских. Другими каракалпакскими правителями были названы Ишим, Шабак, Быбыт, Губайдулла. Шабак, Быбыт и Убайдулла были сыновьями Ишим-Мухаммеда. По данным Я. Елдашева каракалпаки в 1740 г. управлялись несколькими ханами одновременно по разным племенам. В документе от февраля 1743 г. указано, что каракалпакский хан из Джанкента Каип вместе с султанами Губайдулой, Алтаем, Джарыком, Шуной, Кедаем, Мурад-Шейхом и огланами пришли в русское подданство. В 1720-х гг. ханство каракалпаков распалось на две части. Нижние каракалпаки (Приаралье) зависели от Младшего жуза казахов, а верхние (кочевали у Ташкента) стали данниками Джунгарского ханства. В 1743 г. Абу-л-Хайр напал на нижнекаракалпакского хана Урускула и захватил его в плен. Ж. Сабитов считает Урускула сыном Кара-Сакала [1; 6; 8; 9, с. 90; 2; 7, с. 3–4, 11, 14].

Таким образом, каракалпакские владения играли важную роль в истории Евразии только с 1671 г. Каракалпаки были младшими партнерами по отношению к калмыкам во второй половине XVII в. Они принимали участие в набегах калмыков на башкир. Каракалпакские ханы из династии Шибанидов (Кучумовичей) принимали участие в башкирских восстаниях 1662–1664, 1704–1711, 1735–1740 гг. В 1720–1730-х гг. каракалпаки входили в союз с казахами и вместе с ними ходили в походы на калмыков, стали российскими подданными. В середине XVIII в. каракалпаки ощущали давление со стороны казахов.

Источники и литература

1. Бирзе К. К истории каракалпаков // Красный архив. 1938. № 6(91).
2. Валиди-Тоган. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
3. История Казахстана в русских источниках. Т. 2. Алма-Аты, Дайк-Пресс, 2005. 448 с.
4. Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках. Ташкент: Фан, 1968. 328 с.
5. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Т. I. 632 с.
6. Мунис и Агехи. Райский сад счастья // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII (материалы из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука КазССР, 1969.
7. Пискунова И. В. Сырдарьинские каракалпаки и Россия в XVIII в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Нукус: Каракалпакское отделение АН РУ, 1995. 19 с.
8. Под стягом России. Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
9. Сабитов Ж. М. Кучумовичи в восточном Дешт-и Кыпчаке в середине XVII в. – начале XIX в. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган: КГУ, 2014. С. 88–91.
10. Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГБ, 2006. 155 с.

© Пилипчук Я.В., 2017

УДК 821.161.1–31(Даль В.)

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ПОВЕСТИ В. И. ДАЛЯ
«БИКЕЙ И МАУЛЯНА» (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

З. Ф. Ботаева

Бакалавр

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,

ул. Пушкина, 11, 010008, г. Астана, Республика Казахстан,

эл. почта: zorya0908@mail.ru

В статье делается попытка рассмотрения повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна» в качестве источника, содержащего информацию о традициях, обычаях и культуре казахского населения зауральской степи первой половине XIX века. Автор подробно останавливается на наиболее интересных отрывках из повести, касающихся мировоззренческих принципов казахского народа и его ценностных ориентиров.

Ключевые слова: повседневная жизнь, казахов, барымта, русская литература, повести.

Z. F. Botayeva

**THE EVERYDAY LIFE OF THE KAZAKH PEOPLE IN NOVEL OF V. I. DAL'
“BIKEI AND MAULYANA”**

Eurasian National University after L.N. Gumilyov

str. Pushkin, 11, 010008, Astana, Republic of Kazakhstan,

e-mail: zorya0908@mail.ru

The article attempts to address the novel of V. I. Dal' as a source, containing information about traditions, customs and culture of the Kazakh population of the Trans-Ural steppe in the first half of the 19th century. Author deals extensively with the most interesting excerpts from the story about the fundamental pricings of the Kazakh people and their values.

Key words: the everyday life, the kazakh people, barymta, Institute of bies, Russian literature, novels.

Этнограф, писатель, лингвист первой половины XIX в. В. И. Даль (1801–1872) сыграл огромную роль в изучении быта казахского народа того времени. Становлению литературного и научного интереса к казахской тематике способствовали, прежде всего, детские годы писателя. Унаследовав генетически чувство слова и языка от родителей и получив у них первичное образование, В. И. Даль быстро овладел украинским, немецким, английским, французским, белорусским, польским языками. Кроме того, он неплохо говорил по-татарски, по-казахски, мог читать по-болгарски, по-сербски, отлично знал латынь [4, с. 12]. Становлению В. И. Даля как тюрколога, писателя-натуралиста способствовала также его восьмилетняя служба в Оренбургской губернии в качестве чиновника особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском [2, с. 23].

Прозванный в народе «Әділ би» (Справедливый судья) за справедливые решения в непростых межнациональных конфликтах, В. И. Даль разбирался в многовековых спорах, порожденных сложными социальными, национальными, религиозными проблемами [5]. Вопросы, вызывающие волнения казахского народа, были в основном связаны с пастбищными землями, которые отбирались для постройки линии военных укреплений [1, с. 56].

В 1836 г. В. И. Даль опубликовал повесть «Бикей и Мауляна», где попытался правдиво описать жизнь казахов 1830-х гг., казавшуюся в начале XIX в. для русского и европейского читателя экзотичными. Автор, привлекая степное знание, постигая через него дух народа, его внутреннее состояние не поддается существовавшему в тот период статичному образу кочевника как «варвара», а, напротив, старается постичь обычную жизнь народа и мировоззренческие особенности казахского общества. История, описанная в повести «Бикей и Мауляна» была основана на реальных событиях, произошедших в зауральской степи в Малой Орде в 1830-х гг. Главным источником служит официальный документ «Об убийстве старшиною Исянгельды Янмурзиным сына своего Бекея». Подробности события Даль скрупулезно собирал у очевидцев, тех людей, кто близко знал главных героев повести.

Подчеркивая реальность описываемых событий, автор, на фоне изображаемой повседневности Степи, воспроизводит историю любви главных героев – Бикея и Мауляны, сталкивающихся с множеством препятствий. Основу повести составляют непростые взаимоотношения героев и культурно-бытовые реалии казахской жизни.

Повесть состоит из шести глав. Глава «Караван» сопровождается ярким описанием прибытия торгового каравана в Оренбург. В. И. Даль, рассказывая о персонажах, дает их характеристику посредством описания одежды. Так, внешний вид персонажей точно указывает на тип характера, особенности жизнедеятельности, принадлежность к определенному сословию. «Тут, в толпе нашей, находились и Казаки, которых впрочем можно признать казаками только по навыку, только по лампасам, сквозящим в дыры стеганного халата, подпоясанного полотенцем. Наконец тут прохаживало и несколько темно-зеленых сюртуков несолдатского сукна, с презелеными выпушками, с медными на груди бляхами» [3, с. 2–3].

Описание особенностей казахского народа переходит в дальнейшем в картину имущественного неравенства среди кочевого населения Степи. Указывая на то, как живут зажиточное население Степи, он выявляет разительный имущественный контраст: «есть богачи, у которых – десятки тысяч овец и коней, и голыши, у которых на целое семейство – одна дойная коза и более доходов решительно никаких. На эту козу целое семейство выучит все свое имущество, питаясь ее молоком, через день и два, поочередно» [3, с. 3–5].

История отношений «аксакала» Исянгельды и его сына Бикея проливают свет на проблемы, существовавшие в традиционном казахском обществе. Истоки конфликта между ними Даль увидел в многоженстве. Писатель делает следующий обобщающий вывод об обществе, в котором господствует этот вид брака: «временная владычица над волею, умом, сердцем господина своего, пользуется властью своею всегда к накладу прочих, – там птенцы одного гнездышка прижимаются ближе к друг другу и заключают против прочих оборонительный и наступательный союз; с детства уже привыкают они видеть в матери родной заступницу, а в других женах отцовских клеветниц и безжалостных притеснительниц» [3, с. 27].

Большое внимание Даль уделяет процессу исполнения правосудия среди казахов, где говорится о султанах, осуществлявших суд и расправу в Степи, после «Указа об Оренбургских киргизах» 1824 г., ликвидировавшего ханскую власть в Младшем жузе. При этом автор уточняет, что у казахов сословие «ақ сүйек» имеет меньшие привилегии, чем у калмыков: «Калмыки более нежели крепостные; они рабы безответные, а кайсак волен и мало повинутся султанам». В доказательство суждений Даля об отношении казахов к своим правителям можно привести слова Ч. Валиханова, писавшего о том, что ханов народ считал «исполнителями воли народной» [3, с. 161–162]. В то же время, автор приводит пример классической практики разрешения споров в казахской Степи, осуществляемой посредством института биев. Отсутствие привычного для России и Запада четкого распределения общества на подданных и властвующих наводило чиновников на мысль об отсутствии власти как таковой вовсе.

Одна из глав под названием «Баранта» повествует об одноименном способе решения всех спорных вопросов в Степи путем насильственного угона скота потерпевшей стороной. В. И. Даль, шокированный таким массовым самоуправством, отмечает, что «баранта», в отличие от иных степных разбоев имеет законную силу, имеющую место лишь тогда, когда виновный или его род за совершенное преступление, выражающееся в краже скота, отказывается платить «туляу» (от каз. төлеу) пеню. Бии и аксакалы, по словам автора, позволяют решить вопрос силовыми методами. Однако, несмотря на законность исполняемых действий, Даль отмечает, что часто кочевники, желая наказать виновного, не знают меры и переходят все границы. «Один захватывает более, чем ему, по обычаю народному, следовало; другой, объявляет иск неправый; третий, пользуясь смятением и беспорядками, поживляется сам на свою руку; опять иной, в сумятице, невпопад, угоняет скот не того хозяина, которого он преследовал; или у вора нет добра никакого, а род отказывается от платежа и ответа. Все это становится причиною и поводом к тому, что взаимные расчеты расплодились и размножились до бесконечности» [3, с. 85].

В целом В. И. Даль в повести «Бикей и Мауляна» на основе реальных событий убийства Бикейя, зафиксированных в документах, сделал попытку проследить картину жизни кочевников, их культуры и быта. Автор сопровождает сюжет подробными характеристиками места, явлений из жизни народа, участников событий, авторскими пояснениями и указаниями, необходимыми для русского читателя, не имевшего достаточной информации о казахах. Через описание быта казаха Даль объясняет его мировосприятие и отношение к жизни, которые кажутся экзотикой для русского и европейского читателя. Он сумел понять внутреннее состояние народа как этноса, его дух через его культуру, и все это было проделано писателем в период, когда в мировой европейской науке и литературе существовал статичный образ кочевника как «варвара» или же миф о Востоке как об экзотике. Писателю удалось запечатлеть широкую панораму жизни зауральской степи 1830-х гг., демонстрируя читателю самобытность местного народа, возникшую под влиянием сложившегося жизненного уклада.

Источники и литература

1. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 399 с.
2. Благова Г. Ф. Владимир Даль и его последователь в тюркологии Лазарь Будагов // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 22–39.
3. Даль В. И. Бикей и Мауляна // Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренбургское. кн. изд-во, 2001. 163 с.
4. Умарова Г. С. В. И. Даль: мир казахского этноса в документально-научных и художественных текстах. Уральск: РИЦ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. 305 с.
5. «Тұған өлке». Историко-краеведческий и архивный журнал. URL: <http://www.tugan-olke.kz/index.php?id=15>.

© Ботаева З.Ф., 2017

УДК 37.013(47):303.446.4

РОЛЬ «ТЕОРИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. Э. Медведева

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: 70396@mail.ru

В статье проанализирована современная историография роли «теории официальной народности» на развитие образования в России. Автором обозначена основная задача образования данного периода, поставленная С. С. Уваровым, установлен уровень ее изучения на советском этапе. Также выведены основные образовательные компоненты, проведён их анализ в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: теория официальной народности, история образования, историография.

O. E. Medvedeva

THE ROLE OF THE "THE TRIAD" OF OFFICIAL NATIONALITY IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN RUSSIA IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: 70396@mail.ru

In the article modern historiography about the role of the "The Triad" of Official Nationality in the development of education in Russia is analysed. The author poses the main purpose of education of that period, which is set by S. S. Uvarov, and the level of study of this at the Soviet historical science. Also designates the main educational components, these components are analysed according in actual historical researchers was considered.

Keywords: "The Triad" of Official Nationality, history of education, historiography.

1830-е гг. – время провозглашения новой идеологической доктрины, постулатами которой стала триада «Православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова. «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [6, с. 82], – писал новый министр народного просвещения С. С. Уваров. Именно на образование доктрина подействовала в первую очередь, так как «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование, правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» [6, с. 82–83].

На современном этапе развития исторической науки актуализация вопроса о реформах в сфере образования поставила на повестку дня необходимость обращения к анализу опыта школы дореволюционной России, в частности времен провозглашения теории официальной народности. Также этот процесс обусловлен тем, что в СССР исследования по данной тематике практически не велись. Единичные исследования в этой области, в большинстве своем, приходили лишь к одному выводу – образование того времени было лишь «каналом» воли самодержца, пропаганды теории официальной народности [7, с. 11].

Стоит сказать, что пока что яркой дифференциации мнений о влиянии теории официальной народности на образование у исследователей нет. Даже так называемые «восстановители» баланса в пользу Николая [12, с. 110], все равно находят в его образовательной системе, как плюсы, так и минусы. Другой вопрос в том, на что обращают больше всего внимания и как видят исследователи отдельные компоненты образования того периода.

Так, большой интерес у ученых вызывают «инспекции» самодержца по учебным заведениям. Циркуляр, датированный 27 мая 1833 г., содержал указания, на что должны обращать внимание попечители и их помощники в ходе инспекции вверенных им учебных округов. О таких проверках пишут Н. В. Рязановский, М. М. Шевченко, Н. Н. Зиппуникова и другие. Последняя, например, отмечает некую абсурдность данных проверок в том, что среди инструкций по нравственной части содержалась обязанность проверки учебных книгохранилищ, чтоб не было в них книг, «противных Вере, Правительству и нравственности» [4, с. 12]. О ненужности данных проверок писал американский историк Н. В. Рязановский: «Посещения общественных образовательных учреждений – это только быстрые туры, где только внешний вид и опрятность могут быть оценены. Одним словом, страна не получает никакого преимущества от них. Никто, по крайней мере, в образованных классах, не видит в этом ничто кроме потребности в непрерывном отвлечении» [13, р. 115]. В частности, они могли принимать и жестокий характер. Например, простое облакачивание на руку во время урока расценивалось как нарушение дисциплины, отдавался приказ наказать ученика и уволить преподавателя, допустившего это. Все школы боялись этих инспекций, и вместо того, чтобы учить детей, они целый год готовились к приезду суверена [13, р. 119].

М. М. Шевченко добавляет к этому, что Николай не только наказывал воспитанников и начальство, допустившие какую-либо поблажку, но «и при всем этом он совершенно не интересовался знаниями воспитанников, их учебными успехами: никто из современников ни одного подобного случая не запомнил». «Мне не нужно ученых голов, мне нужны верноподанные», – эта фраза в различных редакциях обыкновенно звучала ответом ходатаям из числа педагогов, профессоров, администрации [11, с. 95]. Но не только Николай I проводил инспекции. На проверки также ездил и сам С. С. Уваров, и, по мнению А. Л. Зорина, они совершались не только для порицания. Так, например, в одном из отчетов С. С. Уварова было обозначено следующее: «Нужно бороться против влияния европейских людей не с помощью репрессий, но внушая юношеству другие понятия, которые направили бы энергию умов молодого поколения в русло, нужно правительству» [5, с. 371].

Понятно, что преподавание в учебных заведениях велось только в нужном государству направлении. Ц. Х. Виттекер приводит мнение С. С. Уварова на этот счет: «Только прави-

тельство имеет все средства и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды отечества» [1, с. 115]. Контролировалось все: язык, учебники, домашнее задание, национальность. Подробный анализ учебников того времени проводит Т. А. Володина. На учебники истории, к примеру, был объявлен конкурс на лучший, который сочетал бы в себе все принципы новой доктрины, а также пропускавший «щекотливые» темы, такие как: «перевороты, которые ниспровергли систему средних веков и открыли новую историю Европы»; крестовые походы и папская власть; и особенно Реформация, ибо «свобода рассуждать о предметах веры, на коей основан протестантизм, противна нашему порядку вещей» [2, с. 118].

Много работ историков посвящено национализации страны, в частности школы. «Язык в стране признавался только русский, другие языки запрещены не были, но их использование влекло за собой определенные последствия. Другие национальности, а в особенности, эсты, ливы, были обязаны пройти русификацию» [13, р. 89–90]. Об этом же пишет и Р. С. Уортман: «История, право, филология учились только на русском материале и требовали подчас особой деликатности: иначе результат оказался бы противоположен желаемому» [10, с. 496]. В. А. Сендеров упоминает даже некие комичные ситуации на этот счет. В Санкт-Петербургском университете на экзамене по истории отличный студент неожиданно отказался отвечать билет. «Вы не знаете вопроса?» – удивился профессор. «Знаю. Но я поляк. А билет о присоединении Польши». – «Тогда возьмите другой билет», – спокойно сказал экзаменатор. Студент взял новый билет и, к восторгу всей студенческой массы, получил за ответ высший балл [8, с. 116–117].

Серьезный контроль велся не только за дисциплиной и преподаванием, но и за самими учебными заведениями. Уваров считал, что государственная школа должна стать преобладающей в образовании, вытесняя домашнее обучение и частные школы, особенно зарубежные. В результате были запрещены иностранные частные пансионы в обеих столицах, в других городах они разрешались только в случае недостатка публичных школ, а также с условием, что содержать их будут русские [2, с. 12–13].

Но не все было только в отрицательном ключе. Некоторые историки видят и положительные моменты в образовательной политике того времени. Тот же Н. В. Рязановский указывает, что, например, в инспекциях, описанных ранее, за особое проявление любви к родине и императору могли похвалить, или даже назначить высокую стипендию [13, р. 119–120]. Так Отделению русского языка и словесности специальным рескриптом на имя Уварова было выражено благоволение за поднесенный четырехтомный «Словарь церковно-славянского и русского языка», опубликованный в 1847 г. [11, с. 113]. Поощрение исследований в области русской истории не было единственным предложением «позитивного» характера, которое выдвинул С. С. Уваров [5, с. 372]. С 1828 по 1848 г. в стране были открыты Технологический институт, Высшее техническое училище в Москве, Училище правоведения и другие новые учебные заведения [9, с. 381]. «Император ориентировался на лучшие мировые образцы и не скупился на затраты, когда был убежден в их реальной пользе», – добавляет А. В. Завражин [3, с. 61]. Публичные лекции, новые учебные курсы и программы на всех образовательных уровнях, отправка учащихся за границу – характерные черты деятельности С. С. Уварова, по мнению Ц. Х. Виттекера [1, с. 118]. Не стоит забывать и о бюджете, выделяемом на образование, с момента вступления С. С. Уварова на должность министра, он резко был увеличен [1, с. 152].

Таким образом, современные историки отходят от советских убеждений, видят в проводимой образовательной политике Николая I не только отрицательные, но и положительные моменты. Хотя для многих просвещение в годы теории официальной народности так и останется прекрасным, но обманчивым мифом [9, с. 381].

Источники и литература

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
2. Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–128.

3. Завражин А. В. «Теория официальной народности» и реорганизация системы образования в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 54–62.
4. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 7–16.
5. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
6. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 626 с.
7. Окунь С.Б. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности // История Ленинградского университета. Л.: Наука, 1969. С. 11–62.
8. Сендеров В.А. Православие. Самодержавие. Народность. Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 116–123.
9. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 2. 429 с.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. 605 с.
11. Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата, 2003. 268 с.
12. Янов А. Л. Россия и Европа: 1462–1921. М., 2007. Т. 2. 502 с.
13. Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. 296 p.

© Медведева О.Э., 2017

УДК 355.134(47):94(574)

НАГРАДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСТАНЕ В XIX в.

С. У. Садвакасова

Магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
ул. К. Мунайтпасова, 5, 010000, г. Астана, Республика Казахстан,
эл. почта: mad-salta@mail.ru

В статье автор анализирует виды поощрений, которыми удостоились казахи в XIX в. Статья дает информацию о наградах в Казахстане, подтверждением являются краткие биографические очерки кавалеров. Наградная система в Казахстане являлась многоуровневой, где для отличившихся имелись разные формы поощрения за службу.

Ключевые слова: наградная система, ордена, медали, нумизматика.

S. U. Sadvakasova

AWARDS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN KAZAKHSTAN IN THE XIX CENTURY

Undergraduate of department of history of Kazakhstan

The Euroasian national university of L. N. Gumilev,
str. Munaytpasova, 5, 010000, Astana, Republic of Kazakhstan,
e-mail: mad-salta@mail.ru

In the article the author analyzes types of encouragement with which Kazakhs in the XIX century received. Article gives information about existence of awards in Kazakhstan, confirmation are short biographic sketches of gentlemen. The prize system in Kazakhstan was multilevel where different forms of encouragement for service were.

Key words: award system, orders, medals, numismatics

Особое время для наградной системы Российской империи в Казахстане представляет XIX век. Для того чтобы избежать прямого административного давления Российское правительство использовало различные формы как приемы, переписка, награждение ценными подарками, денежными знаками, орденами, медалями и чинами.

Казахи могли заслужить награду в виде чина независимо от социального происхождения и материального состояния. В чиновничьем строе царской России существовала система военных, гражданских и придворных чинов. Казахи, получившие военные чины, не были прикреплены к воинским частям Российской империи, не несли официальной службы. Исключение составляли казахи, окончившие кадетские корпуса. К примеру, султаны Альмухамед и Тлеу-Мухаммед Сейдалины, выпускники Оренбургского кадетского корпуса 1855 г., получив первый офицерский чин – прапорщика, были направлены на службу в Оренбургский линейный № 4 батальон [7, с. 670].

Служивших царю людей интересовал переход в высшее сословие – дворянство. Так, султан подполковник Турсун Чингисов из потомков хана Букея был всемиловейше возведен в потомственное дворянство Российской империи [5, с. 212–213]. Немаловажное значение имело пожалование почетного гражданства и тарханского достоинства. Награда тарханского достоинства была предусмотрена для иноверцев. Слово «тархан» монгольского происхождения, а перенято русскими у бурят. Оно имеет два значения: свободный от податей, благородный и художник или мастер. В истории казахов тарханное достоинство присвоено старшине рода черкешского Бикбулату Байчеркешеву и бию алачинского рода Майке Мусину [3, с. 513].

Медали появились в России на рубеже XVII–XVIII вв., хотя близкие к ним по значению знаки известны с XV века. Подавляющее большинство русских наградных медалей учреждались для награждения участников той или иной военной кампании, похода или сражения [4, с. 260]. Завоевали популярность настольные памятные медали, на которых изображался портрет того лица, которому они посвящались. Такие жалованные портреты счастливицы вставляли в драгоценные рамки и носили на шее. В Указе Петра I в 1801 г. о разрешении переселения из приуральской степи в 1801 г. султана Младшего жуза Букея с группой подвластных ему казахских семей на правобережную сторону Урала говорилось: «Председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея-султана, сына Нуралиханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль золотую с моим портретом, носить на шее на черной ленте» [3, с. 4–5].

Особое место среди наградных медалей занимают гражданские медали «За усердие» и «За полезное». В Списке султанов и почетных родоначальников приводятся данные о наградах медалями следующих лиц: султан майор Чингиз Валиев имеет золотую медаль на Александровской ленте, хорунжий Исинея Истемисов имеет золотую медаль на Аннинской ленте [6, с. 565–567]. В августе 1826 г. султан Суюнучгали Жданалиев был награжден золотой на Александровской ленте медалью с надписью: «За полезное», в 1832 г. награжден золотой на Аннинской ленте медалью с надписью: «За усердие» [3, с. 573].

Подарки императора делились на простые и с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества». За простые можно было получить деньгами, а подарки с вензелем императора, а то и с его портретом ценились очень высоко. Во время коронации императора Николая I Джангир хану и его супруге были подарены следующие вещи: мех соболий, камчатский, пластинчатый, мех горностаевый, два меха лисьих, красных, черевых, с душками, и 20 соболей камчатских, свите хана на 7 шапок 2 бобра камчатских. Наряду с подарками императора известны и подарки от имени императрицы. Так Александра Федоровна передала через оренбургского военного губернатора П. К. Эссена убор золотой филаграновый с топазами, состоящий из сквалажа, гребенки и пары серег в качестве подарка ханше Фатиме супруге хана Джангира [3, с. 324].

Среди различного рода наград за службу царю и Отечеству в Российской империи с 1807 г. золотое оружие «За храбрость» официально было приравнено к государственному ордену. Султан Чингиз, офицер конвоя императора, по случаю победы под Плевной 28 сентября 1877 года удостоен золотой сабли, украшенной бриллиантами, с надписью «За храбрость» [1, с. 3].

В целом наградная система в Казахстане являлась многоуровневой, где для отличившихся имелись различные формы поощрения за службу.

Источники и литература

1. Аманжолова Ш. Повелел император: «Золотую саблю за храбрость!» // Аргументы и факты. 2000. № 47.
2. Ерофеева И. В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана. Алматы, 1997.
3. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сборник документов и материалов Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
4. Кузнецов А. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М., 1988.
5. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. Ч. 1. Док. № 40.
6. Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи (XIX–XX вв.) // Доклады Национальной Академии Наук Республики Казахстан. 2014. № 3. С. 171–175.
7. Султангалиева Г. С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: Особенности восприятия Власти // Cahiers Du Monde Russe. 2015. Т. 4.

© Садвокасова С.У., 2017

УДК 371(091)(470.53)

ПЕРВЫЕ ЮБИЛЕЙНЫЕ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГИМНАЗИЙ ПЕРМИ

Е. К. Фартеев

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: zheka-232@mail.ru

В статье проанализированы четыре очерка, написанные к первым юбилеям гимназий Перми их учителями истории. Показана специфика создания подобных произведений в дореволюционный период. Проведено их сравнение с первыми юбилейными очерками по истории гимназий Екатеринбурга.

Ключевые слова: гимназии, учителя истории, юбилейные очерки.

E. K. Farteev

THE FIRST JUBILEE ESSAYS ON THE HISTORY OF GYMNASIUMS OF PERM

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: zheka-232@mail.ru

The article analyzes four essays written for the first jubilees of Perm's hymns by their history teachers. The specifics of the creation of such works in the pre-revolutionary period are shown. They are compared with the first jubilee essays on the history of gymnasiums in Yekaterinburg.

Key words: Gymnasiums, the teachers of history, the jubilee essays.

Средние общеобразовательные заведения появились в губернском центре (Перми) в начале XIX в. Мужская гимназия была открыта в июне 1808 г., первоначально как четырехклассное учебное заведение для детей разных сословий. В 1871 г. женское шестиклассное училище первого разряда Перми было преобразовано в семиклассную женскую гимназию, получившую название Мариинской.

По указанию Пермской дирекции народных училищ к юбилейным датам этих заведений были созданы очерки, содержащие сведения по их истории и современному состоянию. В Пермской Мариинской женской гимназии первая такая работа появилась уже к 25-летию юбилею [3], вторая – к 50-летию [4]. Мужская гимназия города получила подобные произведения к столетнему юбилею. Причем таковых работ вышло сразу две. Интересно, что книга краеведа А. А. Дмитриева [1] вышла к столетию открытия в городе в 1786 г. главного

народного училища, впоследствии преобразованного в четырехклассное учебное заведение. А вот работа А. В. Зверева [2] появилась к классическому столетнему юбилею в 1908 г.

Важным объединяющим признаком для этих произведений стало положение их авторов. Все они были написаны учителями истории самих гимназий: А. А. Дмитриевым, А. В. Зверевым, В. К. Семченковым и Н. С. Мальцевой. Именно этих педагогов вполне закономерно считали самыми достойными, чтобы создать первые труды по истории данных учебных заведений. Кстати, подобный выбор авторов не отличался оригинальностью. Юбилейные труды по первым гимназиям Екатеринбурга также были написаны их учителями истории: мужской – Н. К. Диомидовым и В. И. Будриным, женской П. П. Мегорским [8].

Александр Алексеевич Дмитриев (1854–1902) уроженец Соликамского уезда Пермской губернии, выпускник Императорского Казанского университета, много лет преподавал историю и географию в Пермской мужской гимназии и Пермской Мариинской женской гимназии. Он был известным на Урале историком, краеведом, автором трудов по истории Пермского края [5]. Александр Васильевич Зверев (1853–1915) в 1881 г. окончил Петербургский университет и был определен в Пермскую мужскую гимназию преподавателем русского языка и словесности, где с сентября 1890 г. вел историю и географию, а также возглавлял находившуюся в стенах гимназии библиотеку им. Д. Д. Смышляева (с 1889 г.). В 1886–1896 гг. он по совместительству был учителем истории и географии в Мариинской женской гимназии [6]. Василий Константинович Семченков (1850–1915), после учебы в Астраханской духовной семинарии (ушел из 5 класса в 1870 г.) и Казанском университете, с июля 1874 г. стал преподавателем древних языков в Пермской мужской гимназии. Кроме того, в 1874–1891 гг. он вел историю и географию в Мариинской женской гимназии. С мая 1891 г. был инспектором народных училищ Соликамского уезда [6]. Наталия Степановна Мальцева (1858–1939) окончила Пермскую Мариинскую женскую гимназию и почти всю жизнь (в 1883–1919 гг.) преподавала в ней историю и географию, написав при этом шесть учебников для земских школ и гимназий. Кроме того, она выпустила несколько брошюр по методике преподавания. Она была первой уральской женщиной, которая самостоятельно ознакомилась с учебно-воспитательными методами работы в средних учебных учреждениях европейских стран, причем не только в теории, но и на практике, путешествуя по Средиземноморью и состоя действительным членом Императорского Русского Географического общества [6].

Эти биографические справки имеют много общего. Например, мужчин, кроме преподавания истории и географии, «объединяет» наличие высшего образования (Казанский университет). Также они имели возможность преподавать в нескольких учебных заведениях по совместительству, причем как в женских, так и в мужских. В то же самое время, педагоги-женщины, какими бы они талантливыми не были, такого права вплоть до начала XX в. не имели. Два автора создали свои труды на закате карьеры, а два других – в самом ее начале. Для А. А. Дмитриева и В. К. Семченкова эти исторические работы стали не последними научными исследованиями в жизни.

Источниковая база всех очерков практически идентична. Их авторы опирались на архивы самих учебных заведений, где отложились нормативные правовые акты и различные делопроизводственные источники (отчеты, переписка, материалы по личному составу). Кроме того, часто в тексте встречаются ссылки на «Пермские губернские ведомости» и работы пермского краеведа Н. А. Фирсова [7].

Стиль исследования у всех авторов также в целом похожий. Работы написаны «легким» для восприятия языком. Все авторы придерживались хронологического принципа изложения материала. Их труды, являются своеобразными летописями учебных заведений. И это неудивительно, поскольку юбилейные очерки – это своеобразный жанр исследования, со своим традиционными составляющими: предисловие с критикой состояния в рассматриваемой сфере накануне открытия «своего» заведения, перечисление самых различных достижений и проблем с которыми столкнулись заведения за определенный период своего существования, краткие сведения о руководителях и известных выпускниках. Все эти обязательные части для подобных трудов содержат и четыре рассматриваемых очерка [8, с. 157]. К примеру,

А. В. Зверев привел сведения о 269 преподавателях и служащих Пермской мужской гимназии, и 910 ее выпускниках, причем это были данные без потерянных сведений, которые были уничтожены в результате пожара в гимназии в 1842 г. Кроме того у выпускников приводилось их социальное положение, в связи с этим выделяется, что за 100 лет, ни одного крестьянина в гимназии не было.

Достаточно любопытной темой для изучения представляется взаимодействие педагогического совета с родителями учеников. В частности, педагоги обращали внимание, что воспитание человека – это всесторонний процесс развития личности, который должен происходить не только в учебном заведении, но и в контакте ребенка с родителями. С такой формулировкой соглашались далеко не все взрослые: многие считали, что, пристроив своего ребенка в учебное заведение они «выполнили свой родительский долг», проявляя полное равнодушие к интересам учебного заведения [4, с. 9].

Также поднимаются «типичные» для учебных заведений проблемы с успеваемостью, которые обычно списывали на отсутствие дисциплины в гимназии, где в среднем каждые пять лет менялся состав попечительского совета. Свою роль играло и совместительство педагогов, которые работали сразу в двух гимназиях. Это не способствовало качественному преподаванию. Так как, работая по совместительству, педагоги не успевали полностью познакомиться с классами и их возможностями, а дети в свою очередь получали не равномерную нагрузку, потому что, уроки многим совместителям ставили по несколько подряд, и только тогда, когда им было удобно [3, с. 68–69]. Подобные проблемы с преподавательским составом испытывали и Екатеринбургские гимназии. Правда, там систематические неявки преподавателей оправдывали не загруженностью как в Перми, а малой оплатой труда, в результате чего, гимназии были не в состоянии привлечь туда грамотных специалистов [8, с. 158].

Заработная плата учительского корпуса средних учебных заведений неуклонно росла, обгоняя даже рост цен, но она при этом все равно оставалась ниже, чем у технической интеллигенции, лиц свободных профессий, и особенно чиновников высокого ранга. Поэтому многие педагоги проявляли высокую мобильность своей деятельности, работая по совместительству в двух или более учебных заведениях. Кроме того, дополнительным средством оплаты труда выступали такие составляющие как заведывание библиотекой, исполнение обязанностей классного руководства, проверка тетрадей и т.п. [5, с. 213–214].

Таким образом, труды учителей истории А. А. Дмитриева, А. В. Зверева, В. К. Семченкова и Н. С. Мальцевой весьма информативны, содержат ценный статистический материал и достаточно любопытны для изучения. Они включают в себя наблюдения современников событий и сведения из источников, часть которых не сохранились до настоящего времени. Очерки представляют значительный интерес для исследователей народного образования в Перми, с помощью которых можно накапливать и обобщать опыт обучения и воспитания предыдущих поколений.

Источники и литература

1. Дмитриев А. А. Столетие Пермской гимназии. Казань: тип. губ. правления, 1886. 85 с.
2. Зверев А. В. Старейшее учебное заведение Перми. Пермь: тип. Чердынцева, 1908. 230 с.
3. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет ее существования (с 1861 по 1886 год) / сост. В. К. Семченков. Пермь: типо-литография губернского правления, 1886. 232 с.
4. Мариинская женская гимназия в Перми. К 50-летию юбилею. Пермь: тип. Чердынцева, 1913. 151 с.
5. Уколова О. С. Преподаватели истории в составе городского учительства Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Современный педагог-историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. Ежегодник. XIX всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. Ч. 1. С. 210–218.
6. Пермский край: универсальная электронная энциклопедия. URL: <http://enc.permculture.ru>

7. Фирсов Н. А. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 143–199.

8. Черноухов Э. А. Первые юбилейные очерки по истории гимназий Екатеринбурга // Воспитание и обучение истории в школе и вузе: исторический опыт, современное состояние и перспективы развития. Ежегодник. XX всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: УрГПУ, 2016. Ч. 2. С. 155–159.

© Фартеев Е.К., 2017

УДК 94(470.53)+614.251.2(470.53)

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЕ

Д. Э. Черноухов

Аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: d.e.chernouhov@gmail.com

Материалы по организации и деятельности земской медицины Пермской губернии хранятся в трех архивах региона, в том числе Государственном архиве Свердловской области. Здесь имеются фонды пяти уездных земских управ – исполнительных органов земского самоуправления. Архивные документы являются важным дополнением к опубликованным материалам при исследовании истории земской медицины в Пермской губернии. Среди них следует особо выделить различную делопроизводственную документацию и личные дела медицинского персонала.

Ключевые слова: земская медицина, государственные архивы, архивные материалы, история медицины

Chernouhov D.E.

THE STATE ARCHIVE OF SVERDLOVSK REGION DOCUMENTS ABOUT ZEMSTVO MEDICINE

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: d.e.chernouhov@gmail.com

The materials about organization and activities of zemstvo medicine are kept in three region archives, including the State Archive of Sverdlovsk region. Here are five funds county zemstvo boards – executive bodies of zemstvo self-government. Archival documents are an important addition to the published documents in learning the history of zemstvo medicine in Russia. Among them should be highlighted a different office work documentation on a wide variety of questions and personal files of medical personnel.

Key words: zemstvo medicine, state archives, archival materials, medical history.

Пермская губерния, где земские учреждения были введены в 1870 г., включала 12 уездов. Она занимала громадное пространство почти в 300 тысяч кв. км, на котором могло бы уместиться несколько государств Западной Европы. В Российской империи она находилась на третьем месте по площади, и одном из первых по численности населения.

В советский период территория Пермской губернии оказалась разделенной между несколькими субъектами федерации. Поэтому документы по организации и деятельности ее земских органов оказались в составе трех архивов. Государственный архив Пермского края (ГАПК) имеет фонды по шести уездным земствам, Государственный архив Свердловской области (ГАСО) – пяти, а Государственный архив в городе Шадринск (районный центр в Курганской области) – одному.

Состав этих архивных материалов по земской медицине во многом идентичен. Мы анализируем его на примере фондов ГАСО, расположенного в Екатеринбурге. Это в одно из крупнейших на Урале хранилищ документов, в котором более 1 млн дел, объединенных бо-

лее чем в 2,5 тыс. фондов [1]. ГАСО содержит фонды пяти уездных земских управ региона за 1870–1919 гг.: Верхотурской, Екатеринбургской, Ирбитской, Камышловской и Красноуфимской. Они существенно отличаются по объему единиц хранения: от 69 дел в фонде Камышловской до 2301 – в Верхотурской [2–6].

Следует учитывать, что земства, в том числе Пермской губернии, с самого начала традиционно уделяли большое внимание публикации результатов по своей организации и деятельности. Действительно обширные материалы опубликованы в ежегодно издаваемых «Журналах заседаний» губернского и всех 12 уездных собраний, «Трудах» съездов врачей Пермской губернии, а также собственном периодическом издании: «Сборник Пермского земства» (с 1907 г. – «Пермская земская неделя»). Именно они традиционно являются основной источниковой базой для анализа истории земского самоуправления в регионе.

Положение о земских учреждениях 1864 г. (ст. 2) в качестве неobligательной повинности, определило им участвовать «преимущественно в хозяйственном отношении и в пределах законом определенных в попечении о народном здравии». Но во многих губерниях, в том числе Пермской, развитие медицины стало одним из важнейших направлений земской деятельности. По медицинской сфере в Пермской губернии некоторые материалы частично введены в научный оборот С. Н. Плотниковым [7] и Т. Ю. Шестовой [10].

Но далеко не все важные документы по земским учреждениям в регионе, в том числе по медицинской сфере, были опубликованы. Часть из них сохранились только в архивных фондах. Это, прежде всего, различная делопроизводственная документация земских учреждений: постановления земских собраний, отчеты земских управ, протоколы земско-медицинских советов, доклады земских врачей. В частности, в фондах ГАСО сохранились журналы заседаний ряда уездных земских собраний (Верхотурского, Екатеринбургского) первых лет, оставшиеся в рукописном виде [6, д. 2, 18]. Здесь отложились и протоколы заседаний уездных земских управ начала 1870-х гг. [2, д. 1–4].

Важнейшей частью делопроизводственной документации является переписка земских органов с различными учреждениями. Она, в частности, активно велась по отмене решений земских собраний губернаторами. Последние регулярно требовали уменьшения земского налогообложения и соответственно сокращения земских смет. По их мнению, органы местного самоуправления нередко строили слишком дорогие больницы в сельской местности. Земские органы постоянно пытались добиться отмены протестов губернатором, доходя до высшей судебной инстанции Российской империи – Сената.

Важнейшая часть делопроизводственной земской переписки была посвящена взаимодействию по межведомственным проблемам. Так, в уездах Пермской губернии, где располагались крупные горнозаводские округа, сразу стало налаживаться сотрудничество в медицинской сфере. В тот период времени заводладельцы региона все настойчивей требовали освободить их от исполнения «натуральных» повинностей (в том числе в сфере медицины), сохранившихся от крепостной эпохи. Часть из них были готовы передать свои медицинские заведения в ведение органов местного самоуправления. В архивных фондах отложились подробные описания заводских госпиталей со всем имуществом, предлагаемым их владельцами для передачи земству, а также порожденная этим многолетняя переписка по финансовым и организационным условиям. По различным причинам большинство этих проектов так и остались нереализованными.

Наиболее эффективным было взаимодействие в медицинской сфере Верхотурского уездного земства и Нижнетагильского заводууправления Демидовых в 1870–1880-х гг. Материалы об этом отложились в фондах Верхотурской уездной земской управы и Нижнетагильского горного округа ГАСО (ф. 435 и 643). На базе заводского госпиталя удалось создать школу для подготовки среднего медицинского персонала [8, с. 358–360].

Важной частью делопроизводственной документации являются материалы по личному составу. Во второй описи фонда Екатеринбургского уездной земской управы имеются многочисленные личные дела медицинского персонала: врачей, фельдшеров, акушерок и др. Среди них есть, например, обширное дело польского врача Адама Волянского (1836–1904),

выпускника Киевского университета. В 1872–1904 гг. он с двумя перерывами (переходил на заводскую службу) служил земским врачом в Кыштымском участке Екатеринбургского уезда. Здесь же в 1893 г. работал и его сын Адам (выпускник Краковского университета), умерший во время эпидемии тифа [9, с. 150–152].

В архивных фондах земских управ имеется и техническая документация: проекты и чертежи строительства новых зданий, планы местности, подрядная документация. Для ее составления земские органы даже нанимали собственных архитекторов и техников. Эти материалы, в частности, позволяют проследить проблемы Верхотурского земства с созданием своей первой собственной больницы в Нижнетагильском поселке. Ее открытие произошло только через 10 лет после решения о начале строительства, а реальные затраты на превысили первоначальную смету почти в три раза [6, д. 283, 396].

В целом архивные материалы ГАСО являются важным дополнением (к опубликованным источникам) при исследовании истории земской медицины в Пермской губернии. Они позволяют проследить столкновение интересов различных социальных групп, механизмы согласования непростых решений, специфику их реализации в различных уездах, потребности местного населения, биографии, квалификацию и деятельность земского медицинского персонала.

Источники и литература

1. Государственный архив Свердловской области // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 7–10.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 18. Екатеринбургская уездная земская управа. 1615 д.
3. ГАСО. Ф. 199. Камышловская уездная земская управа. 67 д.
4. ГАСО. Ф. 375. Красноуфимская уездная земская управа. 592 д.
5. ГАСО. Ф. 434. Ирбитская уездная земская управа. 267 д.
6. ГАСО. Ф. 435. Верхотурская уездная земская управа. 2301 д.
7. Плотников С. Н. Становление Пермского земства (1870–1879 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 319 с.
8. Черноухов Э. А. Медицина в Нижнетагильском поселке в 1870–1880-х гг.: взаимодействие земства и заводууправления // Город: годы, события, люди. Н. Тагил, 2012. С. 356–364.
9. Черноухов Э. А. Врачи-поляки на горных заводах Урала XIX в. // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 148–152.
10. Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской и Оренбургской). 1864–1900. Пермь, 2003.

© Черноухов Д.Э., 2017

УДК 378.661(091):614.2(091)(470.5)

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1881–1917 гг.

Д. А. Кузьмина

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: kuzmina.dasha2014@yandex.ru

В статье рассматривается становление женского медицинского образования. На примере Пермской губернии раскрывается деятельность первых женщин-врачей, ограничения с которыми они сталкивались, а также развитие возможностей женщин в профессии с течением времени. Основываясь на материалах Адресной книги Пермской губернии, проводится статистический подсчет женщин, занятых в медицине в качестве врачей.

Ключевые слова: женщины-врачи, медицина, медицинское образование, история медицины.

D. A. Kuzmina

WOMEN-DOCTORS OF PERM GUBERNIA IN 1881–1917.

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: kuzmina.dasha2014@yandex.ru

The article deals with the development of women's medical education. The example of the Perm gubernia reveals the activities of the first women doctors, the limitations they faced, as well as the development of women's opportunities in the profession over time. Based on the materials of the Address book of the Perm gubernia, a statistical counting of women employed in medicine as doctors is carried out.

Key words: women-doctors, medicine, medical education, history of medicine.

Первая волна феминизма в России неразрывно связана с борьбой женщин за доступ к получению медицинского образования не только как акушерки и фельдшерицы [9, с. 41], но и в качестве полноправных врачей. Начало этой борьбы было предрешено несколькими факторами: во-первых, в последней четверти XIX в. нарастало революционное движение; во-вторых, поддержкой либеральных деятелей – значимость этих процессов отражена в работах Э. А. Павлюченко [6, с. 142–156] и Е. И. Иванова [4, с. 292–296]. И, в-третьих, огромную роль в подстегивании женского вопроса сыграла земская реформа Александра II, которая переложила заботы о «народном здравии» на земства [12, с. 255]. Это поставило новые проблемы, связанные не только с новой организацией управления, но и, как указывает Н. И. Пристанскова [8, с. 12], необходимостью обеспечить доступность медицины всем условиям, а также проводить профилактические мероприятия против заболеваний. Все эти моменты требовали не только материальных затрат, но и поднимали вопрос о кадрах. Конечно, была возможность привлечения врачей-мужчин, но крупные города давали специалистам больше возможностей для комфортной работы, поэтому немногие уезжали в провинцию. Эти обстоятельства потребовали от земств активно включиться в движение за расширение для женщин возможностей обучаться врачебному делу.

«Бегство» девушек в Цюрих [3, с. 8–9], где они имели возможность обучаться медицине, заступничество деятелей либерального толка и, конечно, потребности земств, вынудили правительство пойти на определенные уступки и открыть в 1872 г. Высшие курсы ученых акушерок [10, с. 279–280]. Разумеется, полученное образование не было схоже с тем, что получали студенты-мужчины: многие направления медицины были исключены из программы – но это стало первым шагом в становлении женского медицинского образования. В дальнейшем, видя положительный опыт этого эксперимента, количество дисциплин будет увеличиваться, а карьерные возможности расширяться. До XX в. сохранится специализация преимущественно на женских и детских болезнях, но с 1904 г. для девушек откроются специальности зубных врачей, провизоров, помощников аптекаря и др.

Учеба на курсах была платной, поэтому земство нередко оказывало материальную помощь девушкам, желающим получить медицинское образование. Так, стипендии в размере 300 руб. получали одни из первых женщин-врачей, которые поступили на службу в Пермскую губернию – О. И. Скворцова и М. И. Торопова [5, с. 45–49].

Женщины-врачи активно старались помочь и вне пределов больницы. В соответствии с политикой земской медицины, Е. В. Кротова-Александрова вела усиленную борьбу с тифом, а М. И. Торопова добивалась проведения повсеместного оспопрививания. Также женщины активно участвовали в жизни благотворительных обществ: О. И. Скворцова являлась членом Пермского дамского попечительства о бедных, а Е. П. Серебренникова состояла в Пермском отделении Мариинского попечительства о слепых. Впоследствии, благодаря изменению в законодательстве 1883 г., обе эти женщины возглавили отделения в Александровской больнице губернского земства [7, с. 7].

Хотя правительство стремилось ограничить деятельность женщин исключительно сферой гинекологии и родовспоможения, реальность показала, что необходимы специалисты разных профилей. Е. П. Серебренникова стала одной из известных офтальмологов России [2, с. 29–30], а В. И. Антушевич [13, с. 316–317] получила работу в приюте для душевнобольных в г. Перми. А. И. Никольская и М. Я. Брунштейн с 1894 г. были заявлены как вольнопрактикующие врачи в Перми [1, с. 131]. В целом в последней четверти XIX в. на службе Пермской губернии слу-

жило, по меньшей мере, 11 женщин-врачей. Они, за редким исключением, исполняли свой долг именно в земских учреждениях, но в XX в. возможности будут значительно расширены.

В его первое десятилетие женщин-врачей Пермской губернии по-прежнему было немного. Используя «Адресные» и «Памятные книги Пермской губернии», стало возможным подсчитать примерное количество женщин, занятых на службе в качестве врачей. Так, в 1900 г. было, по меньшей мере, три женщины-врача, в 1905 – две, в 1910 – четыре. Но с 1911 по 1917 гг. число врачей постоянно увеличивалось: в 1912 г. – 14 женщин-врачей, в 1914 – 22, а в 1917 г. – уже 31 женщина. Всего с 1900 по 1917 гг. на службе в губернии состояло до 80 женщин-врачей. Превалирующим оставалась земская служба – там их было до 60.

Деятельность женщин, служивших в земских учреждениях, не была ограничена сферами гинекологии, родовспоможения и участковых врачей. Напротив, земства первыми привлекли специалистов в разных областях. В 1912 г. в Камышловской уездной земской управе начала работать первая женщина – зубной врач Л. В. Федорова, в том же году первый санитарный врач Р. А. Егоровская была заявлена в Шадринской земской больнице.

Именно наблюдение за успешной деятельностью женщин-врачей в земской службе, подстегнуло государство и частных более активно привлекать их на работу. Так, в Екатеринбургском родильном доме на должности прозектора служила Л. П. Паромова, в Пермской городской управе в больнице для бедных работали А. С. Доронина и Е. А. Балакшина. На частном Теплогарском заводе исполняла свой долг Е. И. Морошина.

Подобно поколению женщин-врачей XIX в., специалистки XX в. активно занимались благотворительной деятельностью, например, в работе Красного Креста, организации попечительства о слепых. Также заметна их преподавательская деятельность – в Пермской женской учительской гимназии работала Н. И. Ильинская, а Л. П. Паромова преподавала в повивальном институте в Екатеринбурге. Женщины-врачи продолжили участвовать в съездах врачей: так, на XI съезде присутствовали А. Д. Маргаритова, Р. А. Егоровская, А. В. Гроздова, А. Н. Соколова [11, с. 1–5].

Таким образом, земская реформа стимулировала развитие женского медицинского образования, а затем служба женщин-врачей вышла за пределы земских организаций. От сферы женских и детских болезней женщины перешли к многообразию специальностей; от исключительно женских отделений больницы – к работе в учебных заведениях и на заводах. И впоследствии, их роль в медицине страны будут расти.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии за 1881 г. Пермь: тип. губернского правления, 1881. 150 с.
2. Бабушкин В. С. Врач Е. П. Серебренникова. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1957. 47 с.
3. Бемерт В. Университетское образование женщины. СПб.: тип. Меркульева, 1873. 40 с.
4. Иванов Е. И. Высшая школа в России в конце XIX – начала XX века. М., 1991. 392 с.
5. Островкин Д. Л., Черноухов Э. А. Первые женщины-врачи на земской службе в Пермской губернии // Гендерные аспекты социогуманитарного знания-III: Материалы Третьей Всероссийской науч. конф. Пермь, 2013. С. 45–49.
6. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 272 с.
7. Полянский А. М. Русская женщина на государственной и общественной службе. М.: Труд, 1901. 750 с.
8. Пристанкова Н. И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи: XIX – начало XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2007. 215 с.
9. Свод Законов Российской Империи. Кн. 1. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. СПб.: тип. II отд-я е.и.в. Канцелярии, 1857. 1416 с.
10. Стасов В. Надежда Васильевна Стасова: воспоминания и очерки. СПб: тип. Меркушева, 1899. 508 с.
11. Труды XI губернского съезда врачей в г. Перми (журналы заседаний, доклады и рефераты). Пермь: тип. губернского земства, 1914. 182 с.

12. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю. П. Титов. М., 1997. 472 с.

13. Шестова Т. Ю. Первые женщины-врачи Пермской и Вятской губерний во второй половине XIX – начале XX в. // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М., 2010. Т. 1. С. 318.

© Кузьмина Д.А., 2017

УДК 94(47).081:27-9

АЛКОГОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ СЕЛЬСКИХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (ПО «ЗАПИСКАМ» А. И. РОЗАНОВА)

М. С. Звягинцева

Магистрант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Российская Федерация,
эл. почта: zvyagintseva_m@bsu.edu.ru

В статье анализируется отношение сельского священника к алкоголизму среди духовенства. Опираясь на мемуарную литературу («Записки» А. И. Розанова), мы выявляем яркие примеры неподобающего образа жизни духовных лиц в период правления Александра II. Исследование показывает, чем пастырь объяснял учащавшееся пьянство в среде духовного сословия, и как к этому явлению относились прихожане.

Ключевые слова: сельское духовенство, воспоминания, периодическая печать, провинция, священнослужители, пьянство, алкоголизм, алкогольная зависимость, Русская Православная церковь.

M. S. Zvyagintseva

ALCOHOLISM OF RURAL PRIESTS: VIEW FROM INSIDE (ACCORDING THE "NOTES" BY A. ROZANOV)

Belgorod State National Research University,
Pobeda str., 85, 308015, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: zvyagintseva_m@bsu.edu.ru

The paper considers the attitude of rural priest to alcoholism about clergy. The memoirs of A. Rozanov is the basis for study of this issue. We identify the most vivid examples of the inappropriate lifestyle of clerics during the reign of Alexander II. The research shows how the priest explained the frequent drunkenness among the clergy, and how the parishioners treated this phenomenon.

Key words: rural clergy, memoirs, periodicals, province, clergy, drunkenness, alcoholism, alcohol dependence, the Russian Orthodox church.

Борьба с пьянством являлась одной из негласных обязанностей священнослужителей и занимала особенное место в сельской местности. В системе епархиального управления церковный приход воспринимался как готовая структура для искоренения алкоголизма [7, с. 33]. Пастыри в проповедях наставляли прихожан, организовывали общества по борьбе с пьянством и, в идеале, являли собой пример независимости от «зелёного змия». Главным оружием духовенства являлось «слово». Тем не менее, не всегда желаемый и действительный образ сельского пастыря совпадали. В эпоху Великих реформ стали прогрессировать негативные явления в среде духовного сословия, и одним из таких бытовых пороков являлось пристрастие к спиртным напиткам [1, с. 301].

За основу для данной работы были взяты «Записки» Александра Ивановича Розанова, которые печатались в 1879–1882 гг. в историческом журнале «Русская старина». Пастырь всегда публиковался под псевдонимом «Сельский священник», тем самым давая понять читателю, что всё им описанное имеет отражение в любой сельской местности. Стоит заметить, что к 1880-м гг. А. И. Розанов уже тридцать лет являлся благочинным, а, следовательно, не понаслышке знал всю бытовую сторону жизни церковного округа, был достаточно хорошо знаком с положением дел в других благочиниях. Следовательно, мы имеем возможность

проследить, как сам священнослужитель видел и воспринимал проблему алкоголизма среди духовенства: с позиций богословского и светского образования, а также житейского опыта.

Во второй половине XIX в. в духовную консисторию нередко поступали жалобы на священников, которые недостойно вели себя в нетрезвом виде [6, с. 64]. Один из ярких случаев, о которых вспоминает А. И. Розанов – произведение им следствия по делу нетрезвого образа жизни двух священников в одном из больших поселений Саратовского уезда – Ивана Троицкого и Михаила Архангельского. Представитель духовного сословия именуется их «язвой для православных приходов». Троицкий на протяжении 25 лет был сельским пастырем, овдовев, спился. Второго священника прислали ему на замену, но он оказался настолько хуже прежнего, что о нравственном воспитании прихожан не могло быть и речи. Напротив, как рассказывал один крестьянин в ходе следствия, он сам пытался урезонивать батюшку, но в ответ получал такие слова, что «последний бурлак не выругался бы так». Мужики отзывались о них: «Это оба такие попы, что мы не позволили бы им даже пасти стадо свиней, а не то, что стадо христово (мирян)!» [5, с. 348]. Впоследствии этих священников удалили из прихода.

Анализируя окружающую действительность, А. И. Розанов приходит к выводу, что, в сельской местности «не огрубеть, не оставить своих чисто пастырских обязанностей и не сделаться пьяницей – почти нет возможности» [4, с. 471]. Главную угрозу собой представляет «безделье» в свободное время. О предпосылках к безделью священник говорит следующее: в приходах нет лиц, которые были бы по умственному развитию и нравственным потребностям равны духовному лицу [5, с. 569].

Сельский пастырь поясняет, что с крестьянами можно поговорить только об обыденном хозяйстве, а с дворянами и общаться, зачастую, желания не возникает, поскольку они смотрят свысока и разговаривают покровительственно. В итоге, для купца надо быть купцом, для мужика — мужиком, для барина – барином, для молодых дам – модницей, иначе, священник не удовлетворит представителя паствы [3, с. 238]. При этом ни зажиточный мужик в сельской местности, ни бедняк не читают ничего, кроме «местной газетки». Если в приходе встречается лицо с университетским образованием, то тут уже открывается другая сторона медали – на самого священника могут смотреть как на малообразованного человека. Соответственно, если в сельской местности с прихожанами не налажены добрые отношения, не сформирован круг общения (особенно эти проблемы близки молодым людям, недавно отправленным в новый приход), то велик соблазн пристраститься к алкоголю.

Также большое значение имеет коммуникация с местными жителями и присутствие на застольях. К примеру, даже понимая, что «отметить крестины» – означает, в том числе, и выпить, не пойти нельзя, так как это может быть воспринято как личная обида. А пойти, – значит, негласно, дать добро на то, чтобы вскоре был нанесён ответный визит в дом священника. «Нельзя его посадить у себя и не угостить», а, следовательно, и «пригубить» вместе с ним [4, с. 472]. Следовательно, через время всё это может обратиться в пагубную привычку. Священнослужитель постепенно, незаметно для себя, становился пьяницей.

Интересно, что впоследствии такой же факт действительности, но в несколько иной интерпретации, был представлен в периодическом издании «Трезвая жизнь» за 1910 г.: такое положение вещей именовали «строго соблюдаемой оригинальной традицией» [2, с. 62]. Так, в личном повествовании священника всё представляется как невольное положение вещей, изменить которое священнослужителю, увы, не по силам. В периодическом же издании начала XX в. такой «обычай» воспринимается как особенно желанное действие для сельского пастыря. Но нельзя не отметить, что, в любом случае, в психологии крестьянина «по стаканчику определяется радушие батюшки».

Озвучивая вышеуказанный пример, А. И. Розанов снова делает отсылку к тому, что особенно опасны такие «посиделки» для молодых священников, которых только перевели в приход: у них ещё нет необходимого авторитета, они находятся в полной зависимости от причта в отношении средств к существованию. По поводу последнего пастырь замечает, что, в случае, когда приход оказывает на молодого священнослужителя сильное давление в вопросе уменьшения платы за требы, и духовное лицо поддается, то есть два варианта развития

событий – терпеть страшную нужду, либо спиваться. Если же сельскому священнику удалось получить уважение среди прихожан, то его слово в отношении проблемы пьянства приобретало весомое значение для паствы. Прихожане старались не представлять в нелицеприятном образе перед духовным лицом: пьяный мужик скорее пойдёт закоулками, чем напрямую – мимо дома священнослужителя; мужики, толпившиеся у кабака, скорее расходятся, если издали увидят пастыря.

Итак, мы видим, что сельский священник не воспринимал алкоголизм в среде духовенства как норму: подчёркивает его пагубное влияние и на конкретного человека, и на паству, и на образ священника в целом. А. И. Розанов придает этой проблеме большое значение, а также выделяет причины, которые способствовали зарождению и укоренению пагубной привычки. Тем самым он показывает, что сложившаяся ситуация – проблема всего общества: зачастую, само положение дел, в которое ставит служебная деятельность пастыря, невольно располагает к постепенному пристрастию к алкоголю.

Источники и литература

1. Алексеева Н. В., Панфилова Е. В. Приходской священник в конце XIX – начале XX в.: материальное содержание и условия выживания // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию Русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 298–302.

2. Быкова А. Г. Образ жизни и потребление алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2009. № 5(81). С. 61–63.

3. Малышев В. Белое духовенство глазами церковно-общественной публицистики периода правления имп. Александра II // Материалы VI междунар. студ. науч.-богослов. конф. Санкт-Петербургской православной духовной академии. СПб.: СПбДА, 2014. С. 234–241.

4. Розанов А. И. Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 449–476.

5. Розанов А. И. Записки сельского священника // Русская старина. 1881. Т. 30. С. 333–572.

6. Скутнев А. В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 63–78.

7. Черниенко А. В. Внепрофессиональная деятельность и облик приходского духовенства Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Религиоведение. 2012. № 1. С. 32–37.

© Звягинцева М.С., 2017

УДК 94(470.5).072:28

МУСУЛЬМАНЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА В МАТЕРИАЛАХ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 Г.

А. В. Бобицкий

Студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

Статья посвящена характеристике мусульманского населения Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда. На основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. проанализированы этническая и сословная принадлежность, а также уровень грамотности мусульман на данной территории.

В ходе исследования было установлено, что мусульманское население было неоднородно в этническом и сословном отношениях. Выявлено, что абсолютное большинство мусульман проживало за пределами города Екатеринбурга, относилось к крестьянскому сословию и говорило на башкирском языке. Тогда как большинство городских мусульман было представлено татарами, заметная часть которых принадлежала к мещанскому сословию. Кроме

того, были выявлены отличия мусульман от других религиозных групп. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант 16-18-10105.

Ключевые слова: история ислама, мусульмане, мусульманство, религиозный ландшафт, перепись населения.

A.V. Bobitsky

**THE URALS MUSLIMS ACCORDING TO THE 1897 CENSUS:
THE EKATERINBURG UEZD CASE**

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: bobitskiy.alexander.101@yandex.ru

The paper analyses the Urals Muslim population according to the First Russian Census of 1897 data with a special focus on the Ekaterinburg uezd (county like administrative unit) and Ekaterinburg city. It analyses the Muslim population's ethnic and social composition and literacy level. The paper also discusses the differences in Muslim urban and rural population and compares Ekaterinburg Muslims with the city's other religious groups. The author argues that Yekaterinburg uezd and Yekaterinburg city's Muslim population was not homogeneous.

Key words: The history of Islam, Muslims, Islam, Religious landscape of the Urals, population census.

Мусульмане являются одним из наиболее многочисленных религиозных сообществ современной России и Урала. Между тем, точную информацию об их численности, этнической принадлежности и других характеристиках найти сложно, особенно если нас интересует до-революционный период. Это обстоятельство определило цель исследования: охарактеризовать состояние мусульманского сообщества Екатеринбургского уезда в конце XIX в. Цель, в свою очередь, определила задачи исследования: анализ данных о численности мусульман, их размещении, сословной и этнической принадлежности. В качестве источника были выбраны материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Следует отметить, что Перепись 1897 г. дает нам данные о наличном населении, т.е. обо всех людях, находившихся в месте учета, независимо от того, проживали ли они здесь постоянно или находились временно. В Европе же в конце XIX в. было распространено проведение переписи по принципу *de facto*. Однако если мы хотим добиться максимальной точности данных о городском населении, следует учитывать контекст, который задают обстоятельства проведения переписи и данные других источников [3, с. 20–21].

По данным Переписи 1897 г. в Екатеринбурге проживали 678 мусульман, они составляли 1,56% от общего числа населения и были третьей по численности религиозной группой после объединенных в материалах переписи православных и единоверцев и после старообрядцев. В уезде численность мусульман была выше и составляла 12178 человек или 2,95% от общего числа жителей [2, с. 92–93]. Из приведенных данных видно, что мусульмане в конце XIX в. были преимущественно сельской религиозной группой. Это отличало их, например, от католиков и протестантов, которые предпочитали жить в городах.

Анализ сведений о распределении населения по языку и вероисповеданию показывает, что в городе 85,84% мусульман считали родным языком татарский, 8,55% – башкирский, а 2,8% указали в качестве родного языка мещеряцкий. В уезде этническая структура мусульманского населения была иной, основную массу мусульман составляли башкиры, вторыми по численности были мещеряки, а татары составляли меньшинство [2, с. 108–109]. В целом, очевидно, что в случае с мусульманами существовала крепкая связь между этнической принадлежностью и вероисповеданием, т.е. мы можем говорить об этнических мусульманах.

Городские мусульмане также отличались от уездных уровнем грамотности (под грамотностью переписчики понимали умение читать): индекс грамотности горожан (включая детей) составлял 32,89%, у жителей уезда – 16,92%. При этом разница между мужским и женским уровнем грамотности была гораздо заметнее в сельской местности. Сравнительно низкий

уровень грамотности делал мусульман более похожими на православное большинство, а не на западно-христианские религиозные меньшинства.

Материалы Переписи позволяют увидеть примерную сословную принадлежность мусульман. Так, в Екатеринбурге татары принадлежали к купечеству (10 чел.), мещанству (118 чел.), крестьянству (455 чел.), один татарин оказался в числе «иностранцев» и еще один не был отнесен ни к одной из сословных категорий. Таким образом, самые крупные сословные группы – это крестьяне – 77,64%, а также мещане – 20,13%. Среди башкир не было купцов и мещан, один человек принадлежал к сословию «иностранцев», а остальные к крестьянскому сословию. К крестьянам были отнесены и все мещеряки, находившиеся в городе.

В уезде основная масса башкир, татар и мещеряков (около 12 000 чел.) принадлежала к сословию крестьян, меньше процента принадлежало к мещанскому сословию. Кроме того, среди татар уезда был один войсковой казак, шесть чел., не указавших свое сословие и три потомственных дворянина [2, с. 276–279]. И если в случае с городом Екатеринбургом мы можем сказать, кто именно составлял верхушку мусульманского сообщества [1, с. 247–248.], то на уровне уезда этот вопрос, по всей видимости, остается нерешенным.

Таким образом, анализ материалов Переписи 1897 г. позволяет говорить не только об отличиях мусульман от других религиозных меньшинств, но и о различиях между городскими и уездными мусульманами. Эти различия были заметны в этнической и сословной структуре населения, а также в уровне грамотности.

Источники и литература

1. Главацкая Е. М., Старостин А. Н. Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 244–251.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Слово, 1904. 301 с.

3. Торвальдсен Г. Т. Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2016. № 3 (154). С. 9–28.

© Бобицкий А. В., 2017

УДК 94:39(571.6)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО УКЛАДА И БЫТА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА К НАЧАЛУ XX в.

В. В. Дементьева

Студент

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет,
пр. Ленина, 27, 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация,
эл. почта: 5toria@mail.ru

В статье рассматривается процесс трансформации традиционного уклада. Выявлены основные изменения, которые произошли в традиционном образе жизни и экономике коренных малочисленных этносов. Проанализированы основные положительные и отрицательные факторы, которые возникли в результате изменения политики государства к началу XX в. Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ, договор № 14.Z56.16.5304-МК (грант Президента).

Ключевые слова: традиционный уклад, аборигены, коренные малочисленные народы, этнография, русское население, традиционное хозяйство.

V. V. Dementeva

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL STOCKING AND LIFE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Komsomolsk-na-Amure State Technical University,
pr. Lenina, 27, 681013, Komsomolsk-na-Amure, Russian Federation,
e-mail: 5toria@mail.ru

The article deals with the process of transformation of the traditional way of life. The main changes that have occurred in the traditional way of life and economy of indigenous small ethnic groups are revealed. The main positive and negative factors that arose as a result of a change in state policy towards the beginning of the 20th century were analyzed. The research was supported by the Russian Federation Ministry of Education and Science, the contract № 14.Z56.16.5304-MK (President Grant).

Key words: the traditional way, aboriginal people, native minorities, ethnography, traditional economy, Russian people

Трансформация традиционного уклада и быта стали важным историческим процессом в жизни коренных малочисленных народов Дальнего Востока. К началу XX в. у них произошёл переход от традиционного аграрного общества к современному [4, с. 208].

Изменения традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов начиналась с быта коренных малочисленных народов. Проживая в привычных условиях народы, населявшие Дальний Восток занимались своими привычными для каждого этноса традиционными занятиями: морской зверобойный промысел, домашнее оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, сбор дикоросов, лекарственных растений. Используя природные ресурсы, коренные этносы старались бережно относиться к окружающей природе. Чтобы будущие дети соответственно относились к тому, что их окружает, старшее поколение воспитывало в них бережливости. Особое значение имеют поведенческие традиции, которые они соблюдали и старались передавать из поколения в поколение [1, с. 18].

В этнических традициях и обычаях аборигенов Дальнего Востока имеют огромное значение религия. Они исповедовали в основном шаманизм, тотемизм, фетишизм, анимизм с элементами христианских обычаев. Суть верований заключалась вера в духов и подчинение шаманам, которые являлись для народа главой родовой общины и руководили производственной и бытовой жизнь народов [2, с. 26].

Ключевым моментом в истории развития коренных этносов стало присоединение аборигенов Дальнего Востока к Российскому государству. Регулярно взаимодействие с русским населением привело к коренным изменениям в жизни туземцев. Происходивший в то время процесс был достаточно прогрессивным, но довольно сложным. Во-первых, постепенное внедрение полунатурального хозяйства аборигенов во всероссийскую экономику исключило первобытную замкнутость и изолированность дальневосточных народов. Во-вторых, под воздействием русских людей у некоторых групп коренных малочисленных народов появились новые виды земледелия, такие как огородничество, домашнее животноводство. Эти разновидности хозяйства имели в основном натуральный характер [5]. В-третьих, многие группы коренного населения постепенно перешли от оленеводства, охоты и рыболовства к охоте на пушного зверя и торговле пушниной в обмен на промышленные товары и европейские продукты, другие, изменив характер оленеводства, перешли от мелкотабунного к крупнотабунному [1, с. 19].

В XIX – начале XX в. государство решило вовлечь хозяйства аборигенов в формирующуюся сферу капиталистического производства. Экономические преобразование привели к полному бесправия коренного населения и постепенно разрушали традиционный уклад [3, с. 201, 207]. Товарное значение приобретает пушнина, частично выходили на рынок продукты оленеводства, рыболовства, морского зверобойного промысла. Появление товарно-денежных отношений разрушило общее традиционное состояние у коренных народов, разрушив патриархально-родовой строй. С течением времени в жизни у коренного населения изменялось многое: они не делили между собой крупной мясной добычи, распространялась частная собственность на продукцию рыболовства, а также появилась личная собственность даже у каждого члена семьи [2, с. 27].

К началу XX в. коренные малочисленные народы стали делиться по признаку социального положения в обществе: на бедных и богатых. Богатое население стало мигрировать в города, разрывая связи со своей национальной средой. Очень резко в этот период времени видно вытеснение древних обычаев, норм обычного права из традиционной жизни абориге-

нов. Но в тоже время этот процесс у разных народов имел свои отличительные черты. У нанайцев и ульчей родовая организация распалась к середине XIX в. В наименьшей степени эти перемены коснулись коренного населения северных территорий, например, коряков, чукчей, эвенов. Социальные преобразования в их среде сдерживались сохранявшейся изоляцией от остального мира, непостоянными контактами с русскими, японскими и американскими купцами, промышленниками. В XVII–XVIII вв. усилились миграции, смешение населения как внутри одной группы, так и между различными этносами. В целом, с XVII до начала XX в. значительно изменилась и усложнилась этнографическая карта региона: уменьшились территории коряков, эскимосов, ительменов, существенно расширили свои территории эвены и эвенки [1, с. 19].

Присоединение дальневосточных земель к России имело и отрицательные стороны. Новая политика государства с целью обеспечить стабильность экономики страны в короткие сроки способствовала консервации архаичных общественных отношений и жестокой эксплуатации подневольного труда туземцев. Небывалых размеров налоги, отсутствие медицинской помощи, антисанитарные бытовые условия, злоупотребления администрации, притеснения со стороны купцов и казаков приводили к борьбе аборигенов за свои права. В XVIII – начале XX в. произошло несколько крупных столкновений коренных народов с русскими землепроходцами: на Охотском побережье, Камчатке, Чукотке. Грабеж русских и иностранных предпринимателей отразился на состоянии хозяйства коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Эти столкновения отрицательно отразились на жизни коренных малочисленных народов, к примеру, резко сократилось поголовье морского промыслового зверя, ценных пород пушного зверя и рыбы. Коренное население безжалостно эксплуатировали как русские торговцы и промышленники, так и свои собственные. За пушнину и рыбу они расплачивались товарами низкого качества, а торговые операции часто сопровождались спаиванием аборигенов водкой [5, с. 90].

В результате упадка традиционного хозяйства стала нехватка продуктов питания, резко увеличилась смертность коренного населения от голода, эпидемий кори и оспы. Такое тяжелейшее положение коренного населения сохранялось и в начале XX в. Широкое распространение ранее неизвестных болезней, массовый алкоголизм привели к высокой смертности, умственному и физическому их вырождению. Коренное население, не имея возможности прожить за счет исконных промыслов, вынуждено было изучать и применять новые занятия: работать по найму на добыче и засолке рыбы, заготовке сена и дров, на строительстве. Это было видно по тому, что на рудниках и приисках Приамурья, Сахалина стали работать коренные жители [2, с. 27].

Таким образом, в XIX – начале XX вв. произошли большие перемены в жизни коренных малочисленных этносов. В большей степени изменения в традиционном укладе и быте оказали отрицательное влияние, которое усугубляется по настоящее время [6, с. 18].

Источники и литература

1. Ахметова А. В. Советское государство и коренные малочисленные народы Дальнего Востока: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре, 2012. 175 с.
2. Ахметова А. В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.): Владивосток, 2013. 169 с.
3. Гореликов А. И. Экономическая модернизация традиционного уклада коренных народов Дальнего Востока // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. № 4-1. С. 201–208.
4. Дементьева В. В. Модернизация традиционного уклада и быта коренных малочисленных этносов села Кондон в XX – начале XXI вв. // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 2. С. 207–211.
5. Кудинова Н. Т. Регионоведение Дальнего Востока. Хабаровск, 2006. 234 с.
6. Хахалкина И. В. Проблемы и особенности занятости коренных малочисленных народов // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 4–2. С. 14–17.

© Дементьева В.В., 2017

БРЯНСКИЙ УЕЗД В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е. С. Фишер

Аспирант

Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского,

ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Российская Федерация,

эл. почта: fisher.keit@yandex.ru

В статье на основе материалов Государственного архива Брянской области анализируется влияние событий начального периода Первой мировой войны на жизнь провинциальных жителей Брянского уезда Орловской губернии. Показано, что известие о начале войны было воспринято с воодушевлением и энтузиазмом, особое эмоциональное поведение молодых юношей, которые восприняли войну как боевое приключение, которое отвлечет их от рутины жизни.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, манифестации.

E. S. Fisher

BRYANSKAYA UEZD IN THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR

Bryansk State University

Bezhitskaya str., 14, 241036, Bryansk, Russian Federation,

e-mail: fisher.keit@yandex.ru

The article, based on the materials of the state archive of the Bryansk region (GABO), analyzes the influence of the events of the initial period of the World War I On the life of the provincial people in Bryansk district in the Orel province. The article shows that the news of the beginning of the war was received with enthusiasm, the special emotional behavior of young boys who perceived the war as a combat adventure that would distract them from the routine of life.

Key words: World War I, daily, demonstrations.

Первая мировая война оказала глубокое влияние на сознание людей, как это всегда бывает в экстремальных условиях. Атмосфера войны, появление новых черт в повседневной жизни людей вызвало у жителей провинции переосмысление некоторых ценностей. Она коренным образом изменила привычный уклад и традиции в жизни населения, привнесла изменения в повседневность людей, сформировала новый военный опыт и поведение в годы войны. Это можно отчетливо проследить на примере на примере Брянского уезда на основе материалов Государственного архива Брянской области, периодической печати и статистических сведений.

Известие о начале войны всколыхнуло сельских обывателей и вызвало вспышки массового стихийного энтузиазма. Во многих городах прошли манифестации. Так, 21 июля в селе Бежица Орловской губернии был отслужен молебен, а после прошла патриотическая манифестация с общим количеством участников до 15 тыс. чел. [5, д. 336, л. 202].

Особое эмоциональное поведение прослеживалось у молодых юношей, которые восприняли войну как боевое приключение, которое отвлечет их от рутины жизни [3, с. 257]. Иначе война воспринималась людьми семейными, которые переживали тоску и отчаяние. Для поддержания морального духа людей в городе проходили богослужения и патриотические манифестации, их посещение не всегда было добровольное. Так приказ по войскам Брянского гарнизона, в котором основной идеей выступило присутствие всех свободных от службы штаб и обер-офицеров, военных чиновников и врачей на богослужениях, демонстрирует нам такую тенденцию [10, л. 217].

Уже на очередном земском собрании, заседание которого проводилось 25 октября была отслужена панихида в честь павших воинов и жертв войны, а после был произнесен торжественный молебен о здравии и долгоденствии Его Императорского Величества, и о даровании победы над врагом [7, л. 1]. Настроение собравшихся было высокопатриотическое, люди высказывали готовность в принятии участия в действиях войны. Проводы в армию сопровождалось стихийными шествиями и митингами [1, с. 159]. Кроме того, население принимало активное участие и в массовых торжественных и благотворительных мероприятиях, прово-

димых местными властями. Так в помещениях местных управ и в доступных публичных местах были выставлены кружки для сбора добровольных пожертвований в Российское Общество Красного Креста (РОКК), которые будут пересылаться по почте [10, л. 73–74]. Из приведенных выше данных мы видим однозначное одобрение населения войны.

Благотворительность с началом войны эта тенденция изменяется помощью раненым стала всеобщим делом. В городе открылись новые лечебные заведения. Все слои населения участвовали в помощи раненым и больным воинам и их семьям. Эта помощь выражалась как в денежной форме, а также продуктами и вещами. Скобелевский комитет для выдачи пособий воинам, потерявшим на войне способность к труду, открыл во всех своих инвалидных домах госпитали-санатории для лечения воинов, призванных под знамена на защиту Родины. «Каждый воин должен знать, что о нем заботятся» [7, л. 1]. В своих обращениях к гражданам его учредители предложили жертвовать в пользу комитета по 2–5 коп. ежемесячно. Такая малая жертва даст возможность громадному количеству воинов оказать помощь и облегчить их страдания. Пожертвования отправлялись в Российское общество красного креста. Чтобы облегчить тяготы службы для солдат собирали рождественские подарки. Подарки принимались в виде посылок во всех почтовых отделениях, пересылка которых была бесплатной [6, л. 40]. Пожертвования принимались не только деньгами, но согласно постановлению городской думы от 31 августа 1914 г., бельем, обувью и другими вещами [9, л. 104].

С началом войны военно-медицинское ведомство не справлялось с лечением раненых и больных, которых доставляли с фронта. Губернские земства объединились во Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам. На местах были образованы Уездные Комитеты, исключением не стал и Брянск. Особой задачей комитета стал вопрос о поиске помещений для обустройства в них лазаретов. Уже этой осенью в Брянске был основан лазарет на 50 коек, который содержался на местные средства, а к зиме в Брянске действовали - лазареты военного ведомства: Брянский местный лазарет на 256 коек; лазареты Земского Союза: при земской больнице на 20 коек, при женской гимназии на 365 коек, при высшем начальном училище на 100 коек, при казенном военном складе на 120 коек; лазареты городского общества: при городской больнице на 25 коек; лазареты Дамского Кружка при отделении Красного Креста: при Петропавловском монастыре, при общественном собрании на 50 коек; лазареты частных лиц и организаций [9, л. 132].

Власти пытались поддержать население, повысить патриотический дух общества. Для этого также была организована помощь не только уходившим на войну солдатам, но и их семьям, оставшимся без кормильца. Городская управа организовала помощь семьям призванных нижних чинов в обмолу хлеба. Для этого из земского склада сельскохозяйственных машин и орудий было отпущено 25 молотилок [7, л. 286].

В Брянском уезде произошли иволнения населения, в особенности молодых людей, в связи с объявлением всеобщей мобилизации. Основной целью их действий было желание получить водку и употребить ее при прощании с родственниками [8, л. 12]. Во время перемещения из различных населенных пунктов к местам формирования воинских частей молодые люди стремились к употреблению спиртных напитков [2, с. 51]. В целях спокойного проведения мобилизации войск было издано специальное постановление губернатора, по которому жителям городов и сельских местностей Орловской губернии воспрещалось распитие крепких спиртных напитков на улицах, дорогах, площадях, а также в черте усадебной оседлости, имениях и в помещениях крестьянского общественного самоуправления, появление в этих местах в состоянии явного опьянения. Вскоре эти беспорядки почти прекратились, население стало воспринимать войну как обыденное явление.

Таким образом, Первая мировая война с самых первых дней произвела неизгладимое впечатление на население уезда. Общественные настроения на ее начальном этапе были позитивными, большая часть населения восприняла ее с энтузиазмом, и это прослеживается в огромном количестве патриотических манифестаций и шествий, проходивших в уезде в августе и сентябре. Также прослеживаются волнения среди населения, которые были связаны с потребностью молодых людей купить спиртные напитки перед отправкой на войну. Все эти

факторы послужили становлению в провинции особой психологической атмосферы в период войны, оказавшей влияние на изменение ценностных ориентиров населения.

Источники и литература

1. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288с.
2. Крайкин В. В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на примере Орловской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96.
3. Поршнева О. С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002.
4. Журналы L-го очередного Брянского Уездного Земского Собрания 1915 г. Брянск: тип. Итина, 1916. 162 с.
5. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 336. Т. 1.
6. ГАБО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 433.
8. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1148.
9. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1150.
10. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1152.
11. ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1149. Т. 2.

© Фишер Е.С., 2017

УДК 371(470.53)(091)

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)

А. С. Киренко

Магистрант

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: naskakirenko@mail.ru

В статье рассматривается сеть общеобразовательных школ в Пермской губернии на 1914 г., приведены данные о типах учебных заведений, статистические сведения об их количестве, число учащихся в них. Показаны изменения, которые произошли в течение 1914–1917 гг., влияние войны на школьное образование.

Ключевые слова: общеобразовательные школы, Первая Мировая война, всеобуч, история педагогики.

A. S. Kirenko

SECONDARY SCHOOLS OF PERM GOVERNMENT IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR (1914–1917)

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: naskakirenko@mail.ru

The article examines the network of secondary schools in Perm province for 1914, shows the types of educational institutions, statistics on their number, the number of students in them. The changes that took place during the period from 1914 to 1917, and the impact of the war on school education are shown.

Key words: secondary schools, First World War, compulsory primary education, history of pedagogy.

Несмотря на трудности военного времени, в годы Первой мировой войны в России государство и общество большое внимание уделяли развитию образования в регионах, в том числе и на Урале. Основой для преобразований в сфере культуры являлось дальнейшее развитие

сети общеобразовательных школ. Руководство образовательными учреждениями осуществлялось Министерством народного просвещения. В регионах общеобразовательные училища находилось в ведении попечительств учебных округов. Пермская губерния относилась к Оренбургскому округу. На практике непосредственное управление школами осуществляли губернские и уездные училищные советы, в состав которых входили представители администрации, учебного ведомства, духовенства, земств [5, с. 26].

Сеть общеобразовательных школ на Урале к 1914 г. была представлена начальными и средними учебными заведениями. Среди начальных учебных заведений региона преобладали земские школы. Они открывались по инициативе сельских обществ и финансировались выборными органами местного самоуправления. Земские школы были одноклассными учебными заведениями первой ступени с трехгодичным курсом обучения. При приеме в школу социальное происхождение, возраст и пол детей не имели значения. Основная задача – обучении элементарной грамотности [11, с. 147].

Более качественное образование можно было получить в школах второй ступени – двухклассных министерских «образцовых» училищах. Они открывались по инициативе государственной администрации на средства казны, земств и городских обществ. Руководство министерскими школами вверялось директорам и инспекторам народных училищ. Выпускники получали право поступления в низшие технические училища. Высшую ступень начального образования составляли многоклассные училища – уездные с трехлетним сроком обучения и городские с шестилетним. Выпускники уездных училищ могли продолжить образование в средних учебных заведениях [5, с. 33; 11, с. 149].

В 1914 г. в Пермской губернии было 2470 начальных учебных заведений, в них обучалось 179 977 чел. (одноклассных школ – 2274, двухклассных – 196). Из них училища министерства народного просвещения составляли 30 заведений (3567 учащихся), городские училища министерства народного просвещения – 4 (387 учащихся), собственно городские – 44 (5030 учащихся), земские училища министерства народного просвещения – 130 (15080 учащихся), собственно земские – 2223 (152330 учащихся) и прочие – 39 (3583 учащихся). Всего обучалось 54,7% (197 571 чел.) детей школьного возраста (от 8 до 11 лет) [6, с. 36–41].

Широкое распространение на Урале получили также церковноприходские школы, которые открывались по инициативе местных священников или прихожан. Заведование школами на территории епархий принадлежало архиерею и епархиальным училищным Советам, высшее управление – Синоду. С 1884 г. все сельские начальные школы были переданы духовному ведомству. Церковноприходские школы были одноклассными с двухгодичным курсом обучения. В 1914 г. в Пермской епархии в системе церковно-приходского образования функционировало 392 начальных училищ, в Екатеринбургской – 392. Количество учащихся в церковно-приходских школах в Екатеринбургской епархии – 16 656 чел., в Пермской епархии – 18 631 учащихся [3, с. 28].

Средние учебные заведения на Урале не имели такого широкого распространения. В первую очередь они были представлены прогимназиями, гимназиями и реальными училищами. Прогимназии являлись промежуточной ступенью между начальными и средними учебными заведениями. Это четырехклассные учебные заведения, соответствовавшие четырем классам классической гимназии. Гимназии были мужские и женские. В классических гимназиях обучение длилось 7 лет, основными предметами были древние языки и гуманитарные дисциплины. В курсе женских гимназий добавлялись рукоделие, ведение домашнего хозяйства и гигиена, гимнастика [10]. В реальных училищах больше внимание уделялось прикладным предметам: физике, математике, естествознанию. Из-за сокращения перечня гуманитарных предметов, исключения из программ классических языков был закрыт путь к получению университетского образования, поскольку их знания были необходимы для поступления в высшие учебные заведения [5, с. 36].

В Пермской губернии к 1914 г. было всего 36 средних учебных заведений, которые обучали 13 560 чел. Из них 28 гимназий и прогимназий, где обучали 11 484 чел.: 2035 мужчин и 9449 женщин. Реальных училищ было 8, они обучали 1120 молодых людей [12, с. 145–149].

Несмотря на серьезные материальные трудности, связанные с начавшейся войной, система образования продолжала развиваться. Конечно, война влияла на учебный процесс, что выразилось в переносе начала учебных занятий, введение различных видов материальной помощи детям, чьи семьи пострадали в ходе боевых действий [7, с. 2; 8, с. 3]. При этом вопросы образования не ушли на второй план в государственной политике. В деятельности органов местного самоуправления вопросам школьного строительства продолжало уделяться значительное внимание. Так, в докладе по народному образованию 48-му Очередному Екатеринбургскому уездному собранию отмечается, что осенью 1916 г. было открыто 7 школ. Однако в связи с трудностями военного времени темпы школьного строительства в Екатеринбургском уезде в 1916 г. сократились – было построено 5 школьных зданий [2, с. 6–7]. В Пермской губернии в 1915 г. число начальных государственных и земских училищ увеличилось на 66 и составило 2453 учебных заведения [8, с. 9].

Еще в конце XIX в. в Пермской губернии, как и по всей России, когда резко активизировалась деятельность земств в области просвещения, на повестку был поставлен вопрос о введении всеобщего начального обучения (всеобща). Но на уровне государства проблемы просвещения не получили кардинальных решений. Вопрос о всеобщем обучении затягивался. Под давлением революционных событий правительство внесло на повестку II созыва Государственной думы проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», однако введение всеобща постоянно откладывали [5, с. 39].

Из доклада Уездной Земской управы по вопросам о введении в уезде всеобщего обучения, можно сделать вывод о том, что основная проблема – финансирование реорганизации образовательной системы. Помимо этого, окончательно не был решен вопрос о том, какому ведомству будет принадлежать школьная сеть – ведомству народного просвещения или духовному. К 1917 г. вопрос о создании обязательной общедоступной начальной школы остался «открытым» [1, с. 3; 4, с. 153]. Накануне революции органами народного образования Пермской губернии была поставлена задача введения всеобщего начального обучения в 1917 г., были разработаны конкретные планы охвата детей школами [8, с. 12].

Таким образом, самым распространенным типом начальных учебных заведений в Пермской губернии продолжали оставаться земские училища. Первая мировая война, безусловно, явилась причиной серьезных изменений в системе школьного образования, однако в эти годы продолжилось школьное строительство, активно обсуждались и решались школьные проблемы. Решение главной задачи – введение всеобщего обучения, было прервано революцией.

Источники и литература

1. Всеобщее обучение // Уральская жизнь. 1914. № 137.
2. Доклад Екатеринбургской Уездной Земской управы 48-му очередному Уездному Земскому Собранию по Народному образованию. Екатеринбург, 1918. 48 с.
3. Ефремова У. П. Церковно-приходские школы Урала в 1884–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 308 с.
4. Журналы Екатеринбургского Уездного Земского собрания 45-й очередной сессии (1914 г.). Доклады Уездной Земской Управы и Комиссии. Екатеринбург. 1915. 680 с.
5. История развития системы образования на Урале / Под ред. М. В. Попова и Л. Н. Мартюшова. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 124 с.
6. Начальные училища. Ведомства министерства народного просвещения в 1915 году. Пг., 1919. 188 с.
7. Помощь учащимся // Зауральский край. 1914. № 231.
8. Попов М. В. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920–1941 гг. / М. В. Попов, Э. Е. Протасова, И. Л. Бахтина, Т. Г. Мосунова. Екатеринбург, УрГПУ, 2009. 187 с.
8. Разные сообщения // Зауральский край. 1914. № 235.
9. Сидоров С. В., Семёнова А. В. Содержание и организация образования в женских гимназиях и прогимназиях предреволюционной России. URL: <http://si-sv.com/publ/16-1-0-28>.
10. Спектор Е.Н. Развитие системы образования на Урале в XVIII – начале XX вв. // Из-

вестия Уральского государственного горного университета. Екатеринбург, 2007. № 22. С. 149–156.

11. Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. 562 с.

© Киренко А. С., 2017

УДК 94(470.34)084

ЯРАНСКИЙ УЕЗД ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

А. С. Корепанов

Магистрант

Вятский государственный университет,

ул. Московская, 36, 610000, г. Киров, Российская Федерация,

эл. почта: alexktx9@gmail.com

В статье рассматривается социально-экономическое состояние Яранского уезда Вятской губернии в первой четверти XX в., отражен ущерб, нанесенный его экономике в период Первой мировой и Гражданской войн. Проанализированы первые попытки местных органов советской власти стабилизировать экономическую ситуацию и восстановить социальную сферу в уезде.

Ключевые слова: сельское хозяйство, социально-экономическое развитие, народное образование, медицина, уездный исполнительный комитет.

A. S. Korepanov

YARANSKIY DISTRICT OF VYATKA PROVINCE IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY: TRENDS AND PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC LIFE

Vyatka State University,

Moscow str., 36, 610000, Kirov, Russian Federation,

e-mail: alexktx9@gmail.com

The article describes the socio-economic state of the Yaranskiy district of the Vyatka province in the first quarter of the 20th century, reflected the damage done to his economy during the First World War and the Civil War. Analyzed the first attempts of the local bodies of the Soviet government to stabilize the economic situation and restore the social sphere in the district.

Key words: agriculture, socio-economic development, public education, medicine, district executive committee.

Яранский уезд находился в юго-западной части Вятской губернии [10, с. 145]. В пореформенный период уезд достаточно динамично развивался и накануне Первой мировой войны занимал значимое место в экономической жизни губернии: в 1912 г. здесь проживало 477833 человека (2 место в губернии) [14, с. 25]; в 1913 г. собранная озимая рожь составила 17,1% общего губернского сбора (1 место), яровая пшеница – 9,8% (2 место), овес – 13,7 % (2 место), ячмень – 13,8% (3 место) [11, с. 136]; в 1910 г. уезд занимал второе место в губернии по содержанию домашнего скота – 485977 голов [13, с. 101]. В промышленности Яранского уезда было занято незначительное количество населения (705 человек в 1913 г.), здесь находилось 73 из 803 промышленных предприятий Вятской губернии [11, с. 142, 146].

Значительный вклад в развитие народного образования и здравоохранения вносило Яранское уездное земство. Неуклонно росли ассигнования земства на образование: с 7000 в 1868 г. до 502672 руб. в 1914, и если в 1868 г. в уезде было всего 29 училищ, то в 1914 г. – уже 209 [9, с. 8–11]. Возрастали расходы земства на здравоохранение: с 11988 в 1868 г. до 230149 руб. в 1914 г. Выросло число больниц – с 2 до 7 [9, с. 19–20, 30–31].

Однако в результате Первой мировой и Гражданской войн уезд понес серьезные экономические потери. На XV Яранском уездном Съезде Советов (1923 г.) отмечалось, что посевные площади в уезде к 1922 г., по сравнению с 1916 г., уменьшились на 50% [5, л. 19об.–20]. Произошло также сокращение валового сбора основных зерновых культур: в 1921 г., по сравнению с 1914 г., сбор ржи сократился в 12,3 раза, овса в 9,5 раз, ячменя в 22,3 раза, пшеницы в 44,5 раза; «урожай яровых хлебов в 1921 году показывает... ужасную картину.

...урожай сам 0,7, это значит, что семена не собраны» [4, л. 54об.]. Сильный удар был нанесен животноводству: к 1921 г., по сравнению с 1916 г., количество рабочего и крупного рогатого скота уменьшилось на 50%, в том числе молодняка на 90%, свиноводство почти сошло на нет [4, л. 20об.]. В октябре-ноябре 1921 г. количество голодающих, не имеющих никаких запасов продуктов, питающихся суррогатами и требующих немедленной помощи, составляло 115 508 чел., из которых 24 119 чел. – дети до 7-летнего возраста [4, л. 54об.–55].

Советскими органами власти уездного и губернского уровня предпринимались попытки подсчитать урон, нанесенный Гражданской войной и интервенцией. Этим занималась Губернская комиссия по выявлению убытков от интервенции. Материал поступал туда «очень скудный, не дающий нужных сведений и документальных подтверждений». Нанесенный Яранскому уезду ущерб был оценен комиссией 4 марта 1925 г. в 26417899 руб. 55 коп. золотом [1, л. 191]. Кроме того, в ночь на 2 февраля 1919 г. бандитами, имевшими связь с чехословацкими отрядами, было совершено ограбление кассы Кундыжского волостного исполкома; этот ущерб был оценен в 101933 руб. в совзнаках [2, л. 192–194].

Естественно, сложная экономическая ситуация коснулась и социальной сферы уезда. В докладе Яранского уездного отдела народного образования от 7 марта 1922 г. описывалась плачевная ситуация начала 1920-х гг.: в 1920 г. школ было 281, в октябре 1921 г. – 183, к январю 1922 г. – 155. «В силу материальной необеспеченности школьные работники массами оставляли службу и в погоне за куском хлеба старались преить в обеспеченные учреждения, уходили в другие уезды, а то и просто занимались спекуляцией. ...Не произведенные ремонты, недостаток отопления и отвечающих своему назначению /взамен выбывших/ работников, приводили к тому, что школы приходилось закрывать». Положение в медицинских учреждениях на 2 декабря 1921 г. характеризовалось уездным отделом здравоохранения так: «Часть палат в Яранской больнице чистого корпуса пришлось сократить... Задолженность Уздрава уже в то время достигала до 40 миллионов рублей... Кризис дров заставил сократить хирургическую работу... Температура в палатах дошла до 7 градусов по Реомюру. При такой температуре больные подвергались новым заболеваниям на почве простуды. Теплых одеял не достаточно. Отпуск керосина не достаточен. Выбор пищи так же не достаточен» [4, л. 71–72]. В детдомах ситуация была не лучше: «зачастую они не оборудованы: нет мебели, работники в большинстве спят на полу, во многих... острый недостаток белья» [4, л. 87об.].

Сложная ситуация в уезде усугубилась неурожаем начала 1920-х гг. Губернские власти оказывали помощь, например, из средств комитета помощи голодающим уезда было выделено 136 тыс. пудов продовольствия и денег до 5 млрд. руб. В 1921 г. ВЦИК установил скидку по продналогу южным уездам, как бывшим голодавшим в размере 50% [5, л. 20об.]. Однако основная забота о нормализации ситуации ложилась на местные органы власти. В 1921 г. по инициативе Л. П. Кузнецова (председателя Яранского Уисполкома) в уезде были открыты столовые, налажен сбор средств и продуктов. Благодаря предпринятым мерам смерти от голода удалось избежать тысячам людей [8].

С целью повышения эффективности сельского хозяйства XIII Яранский уездный съезд Советов в июле 1921 г. постановил признать необходимым переход от трехпольного севооборота к многопольному; от устаревших приемов обработки почвы к наиболее правильным; увеличение числа случных пунктов, организацию рассадников племенных животных и выставок животноводства; создание агрономических участков, показательных хозяйств [3, л. 94об.]. Яранский уисполком, обсудив 2 декабря 1921 г. состояние здравоохранения, постановил: просить Губисполком признать уезд эпидемическим, отпустить 8 млн. руб. на текущие расходы, принять меры к снабжению больниц дровами и соломой [3, л. 72об.–73]. Сложная социально-экономическая ситуация побудила Яранский уисполком принять 20 августа 1921 г. решение о расширении сети домов престарелых на 100 человек, а 8 декабря – разрешить уездному отделу социального обеспечения открыть дом инвалидов в Царевосанчурске на 35 человек [4, л. 73–73об.].

На основе решений XV Яранского уездного Съезда Советов (октябрь 1923 г.) в Яранске была завершена постройка электростанции, организована выставка производителей рабочего

и продуктивного скота с выдачей премии, всего премий было назначено 54, на общую сумму 435 руб. золотом. Ежегодно населению выдавалась семенная, озимая и яровая ссуда. В 1923/1924 г. было запланировано выделить на народное просвещение не менее 40% всех поступлений бюджета. Чтобы сохранить сеть учебных учреждений, была проведена договорная кампания по передаче части школ на средства населения, которая позволила открыть 69 школ с 131 работником. 12 октября 1923 г. было отменено платное лечение в медицинских учреждениях уезда, хотя это очень дорого обошлось местному бюджету [5, л. 10–13].

Местные органы советской власти пытались разными способами решить сложные задачи, стоящие перед ними, и достигли определенных успехов. В уезде постепенно восстанавливалось сельское хозяйство. В отчете Яранского уисполкома в 1926 г. отмечалось, что общая посевная площадь ежегодно расширяется и приближается к довоенной (в 1925 г. 90% от посева 1914 г., посев озимого клина – 96,6%) [12, л. 13]. Восстанавливался и довоенный сбор урожая некоторых культур: «Сбор полевой продукции по отношению к 1914 г. относится так: ржи 86 %, яровые 129 %, картофель 332%. Клевер 1115%», «животноводство поднялось до 82% по сравнению с 1912 г. число безскотных хозяйств значительно уменьшилось» [7, л. 68]. Расширялась сеть учебных заведений (если к январю 1922 г. школ было 155 [4, л. 71–71об.], то уже в 1925/26 – 218 [7, л. 93]). Отчасти была улучшено и их материальное обеспечение: «Все учреждения и культурные предприятия живут можно сказать сносно» [7, л. 71]. Некоторые положительные сдвиги в системе здравоохранения отмечались на XVI уездном съезде Советов в декабре 1924 г.: «Каждая больница имеет врача и вообще больницы обеспечены медицинским персоналом, и за этот же год произведен частичный ремонт больничных зданий» [6, л. 19].

В целом военные и политические потрясения 1914–1920 гг. крайне негативно сказались на социально-экономическом состоянии Яранского уезда. После Гражданской войны уездные органы советской власти, работая в чрезвычайно сложной обстановке, предпринимали разнообразные шаги по улучшению общей ситуации, пытались в условиях ограниченности ресурсов восстановить экономические позиции уезда, сохранить и обеспечить медицинские и учебные заведения, без которых немислима полноценная, благополучная жизнь людей.

Источники и литература

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.Р-1330 Оп. 1. Д. 6.
2. ГАКО. Ф.Р-1330. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАКО. Ф.Р-882. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАКО. Ф.Р-882. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАКО. Ф.Р-882. Оп. 1. Д. 13.
6. ГАКО. Ф.Р-882. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАКО. Ф.Р-882. Оп. 1. Д. 19.
8. Исторические сведения о земле Яранской URL: <http://vyatkamuseums.ru/yaransk/docs/istoricheskie-svedeniya-o-zemle-yaranskoy.doc>
9. Краткий исторический очерк о деятельности Яранского Уездного Земства за все время его существования (1867–1914 гг.). Яранск: скоропечатная тип. А.Н. Глушкова, 1914. 32 с.
10. Лаврентьев К.В. География Вятской губернии: Курс родоноведения для городских училищ. Вятка: Вятское. губ. земство, 1890. 216 с.
11. Обзор Вятской губернии за 1913 год. Вятка: губерн. тип., 1914. 198 с.
12. Отчет Яранского уисполкома. Январь 1926 г. Яранск: Яранский уисполком, 1926. 87 с.
13. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1912 год (отделение первое). Вятка: губерн. тип., 1912. 716 с.
14. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 год (отдел первый). Вятка: губерн. тип., 1914. 563 с.

© Корепанов А.С., 2017

УДК 94(47).084.3:303.446.4

РОЛЬ АНАРХИСТОВ В МАХНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. С. Андрощук

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: andrdarya@yandex.ru

В статье рассматривается роль анархистов в махновском движении в отечественной историографии. Историография данной темы разделена на три периода: работы современников, советского и постсоветского. Благодаря чему можно проследить как менялись мнения и оценки историков на разных этапах изучения характера махновского движения.

Ключевые слова: анархизм, махновщина, анархисты, гражданская война, историография.

D. S. Androshchuk

THE ROLE OF ANARCHISTS IN THE MAKHNOVIST MOVEMENT IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: andrdarya@yandex.ru

The article discusses the role of anarchists in the Makhnovist movement in the Russian historiography. The historiography of this topic is divided into three periods: the work of his contemporaries, Soviet and post-Soviet. So you can trace how varied the opinions of historians at different stages of the study of the nature of the Makhnovist movement.

Key words: anarchism, the Makhnovshchina, Anarchists, the Civil war, historiography.

В 1918 г. на юго-востоке Украины возникло революционное повстанческое движение крестьян, которое получило название у современников и историков по имени его руководителя Нестора Ивановича Махно, – махновщина. В сознании большинства людей, махновское движение представляется как некая неконтролируемая сила, разрушающая какой бы то ни было порядок. Многие ошибочно считают, что махновщина – это анархистское движение, которое представляет собой тотальный хаос, разгул и произвол отдельных индивидов или групп людей. Но в действительности такое историческое явление как махновщина гораздо сложнее и многограннее. Особый характер махновского движения всё-таки был обусловлен активным участием в нём анархистов. Однако до сих пор у исследователей возникают дискуссии по вопросу роли анархистов в махновском движении. В своём развитии отечественная историография махновского движения и анархизма прошла несколько этапов, связанных с общим ходом политической истории России.

Самого Н. И. Махно привлекал анархизм, но понимал и принимал он его по-своему. В анархизме его интересовала идея народной «социальной» революции, поэтому в своих мемуарах он себя называл анархистом-революционером, причём логическим развитием анархизма он считал коммунизм. Ключевой идеей, его программной установкой была идея самоуправления народа, крестьянской самодеятельности, непринятие диктата любой власти, опора на собственные силы [6, с. 459].

В 1918 г. была создана конфедерация анархистских организаций Украины «Набат». Лидеры конфедерации возлагали большие надежды на реализацию своих планов с помощью массового крестьянского движения. С августа 1919 г. предпринимались попытки не только распространять свои идеи среди личного состава армии махновцев, но и подчинить самого Н. И. Махно. Участники данной организации входили в состав Повстанческой армии Махно, и руководили культурно-просветительской комиссией. Они издавали махновские газеты, листовки и воззвания, в которых информировали повстанцев и население контролируемых Махно районов о положении на фронте, разъясняли им суть политики Повстанческой армии, идей анархизма [8, с. 10]. Нестор Иванович с самого начала скептически относился к органи-

зации, а в 1920 г. по идеологическим соображениям заставил двух самых активных участников покинуть свою армию. Позже по данному поводу он писал в своих мемуарах: «Я два месяца следил за нашими анархическими журналами и газетами и не увидел в них ни тени стремления анархистов создать мощную организацию, чтобы овладеть психологией масс, выявить свои организаторские способности... Я видел лишь дробление на разного толка группировки» [7, с. 53]. В этом же году в резолюции экстренного совещания «Набат» деятельность Н.И. Махно была раскритикована. В ней говорилось о том, что махновская армия – это «не анархистская армия» и «нельзя смешивать махновское движение с анархистским движением, нельзя подменять одно другим» [8, с. 333].

Современники Махно давали негативные оценки деятельности анархистов внутри махновского движения. Так, например, А. В. Белаш – сын начальника штаба Повстанческой армии Махно В. К. Белаша, который продолжил работу отца, описал события Гражданской войны в книге «Дороги Нестора Махно». В своей работе он отделял анархистов от махновцев, и писал: «Анархистов в махновщине было очень много. Но, что они делали? Ничего и ничего реального! Кроме критической болтовни на большевиков и высасывания из Гуляй-Поля денег для «дела подполья», они разлагали махновщину изнутри, как только хотели» [2, с. 190]. П. Аршинов, идейный наставник Н. И. Махно и активный участник махновского движения оценивал участие анархистов как незначительное: «Махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций» [1, с. 225].

Большевики, а в дальнейшем и советские историки однозначно связывали имя Махно и махновское движение с анархизмом. В советской историографии махновская идея, была истолкована как отсутствие всякой власти, что невозможно, вследствие чего идея была объявлена утопией. Исследования советских историков данного периода отличаются резко критической направленностью в отношении махновщины и анархизма, связывая между собой эти два понятия. В работах середины XX в. вводится такой термин как «анархо-махновщина». Первой работой по истории анархизма в период русской революции является книга С. Н. Канева [5]. Автор привлёк интересный фактический материал по истории анархистских организаций Украины и России, не изменив, однако, традиционной оценке махновского движения как анархического мелкобуржуазного деструктивного движения.

В связи с крахом советского режима в России произошли значительные политические изменения, которые повлекли за собой переосмысление многих сторон общественной жизни. В современной историографии революционные потрясения 1917 г. и Гражданскую войну ряд исследователей называют «красной смутой», объясняя её «умопомрачением» народа из-за военных неудач России в I мировой войне [8, с. 9]. Фундаментальным трудом по изучению махновщины в современный период следует считать сборник материалов и документов «Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1918–1921 гг.» [8]. Публикуемые в сборнике документы разрушают советские стереотипы и свидетельствуют, что махновское движение было хорошо организовано, имело программные установки, отражавшие интересы крестьянства, и стремилось реализовать их на практике.

В работе В. Голованова говорится о стихийном характере махновского движения, при этом автор отмечает в сторону все утверждения об идеологическом влиянии анархистов на махновщину [3]. Противоположное мнение высказывает А. Шубин [9]. Автор преувеличивает степень влияния анархистов на махновское движение, исследуя социальные корни движения, предпосылки его зарождения, характер его развития и т.д. Он приходит к выводу, что махновщина движение – это движение, направленное на достижение анархического идеала. Небезынтересна и работа В. Ермакова [4]. Характерной чертой анализа махновщины является большое внимание автора роли и степени влияния анархистов на формирование и развитие движения. Автор полагает, что решающее воздействие на ход махновского движения оказали так называемые «пришлые» анархисты, то есть члены городских организаций, влившиеся в махновщину на различных этапах её деятельности. Их идеологическая линия, по мнению автора, преобладала. Махно же играл роль военного руководителя.

На современном этапе в историографии выделились две основные концепции: одни исследователи подчёркивают анархический характер махновщины, другие исследователи отрицают эту особенность. Конкретная деятельность Н. И. Махно в качестве руководителя крестьянского движения показывает, что от анархизма и анархистов он брал то, что способствовало достижению целей крестьянской революции, успехам его Повстанческой армии. Н. И. Махно рассматривал анархизм сквозь призму крестьянских интересов.

Источники и литература

1. Аршинов П. История Махновского движения. Запорожье: Дикое Поле, 1995.
2. Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. Киев: РВЦ «Проза», 1993.
3. Голованов В.Я. Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. Запорожье: Дикое Поле, 1997.
4. Ермаков В. Д. Махновщина: некоторые социально-бытовые аспекты повстанческого движения крестьян Украины. // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 76–86.
5. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. Борьба большевиков против анархизма 1917–1922 гг. М., 1974.
6. Махно Н. И. Азбука анархиста. М.: ПРОЗАиК, 2013.
7. Махно Н. И. Воспоминания. М.: ПРОЗАиК, 2013.
8. Махно Нестор. Крестьянское движение на Украине 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006.
9. Шубин А. Махно и махновское движение. М.: МИК, 1998.

© Андрощук Д.С., 2017

УДК 378.4(470.54-25)096:61

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Д. Л. Островкин

Аспирант

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

В статье проведен анализ и обобщен фактический материал по организации медицинского факультета Уральского государственного университета. Однако первая попытка по организации медфака на Среднем Урале оказалась неудачной, он был закрыт уже в 1924 г. Основные проблемы факультета были продиктованы отсутствием финансирования, материальной базы, а также существованием большого университета в Перми, который готовил врачей и обладал необходимой для того времени инфраструктурой.

Ключевые слова: медицинские факультеты, здравоохранение, медицина, врачи, медицинское образование.

D. L. Ostrovkin

FIRST EXPERIENCE OF THE MEDICAL FACULTY IN YEKATERINBURG

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation

e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

The article analyzes and summarizes the actual material on the organization of the medical faculty of the Ural State University. However, the first attempt to organize medfak in the Middle Urals was unsuccessful, it was closed already in 1924. The main problems of the faculty were dictated by the lack of funding, material resources, and the existence of a large university in Perm that trained physicians and had the infrastructure necessary for that time.

Key words: medical faculties, health care, medicine, doctors, medical education.

Обеспечение здравоохранения квалифицированными медицинскими кадрами – залог успеха для любой системы оказания медицинской помощи населению. Именно от кадрового потенциала в большой мере зависит результативность и качество оказания медицинской по-

мощи населению. В дореволюционной России проблема врачебных кадров являлась острой. На всю страну, населению которой составляло в 1913 г. 159 млн. чел., по официальным данным имелось лишь 23 200 врачей, большинство которых практиковали в крупных городах европейской части страны [12, с. 5].

Особенно ухудшилась ситуация с врачебными кадрами в период Гражданской войны. После освобождения Урала в июле-августе 1919 г. от войск Колчака с отступавшими войсками уходили и медицинские работники, в регионе остро встала проблема нехватки врачебных кадров в системе здравоохранения. После окончания Гражданской войны в Екатеринбургской губернии общая нехватка врачей составляла около 100 специалистов. Остался всего 21 врач из 120 имеющихся в довоенное время [6, с. 69]. Однако для этого времени сложно найти достоверные данные по количеству работающего персонала. В интервью И. С. Белостоцкого, заведующего Губздравом Екатеринбургской губернии, в 1920 г. указывалось, что после отступления белых в губернии осталось «около тридцати человек» [9, с. 3]. Отметим, что среди оставшихся были врачи с многолетним стажем: С. П. Шишов, Л. В. Лепешинский, В. А. Падучев, В. М. Онуфриев, А. М. Новиков, С. А. Миславский [11, с. 3]. При этом основная часть врачей работала в городах – 78% имевшегося высшего медицинского персонала и только 22% были трудоустроены в сельской местности [1, л. 18]. Советские власти прилагали огромные усилия для привлечения сотрудников. Так, И. С. Белостоцкий, даже встал на незаконный путь предоставления прибавок «за вредность» и выдавал работающим в губернии врачам дополнительный красноармейский паек. Однако это не решило проблему недостатка врачебного персонала, специализированные сотрудники практически отсутствовали.

Советские власти, осознавая важность проблемы кадрового дефицита медицинских работников, в первые же годы советского государства начинают плановую подготовку врачей высшей квалификации. В 1918–1922 гг. в РСФСР было открыто 17 новых медицинских факультетов в дополнение к 13 существовавшим в дореволюционный период [8, с. 17]. В их число вошел образованный в Свердловске в 1920 г. медицинский факультет в составе учрежденного Уральского государственного университета. Деканом учебного подразделения был назначен Александр Митрофанович Новиков.

Для учебных занятий медфак получил здание бывшей 2-й женской гимназии (ныне – корпус Уральского государственного горного университета). Учебный корпус находился в аварийном состоянии, профессора в основном читали свои «конденсированные курсы» на протяжении месяца, а затем возвращались в столицы, поскольку в Екатеринбурге не было подходящих квартир для их проживания. Для чтения таких конденсированных курсов на медфак УрГУ приезжали: из Казани – физиолог Н. А. Миславский, гистолог А. Н. Миславский, из Перми – профессор физиологической химии Луньяк и др. [4, № 1103]. В то же время из Петрограда в Екатеринбург были отправлены электроприборы, микроскопы, медицинский инструментарий.

На факультет были приняты студенты почти всех курсов – с первого по четвертый (532 чел.). Старшие курсы были укомплектованы студентами из других университетов (Перми, Томска) и фельдшерами с большим стажем работы. Принятые в 1920 г. на 4-й курс студенты занимались без перерыва на каникулы. В связи с острой нуждой во врачебных кадрах их готовили к досрочному выпуску. Он состоялся в январе 1922 г. На медфаке УрГУ это был первый выпуск врачей. Дипломы получили 10 человек. Второй выпуск (1923 г.) состоял из 43 чел., третий (1924 г.) – из 25 [3, л. 6]. В то время это стало серьезной помощью для практического здравоохранения города, губернии, а затем и Уральской области.

1922 г. стал самым тяжелым в истории университета. Из-за страшного голода и отвлечения всех средств на восстановление народного хозяйства вуз оказался на грани закрытия. Ряд учебных подразделений фактически не приступили к занятиям, факультеты объединялись. Заработная плата сотрудников надолго задерживалась [7, с. 44–49]. Служебный персонал получал всего по 16 фунтов овсяной муки в месяц на одного работника и на всю семью, жалование не выдавалось в течение 5 месяцев 1922 г. [2, л. 37].

Встал вопрос о закрытии медицинского факультета. Спасая факультет, профессора и студенты отказывались от стипендий, пайков, гонораров, организовывали в Екатеринбурге благотворительные акции в пользу университета [5, с. 20 – 24.]. Большую помощь Уральскому университету оказывали рабочие и крестьяне Урала. Например, Уралвнешторг взял на себя обязательство ежемесячно выделять 50 пудов муки и 150 аршин мануфактуры для стипендиатов, правления Екатеринбургского объединения текстильных фабрик и Уральского областного отдела потребительских обществ Центросоюза решили выделять по 25 пуд. муки. Управление угольных копей Челябинского района отпустило для университета 6 вагонов угля. Только в январе 1924 г. во время «двухнедельника помощи пролетарскому студенчеству» в фонд Уральского университета было внесено свыше 20 тыс. руб. золотом [13, с. 196–199].

Однако острый недостаток финансирования, стипендиального фонда, зарплаты профессорско-преподавательскому составу, крайне тяжелые бытовые условия студентов, – все это сделало невозможным существование медицинского факультета. В 1924 г. факультет закрывают «из-за нехватки финансирования», всю имевшуюся материальную базу передают на медфак Пермского университета. Однако, по нашему мнению, решение вопроса о закрытии медицинского факультета в Екатеринбурге не было столь легким и очевидным. Об этом свидетельствуют данные периодической печати и специального сборника статей, посвященного вопросу о едином Уральском медфаке [10].

Мы считаем, что, в первую очередь, советские власти руководствовались в этом вопросе проблемой нехватки материальной базы в Екатеринбурге (не было создано лабораторий, клиник), жилищные условия для профессоров не были обеспечены, не хватало квартир. Тогда как в Перми в 1920-х гг. эти проблемы были менее острыми. В целом, принятое решение затормозило подготовку медицинского персонала непосредственно на Среднем Урале, а также отсрочило решение проблемы кадрового обеспечения региона. Однако решение советского руководства можно было понять. В условиях послевоенной финансовой нестабильности, голода начала 1920-х гг. и уже имевшегося университета на Западном Урале, где также готовили медиков, советско-партийные органы сосредоточили усилия на одном, более крупном, учреждении. В Перми уже в 1920 г. были открыты кафедры факультетской терапии и хирургии, болезней уха, горла, носа, а контингент обучающихся на факультете составлял около 43% от общего числа студентов.

Таким образом, за четыре года в Уральском государственном университете медицинские дипломы получили всего 78 врачей, на медфаке работало 13 профессоров и 57 других научных сотрудников [7, с. 49]. Среди студентов-медиков, которые успели получить образование в начале 1920-х гг., были А. М. Аминев и П. С. Катаев, ставшие в последующем заслуженными медиками и основателями уральских научных школ. Опыт организаторов, профессоров и преподавателей медфака Уральского университета был востребован через шесть лет, когда 10 июля 1930 г. Совнарком РСФСР принял постановление о создании Свердловского государственного медицинского института.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-482. Оп. 1. Д. 253.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 36.
3. История Уральской государственной медицинской академии в биографиях (1930–2000 гг.). Екатеринбург: УГМА, 2000. 214 с.
4. Коллекция фондов Документографической информационно-поисковой системы Свердловского областного музея истории медицины.
5. Кутепов С. М. Уральская государственная медицинская академия: 80 лет во благо здоровья уральцев // Медицина и здоровье. М., 2010. № 7(51). С. 20–24.
6. Новоселов Р. С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. 1968. № 1. С. 66–68.
7. Островкин Д. Л. Кадровое обеспечение здравоохранения на Урале в 1918 – 1941 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4. Ч. 2. С. 44–49.

8. Прохоров Б. Б. Организация здравоохранения в России в XX в. // Россия в окружающем мире: 2001 (Аналитический ежегодник). М., 2001. С. 1–44.
9. Работа отдела здравоохранения // Уральский рабочий. 1920. 1 августа.
10. Сборник статей, посвященных вопросу о едином уральском медфаке. Пермь, 1924.
11. Соркин Ю. На фронте здравоохранения // Вечерний Свердловск. 1987. 29 сентября.
12. Статистический ежегодник России 1915 года (год двенадцатый). Пг., 1916. Ч. 3.
13. Чуфаров В. Г., Главацкий М. Е. Помощь рабочего класса Урала высшей школе в годы восстановления народного хозяйства // Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 2. 1963. С. 196–199.

© Островкин Д.Л., 2017

УДК 656.121(470.55)(091)

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПАССАЖИРСКОГО ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В МАГНИТОГОРСКЕ

Д. В. Капицына

Магистрант

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
пр. Ленина, 26, 455000, Челябинская область, г. Магнитогорск, Российская Федерация
эл. почта: kapitsynad@mail.ru

Автор вводит в научный оборот новые данные об истории появления городского пассажирского электротранспорта в Магнитогорске. Создание городского пассажирского электротранспорта имело большое значение в 1935–1941 гг. для формирования городской инфраструктуры и облика города.

Ключевые слова: трамваи, городской транспорт, пассажирский электротранспорт, история транспорта, вагоновожатые.

D. V. Kapitsyna

THE HISTORY OF URBAN PASSENGER ELECTRIC TRANSPORT IN MAGNITOGORSK

Undergraduate the Department of General history

The Institute for the Humanities

Nosov Magnitogorsk state technical University,

pr. Lenina, 26, 455000, Chelyabinsk region,

Magnitogorsk, Russian Federation

The author introduces into scientific circulation new data on the history of the emergence of urban passenger electric transport in Magnitogorsk. The creation of the urban passenger electric transport was of great importance in the years 1935–1941 for the formation of urban infrastructure and city appearance.

Key words: trams, city transport, passenger electrotransport, history of transport, motormans.

Городской пассажирский электротранспорт является важнейшей составной частью социальной и производственной инфраструктуры города. Понимание жизненной необходимости строительства трамвайного парка и пуска трамвая в Магнитогорске к властям молодого соцгорода пришло в 1933 г. К этому времени было построено заводоуправление, и цеха завода, первый жилой поселок – Щитовой. Расстояние между металлургическим комбинатом и поселком было значительное, не хватало автобусов для перевозки людей на работу. Первостроители вспоминали, что им ежедневно приходится проделывать пятикилометровый путь в один конец и немудрено, что многие из нас часто опаздывали [4, с. 2].

Для строительства трамвая в 1933 г. управлением завода было создано предприятие «Трамвайстрой» под контролем Горсовета. Первоначально планировалось запустить трамвай 7 ноября 1934 г., потом дату перенесли на 15 декабря, а затем на 1 января 1935 г. Депутатами Горсовета было «предложено принять практические меры и оказать помощь Трамвайстрою по скорейшему пуску трамвая первой очереди» [5, с. 2]. В Проекте наказа избирателей Маг-

нитогорскому городскому совету было записано: «Ввести в эксплуатацию первую очередь трамвая не позднее января 1935 г. и вторую очередь – не позднее ноября 1935 г.» [14, с. 2]. Неоднократно устраивались субботники, на которых комсомольцы строили трамвайные пути. «30 ноября состоялся массовый комсомольский субботник на строительстве трамвая. Организованной группой на него вышли трамвайстроельцы – 270 чел., а всего в субботнике участвовало 750 чел. На субботнике работали 34 автомашины и 41 лошадь» [6, с. 1].

Управление завода помогало «Трамвайстрою» оборудованием и квалифицированными рабочими: «Отделу снабжения предложено немедленно отгрузить трамваю со склада ДОК 1500 штук шпал, прибывших из Катав-Ивановского завода ... Отделу технического оборудования тов. Сакве отдано распоряжение о немедленной передаче Трамвайстрою одного сварочного аппарата... должны быть переданы 3 квалифицированных электросварщика... не позднее 25 ноября перебросить на балластировку пути не менее 200 рабочих» [7, С.2]. Но все равно к намеченному сроку пуска первого трамвая, строители не успевали, так как «положение со сваркой серьезное, что уже 1-ХП из-за сваренных рельс задерживалась укладка путей» [10, с. 1]. Одной из главных проблем строительства была проблема монтажа подстанций: «некоторые монтажные работы нельзя производить, пока помещение станции не утеплено... главный инженер Пикорский ... дал последнее обязательство: отопление будет закончено 5 декабря... Сегодня 9 декабря. Отопления все еще нет» [11, с. 1]. Предприятие «Сантехстрой» задерживало пуск отопления на подстанциях, поэтому задерживался их монтаж.

Строительство первой очереди трамвая было закончено к 1 января 1935 г., но пустить трамвай не удалось. Комиссией по приемке работ было выявлено множество недочетов и недоделок. Моторные трамвайные вагоны не были доставлены в Магнитогорск, и их нужно было отладить перед пуском на линию. Все это заняло больше двух недель. К пуску трамвая необходимо было решить еще одну проблему – кадровую. Для этого осенью 1934 г. из числа строителей предприятия «Трамвайстрой» 16 человек были отобраны и отправлены в Свердловск на кратковременные курсы вагонowodжатых. Среди них были комсомольцы Колова Клавдия, Крещук Станислав, Никочало Иван. Через 1,5 месяца они вернулись в Магнитогорск, овладев новой профессией – вагонowodжатым трамвая. Затем уже эти первые вагонowodжатые учили молодежь [2, л. 5].

И наконец-то пуск первого трамвая состоялся: «Под ликующие взоры большой толпы, собравшейся у заводоуправления, ровно в 12 ч. дня 18 января по рельсам плавно двинулся первый состав трамвая» [13, с. 2]. Один из первых вагонowodжатых трамвая Станислав Викентьевич Крещук вспоминает этот день: «И хотя день был обычный, рабочий, настроение у горожан было праздничное, люди ждали начала движения и радостно его встречали. Они поздравляли нас, трамвайщиков, желали нам успехов в работе. Колова Клавдия среди женщин была первым водителем. Первый трамвай, который шел от Щитовых до заводоуправления. В этот день 18.1.1935 года рождение трамвая было для людей радостью, ликовали, люди бежали за ним, целовали друг друга каждый хотел прокатиться» [2, л. 5]. Первая трамвайная линия шла от поселка на Щитовых до заводоуправления, там было трамвайное кольцо, на котором трамвай разворачивался и шел обратно. Протяженность первого участка трамвайных путей была 5,8 км [8, л. 24].

Оставались и нерешенные проблемы. В городе было всего два моторных трамвайных вагона. Только через полгода появились еще два прицепных вагона, к концу 1935 г. трамвайное хозяйство имело два моторных и шесть прицепных вагона [9, л. 6]. Поэтому в трамваях постоянно был перегруз вагонов, вместо положенных 60 пассажиров вагоны перевозили по 100–120 пассажиров. На трамвайных остановках не было вывесок, не были оборудованы поддоны, на которые могли спускаться из трамвая пассажиры. Не было освещения трамвайных путей и трамвайных остановок: «С наступлением темноты для воджатых настают самые тяжелые часы работы. Они больше всего заботятся о том, чтобы не случилось аварии. Создавшееся положение может привести к тяжелым последствиям» [12, с. 2]. Вагоны трамваев не отапливались, а также не было теплых помещений для стоянки и ремонта вагонов. «Вагоны готовили к выпуску на улице, в мороз, на яме, которая и сейчас сохранилась на разворот-

ном кольце «Полевая». На конечных разворотных пунктах жгли костры и в кострах разогревали кирпичи, потом укладывали их на пол под ноги водителей, чтобы валенки к полу не примерзали» [1, л. 1].

При пуске первого трамвая не были составлены и утверждены правила пользования для граждан, они появились в феврале 1935 г. В них устанавливалось: «Проезд в трамвайных вагонах разрешается только по билетам... Члены ЦИК СССР, ВЦИК СССР, облисполкома, окрисполкома, горсовета, обкома ВКП (б), райкомов ВКП (б), работники милиции и уголовного розыска, находящиеся при исполнении служебных обязанностей, пользуются во всех случаях бесплатным проездом» [3, п. 2]. Подростки, которые висли на подножках трамвая, чтобы прокатиться, их называли «висунами», подвергались опасности получения травм. В Правилах пользования трамваем было написано: «Воспрещается во время хода висеть на подножках, поручнях и других наружных частях. Кондукторам трамвая вменяется в обязанность не допускать на подножках, задерживать отправление трамвая до удаления лиц с указанных мест, передавать их в распоряжении милиции» [3, п. 10].

Источники и литература

1. Архив МП трест «Маггортранс». Ф. 10. Оп. 1. Д. 5.
2. Архив научно-технического музея ОАО ММК. Ф. 15. Оп. 1 Д. Н-17.
3. Архив МП трест «Маггортранс». Ф. 10. Оп. 1. Д. 5.
4. 10 километров в день // Магнитогорский рабочий. 3 декабря 1934. С. 2.
5. Закончить в срок строительство второй очереди трамвая// Магнитогорский рабочий. 1937. 10 сентября. С. 2.
6. Комсомольская помощь трамваю// Магнитогорский рабочий. 1934. 3 декабря. С. 1.
7. Меры приняты// Магнитогорский рабочий. 1934. 29 ноября. С. 2.
8. МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 227.
9. МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 16. Оп. 1. Д. 118.
10. Осталось 23 дня // Магнитогорский рабочий. 1934. 9 декабря. С. 1.
11. Осталось 28 дней // Магнитогорский рабочий. 1934. 3 декабря. С. 1.
12. Осветить трамвайную линию // Магнитогорский рабочий. 1937. 22 августа. С. 2.
13. Под ликующие взоры... //Магнитогорский рабочий. 1935. 20 января. С. 2.
14. Проект наказа избирателей Магнитогорского городского совета // Магнитогорский рабочий. 1934. 26 ноября. С. 2.

© Капицына Д.В., 2017

УДК 94(571.122).084.8

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЛАРЬЯКСКОГО (НИЖНЕВАРТОВСКОГО) РАЙОНА В 1940–1943 гг.

С. В. Миронычев

Студент

Нижевартовский государственный университет,
ул. Ленина, 56, 628600, г. Нижневартовск, Российская Федерация
эл. почта: mironichev1983@mail.ru

Автор рассмотрел некоторые аспекты социально-экономического положения населения Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа в годы Великой Отечественной войны. Приведены данные о заработной плате различных категорий работников. Содержатся сведения об условиях труда и бытовом положении населения в 1941–1943 гг. В статье систематизированы имеющиеся в науке материалы, уточняются некоторые статистические данные о социально-экономическом положении населения Нижневартовского района.

Ключевые слова: колхозы; артели; сельсоветы; трудоспособное население; численность населения.

S.V. Myronichev

SOCIAL ECONOMICAL SITUATION OF POPULATION OF LARYAC (NIZHNEVARTOVSK) DISTRICT IN 1940–1943

Nizhnevartovsk State University,

Lenina str., 56, 628 600, Nizhnevartovsk, Russian Federation.

e-mail: mironichev1983@mail.ru

The author examines some aspects of the socio-economic situation of the population during the Great Patriotic War. Data are given on the wages of various categories of workers. Information on the working conditions and living conditions of the population in the specified period is contained. In the article the data available in science is systematized, some statistical data on the socio-economic situation of the population of the specified area are specified.

Key words: collective farms; artels; village councils; able-bodied population; population.

До настоящего времени не существует обобщающего труда, который смог бы в полной мере осветить различные стороны социально-экономического положения населения Нижневартовского района накануне и в период Великой Отечественной войны. Эта тема затрагивалась преимущественно в трудах, изданных под редакцией профессора Л. В. Алексеевой [1, 3, 4]. В них, наряду с достаточно подробным освещением миграционных процессов, хозяйственным состоянием края, затронуты бытовые и материальные условия населения.

Нижневартовский сельсовет входил в состав Ларьякского района Остяко-Вогульского национального округа. Численность населения в Нижневартовском сельсовете за годы Великой Отечественной войны увеличилась на 21%: с 1354 до 1642 чел. С началом Великой Отечественной войны указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», предоставил дополнительные полномочия руководителям предприятий, устанавливал сверхурочные работы от 1 до 3 часов в день. Увеличился годовой минимум в выработке трудодней с 80 до 120 для взрослых и не менее 50 трудодней в год должны были отработать подростки. За невыполнение этого плана грозило наказание в виде принудительных работ в колхозе сроком на 6 месяцев и удержанием 25% трудодней в пользу колхоза [1, с. 243].

Ужесточение трудовой дисциплины действовало не на всех. Наряду с теми, кто добросовестно работал и выполнял трудовые повинности, встречались и те, кто не желал прикладывать каких-либо усилий. Такое поведение приравнивалось к измене Отечеству. Например, в колхозе «Рыбак Сибири» Ларьякского района председатель Н. Лячемкин был осужден на 3 года за растрату колхозных денег и имущества. Пастух колхоза им. Калинина при перегонке скота допустил падеж 10 голов, чем сам же и воспользовался, продав шкуры этого скота и потратив вырученные средства в личных целях. Нижневартовский сельсовет в протоколах собраний отмечен низким контролем за выполнением устава колхозов и отсутствием дисциплины у колхозников [1, с. 245].

Одной из главных задач для колхозов предвоенного десятилетия являлось создание собственного производства. Важнейшим направлением наряду с рыбодобычей, лесным промыслом и пушнозаготовками в северных колхозах стало сельское хозяйство. В 1939 г. в Ларьякском районе имелось 52 маломощных колхоза. К началу Великой Отечественной войны в Нижневартовский сельсовет входило 6 населенных пунктов, в каждом из которых работали сельхозартели, рыболовные и охотничьи артели, находившиеся в подчинении районного земельно-промыслового отдела. Накануне войны колхозы объединяли 1 680 индивидуальных хозяйств. Всего к колхозам района было приписано 1 714 чел. Сельским хозяйством занимались 7 колхозов [3, с. 68]. В 1944 г. сельским хозяйством в районе занимались 5 колхозов [3, с. 73]. Площадь вспаханной земли с 112 га в 1940 г. увеличилась до 349 га в 1943 г. В общественном животноводстве наблюдалось снижение поголовья. 1940 г.: КРС – 2731; лошадей – 1190; свиней – 191; в 1943 г. 1967; 968; 173 соответственно. В сельском хозяйстве Нижневартовского сельсовета работало всего 518 чел. [2. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 49].

Из годового отчета за 1941 г. артели «Красное знамя» села Нижневартовского следует, что из 86 чел., принимавших участие в работе колхоза, 31 чел. выработали свыше 400 трудодней, а 1/3 часть колхозников не выработала и минимума трудодней [2, Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 49]. Количество трудоспособных колхозников в Нижневартовском сельсовете на 1 января 1942 г. составляло 328 чел. [2, Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 86], а все его население – 1354 чел.: колхозников – 661, рабочих и служащих – 693 человека. [2, Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 86]. Половина колхозного населения была нетрудоспособна, так как в его состав входили дети и старики. С 1943 г. на территории с. Нижневартовское располагался рыбзавод, где условия труда были очень тяжелыми: не хватало спецодежды и обуви. В условиях суровой зимы плохо осуществлялось снабжение теплыми вещами, особенно спецпереселенцев.

Применявшаяся система оплаты труда колхозников в оленеводстве, рыболовстве и охоте рассчитывалась в трудоднях, за которые колхозники получали денежное и натуральное вознаграждение. Натуральные выплаты начислялись после того как была произведена обязательная поставка государству плановых заготовок и засыпки семян, а также создания страхового семенного и фуражных фондов. Как правило после этих процедур распределять было нечего. Так, в 1943 г. в ХМНО натуральный доход распределили только 39 колхозов. Среднее распределение продуктов в год на одного колхозника за период Великой Отечественной войны составило 2,2 кг мяса, 3 л молока, 200 гр. шерсти, 0,07 шкуры [1, с. 271]. Без подсобного хозяйства было бы невозможно выжить, так как на заработанные деньги попросту нечего было купить и их как правило население жертвовало в помощь фронту. Продукты питания выдавались строго по карточкам. Рабочий рыбной промышленности мог рассчитывать на 500–600 гр., а иждивенец на 300–400 гр. хлеба. Ведро картошки на базаре стоило 100 руб.

В Ханты-Мансийском округе в 1940 г. работало 6 рыбзаводов, в том числе и Ларьякский, где заработная плата составляла от 150 до 200 руб. Это были небольшие предприятия, рабочими которых в большей части были спецпереселенцы. Рабочий день на рыбзаводах длился 8 часов [4, с. 45]. К 1943 г. заработная плата в рыбной промышленности составляла от 300 до 400 руб., аналогичными были заработки и в лесной промышленности [5, с. 173]. Стоит отметить, что средняя зарплата за один трудодень в разных колхозах округа представляла разные цифры, варьируясь от 0,74 в колхозе им. Тимошенко Березовского района до 7,78 руб. в «Красный северянин» Сургутского района. Зарплата совслужащих была: председатель райисполкома – 1 300 руб., заместитель – 850 руб., секретарь – 600 руб., архивариус – 200 руб., машинистка – 175 руб., ночной сторож – 115 руб., техничка – 70 руб. [3, с. 124].

Население платили местные налоги и сборы. Например, в 1943 г. налог на нужды культурно-бытового и жилищного строительства составил для колхозников 20 рублей, для единоличников – от 40 до 75 руб., для лиц, имевших нетрудовые доходы – 150 руб. [3, с. 127]. Социально-экономическое положение населения в годы войны ухудшилось. Налоговое бремя увеличивалось с каждым годом. Находясь в тяжелейших условиях, граждане отправляли в Фонд обороны материальные и денежные средства. Подавляющее большинство граждан Нижневартовского сельского совета добросовестно трудились на благо Победы.

Источники и литература

1. Алексеева Л. В. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Нижневартовский гуманитар. ун-т, 2012. 355с.
2. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска.
3. История Нижневартовского района / Под ред. Л. В. Алексеевой. Екатеринбург: Баско, 2013. 336 с.
4. Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: / Под ред. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск: Нижневартовский гуманитар. ун-т, 2012. Ч. 2. 253 с.
5. Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург: ИД «ПАКРУС», 2005. 224 с.

© Миронычев С.В., 2017

УДК 94(474.2).084.8

ОБОРОНА СЕВЕРНОЙ ЭСТОНИИ В ИЮЛЕ-АВГУСТЕ 1941 Г.

А. В. Соловьев

Студент 3-го курса исторического факультета

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
пр. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация

эл. почта: solovevandrey96@gmail.com

В статье рассмотрена оборонительная операция советских войск на севере Эстонии в июле-августе 1941 г. и ее место в Ленинградской оборонительной операции. Используются методы анализа и синтеза, историко-генетический метод. Проведена оценка итогов операции как таковой, а также ее роли в задержке немецкого наступления на Ленинград.

Ключевые слова: оборона Ленинграда; Эстония; Северный фронт; Великая Отечественная война; военная история; военные действия.

A.V. Solovyov

DEFENSE OF THE NORTHERN ESTONIA IN JULY-AUGUST, 1941

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: soloveveandrey96@gmail.com

In the article the defense of northern Estonia by soviet forces in july-august 1941 was looked. Author used methods of analysis and synthesis, genetic method. Assesment of results of operation was done. Also meaning of operation in stopping German assaukt on Leningrad's direction was re-searched.

Key words: the defense of Leningrad; Estonia, Northern Front; The Great Patriotic War; Military history; hostilities.

Одним из значимых эпизодов обороны Ленинграда в 1941 г. являлась оборона севера Эстонии 8-й армией Северо-Западного фронта. Автором предпринята попытка рассмотреть влияние этих событий на продвижение немецких войск на ленинградском направлении.

1–2 июля группе армий «Север» удалось выбить советские войска с р. Западная Двина и разделить их. 11-я и 27-я армии СЗФ отходили на восток, 8-я армия – на север, в Эстонию. Считая 8-ю армию небоеспособной, немцы выделили для зачистки Эстонии ограниченные силы – 26-й ак (61-я и 217-я пд), основную массу войск задействовав на Ленинград [1, с. 101]. 8-я армия в составе 10-го и 11-го ск по итогам Приграничного сражения действительно была в плачевном состоянии. А. В. Исаев указывает численность 48-й и 125-й сд 11-го ск в 2079 и 3916 человек соответственно [5, с. 192]. В остальных соединениях также был большой некомплект личного состава, а значительная часть имевшегося служила в тыловых частях [2, л. 40]. Эту ситуацию пытались исправить, присылая в армию пополнения, но положение как с личным составом, так и с материальной частью оставалась тяжелым. Проблема была не только в количестве, но и в качестве пополнения. Так, к 20 июля в армию прибыло около 8000 человек, но они были слабо обучены. Кроме того, среди них было очень мало командного состава [2, л. 105–106].

Боевые действия в Эстонии начались 8 июля на рубеже Пярну-Тарту. К 14 июля 10-й ск был сбит с р. Навэсти и стал отходить на север. Затем противник перенес усилия в полосу 11-го ск. В первых боях проявилась относительная слабость немецкой группировки. Было принято решение направить в Эстонию 93-ю пд из резерва ГА «Север». Впоследствии в Эстонию прибыли также 254-я и 291-я пд [9, с. 77–78]. Таким образом, немецкая группировка в Эстонии выросла до пяти дивизий [1, с. 101]. Такое распыление сил с ленинградского направления привело к невозможности вскрытия плацдармов на р. Луга, захваченных 4-й тг в середине июля. Наступление было вынужденно остановлено до подхода пехоты 16-й полевой армии, что было отражено немецким командованием в директиве №33 [7, с. 208–209].

Немцы стремились расчлениить силы 8-й армии и отрезать ей пути отхода на восток, не допустив тем самым усиления советских войск на ленинградском направлении. В то же вре-

мя командование Северного фронта и командарм 8-й армии генерал-лейтенант М. И. Любовцев планировали использовать Эстонию как плацдарм для наступления на тылы ГА Север. [10, л. 21]. Такие планы оказали влияние на тактику противоборствующих сторон. Немцы отгесняли корпуса 8-й армии в разных направлениях, чтобы окружить и разгромить их поодиночке. Советские же войска организовали ряд контрнаступлений стремясь выйти на ранее занимаемые рубежи для наступления в тыл ГА «Север».

Так, 18 июля 10-й ск (10-я, 11-я сд) совместно с 16-й сд и 22-й мсд войск НКВД организовал контрнаступление в районе р. Навэсти, но успеха не имел. К 23 июля наступление было окончательно остановлено противником [3, л. 9–10, 32–33]. В это же время основные силы немцев (61-я, 93-я, 254-я пд), наступая на фронте 11-го ск, 24 июля сумели окружить его у н. п. Муствэ. Отчасти успех немецкого наступления был предрешен критической ситуацией с обеспечением 11-го ск, особенно его артиллерии. Так, например, в 48-й сд имелось 20 122 мм орудий, но они не имели снарядов, причем их не было и на складах [11, л. 159].

По мнению В. Хаупта, уже 25 июля котел был ликвидирован [9, с. 80-81]. Тем не менее, с 26 по 30 июля 10-й ск организовал наступление с целью деблокады соседа. Из-за общей слабости дивизий корпуса и его артиллерии оно было безуспешным [10, л. 22]. По советским данным, из окружения удалось вывести около 3,5 тысяч человек. Командование 8-й армии в начале августа оценивало численность 11-го ск в 5398 человек, из них 438 человек комсостава (большой частью в тыловых службах) [3, л. 59].

Немцы доложили о 8794 пленных. А. В. Исаев посчитал эту цифру завышенной, аргументируя это мнение низкой численностью 11-го ск [5, с. 298]. Но согласно сведениям о боевом составе частей СФ, на 20 июля в дивизиях и управлении корпуса насчитывалось 20368 человек (см. таблицу).

Таблица

Сведения о численном составе 11-го ск на 20 июля 1941 года [8, с. 2]

Соединение	Численность, чел.	Орудий 76 мм, ед.	Орудий 122 мм. ед.
Управление 11-го ск	3115	–	–
48-я сд	7821	12	20
125-я сд	9132	5	7
Итого	20068	17	27

Исходя из этого, можно не согласиться с мнением А. В. Исаева. На наш взгляд, немецкие данные о пленных, как минимум, правдоподобны. Заявленное число составляет около 43% численности корпуса на 20 июля. еще 17% вышло из окружения, что с учетом крупных боевых потерь можно считать достоверным.

Несмотря на неудачу в наступлении, командование СФ еще рассчитывало перехватить коммуникации ГА «Север» с плацдармов в Эстонии. От 8-й армии требовалось выйти ан рубеж Пярну – Вильянди – р. Ави-йыги, т.е. позиции, с которых она начинала оборону Эстонии. Ей передавались 118-я и 268-я сд, рота танков и эскадрилья штурмовиков. Но попытка контрнаступления за р. Пярну была остановлена сильным огнем немцев. 8-я армия вынуждена была перейти к обороне [3, л. 24, 52].

Новый командарм генерал-лейтенант Пшенников отдал приказы на удержание рубежа р. Ави-йыги и Кунда. Этим обеспечивалось движение по ж/д магистрали Нарва – Таллинн, по которой из РСФСР шло пополнение [3, л. 52]. Но уже к 7 августа противник прорвался к Финскому заливу у поселка Кунда, расколов надвое фронт 8-й армии. Попытка контрудара была неудачна ввиду общей слабости советских войск и разрозненности их действий [3, л. 74]. К 9 августа 10-й ск отошел к Таллинну. Немцы же, остановив свое наступление на Таллинн, силами трех дивизий выбили 11-й ск к 17 августа за р. Нарва [9, с. 86]. Завершив вытеснение 11-го ск с территории Эстонии, немцы перебросили силы под Таллинн. С 10 по 25 августа противник прорывал полосу обороны 10-го ск, 26-28 августа в городе шли уличные бои [4. с. 457–464].

При эвакуации из Таллинна силами Балтфлота около 5000 чел. не успели погрузиться, хотя два транспорта, каждый вместимостью 2000 чел., ушли, погрузив всего 250 и 18 чел. Это связано с тем, что место погрузки оказалось в зоне досягаемости артиллерии противника и было перенесено. Войскам же об этом не сообщили. Переход кораблей осуществлялся без прикрытия авиации – противник захватил аэродромы. Это привело к большим потерям кораблей и судов. Из 28 тыс. учтенных эвакуируемых потери составили 11 тыс. чел. (из них около 3000 гражданских) [6, с. 144, 191].

Итак, 8-й армии удалось на полтора месяца связать относительно крупные силы пехоты противника, ослабив тем самым немецкую группировку на ленинградском направлении. Немцам не удалось задействовать эти силы для быстрого развития наступления с плацдармов на р. Луга, захваченных в середине июля. Эта задержка позволила усилить оборону Лужского рубежа. 8-я армия достаточно успешно использовала сложный рельеф севера Эстонии в условиях постоянной нехватки личного состава, артиллерии и боеприпасов. Кроме того, ей удалось избежать полного разгрома, планировавшегося немцами.

Источники и литература

1. Гальдер Ф. Военный дневник: июнь 1941 – сентябрь 1942 г. М.: АСТ: АСТрель, Владимир: ВКТ, 2010.
2. ЖБД 8-й армии 11-21.07.1941. URL: <https://pamyat-naroda.mil.ru/jbd/134863740>.
3. ЖБД 8-й армии 21.07–04.09.1941. URL: <https://pamyat-naroda.mil.ru/jbd/134863886>.
4. Иринархов Р. С. «Прибалтийский особый...» М.: Вече, 2004.
5. Исаев А. В. Иной 1941: от границы до Ленинграда. М.: Яуза: Эксмо, 2011.
6. Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М.: Вече. 2010.
7. Совершенно секретно! Только для командования! М.: Наука, 1967.
8. Справка о наличии людей и матчасти в СевФ. URL: <https://pamyat-naroda.mil.ru/documents/view/?id=114806854>.
9. Хаупт В. Сражения группы армий «Север». М.: Яуза: Эксмо, 2005.
10. ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 67. URL: <http://ossesso.ru/cat14/item25398.html>.
11. ЦАМО. Ф. 844. Оп. 1. Д. 14. URL: <https://pamyat-naroda.mil.ru/documents/view/?id>.

© Соловьев А.В., 2017

УДК 725.822:94(470.5).084.8

ВКЛАД ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ТЕАТРОВ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ

М. В. Кадочникова

Студент

Южно-Уральский Государственный гуманитарно-педагогический университет,
пр. Ленина, 69, 454080, г. Челябинск, Российская Федерация,
эл. почта: kadochnikova_mashulya@mail.ru.

В статье обобщается деятельность театров Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. В области действовали как эвакуированные, так и местные театры. Они внесли большой и неизгладимый вклад в жизнь людей того времени. Прodelав большую творческую работу, они навсегда остались в сердцах жителей Челябинской области.

Ключевые слова: театралы; Великая Отечественная война; драматические театры; театральное искусство; театральная деятельность.

M. V. KADOCHNIKOVA

THE CONTRIBUTION OF THE SOUTH URAL THEATRES IN THE VICTORY OVER FASCISM

Student

South-Ural State humanitarian-pedagogical University,
pr. Lenina, 69, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation,
e-mail: kadochnikova_mashulya@mail.ru.

The present article describes activities of the theaters of Chelyabinsk region in the years of the Great Patriotic War. The evacuated and local theatres acted in the region. The theatres significantly

affected people's lives of that time. Their huge contribution to artistic life of the city will stay in the hearts of the Chelyabinsk region's citizens forever.

Keywords: theatergoers, Great Patriotic war, drama theaters, theatrical art; theatrical activity.

Театральная жизнь Челябинской области недостаточно исследована, хотя играла одну из главных ролей в жизни людей во все времена. Ее развитие в годы Великой Отечественной войны уже нашло отражение в наших предыдущих публикациях [3, 4].

В 1941–1942 гг. в Челябинскую область были эвакуированы театры, среди которых было немало известных, в том числе и Орловский областной драматический театр. В Челябинск прибыл и Малый театр [2, с. 22]. В воспоминаниях секретаря Челябинского обкома партии Н. С. Потоличева говорится: «В наиболее трудные дни для Москвы советское правительство решило не подвергать опасности одну из великих драгоценностей страны – старейший русский театр – Академический Малый театр имени А. Н. Островского» [9, с. 49]. Было принято решение о его переводе в Челябинск.

С началом Великой Отечественной войны театрам приходилось перестраивать работу под военное время. Например, с началом войны театр имени X-летия Октября в г. Златоусте был закрыт для размещения эвакуированных предприятий, а труппа распущена. Театральная жизнь в городе в годы войны была продолжена эвакуированным из Орла областным драматическим театром. В июле 1941 г. было внесено предложение и о ликвидации Магнитогорского драматического театра. Основная причина – невозможность дальнейшего финансирования «убыточного» театра. Но этот театр не был закрыт.

После начала войны репертуар театров коренным образом изменился. Главное место в нем заняли пьесы по военной тематике. Процесс создания нового спектакля контролировался партийными органами, как и во всех городах области, представитель которой проверял идеологию постановки. Театры Челябинской области поставили много военно-патриотических спектаклей, среди них «Шёл солдат с фронта» В. П. Катаева, «Парень из нашего города» К. М. Симонова, «Нашествие» Л. М. Леонова, «Русские люди» К. М. Симонова, «В степях Украины», «Партизаны в степях Украины», «Фронт» А. Е. Корнейчука.

Главной задачей спектаклей являлось воспитание у людей патриотизма, беззаветной преданности Родине, бесстрашия борьбы с врагом. Например, пьеса К. М. Симонова «Парень из нашего города» завоевала симпатии златоустовского зрителя. По просьбе зрителей коллектив Орловского театра возобновил постановку этого спектакля [1, с. 2].

По своему творческому составу, активности, творческой спаянности, работоспособности очень выделялся Воронежский театр, освоивший за короткий срок площадку Копейского дворца культуры. Наиболее яркими спектаклями, признанные как наилучшие спектакли театра являются «Фронт» А. Е. Корнейчука и «Женитьба Фигаро» П. Бомарше. В каждом спектакле видна мысль режиссёра, творческая взволнованность коллектива. Театр за время пребывания завоевал любовь зрителя» [6, л. 27].

В тоже время к концу 1941 г. стало явно ощущаться отставание театрального репертуара Магнитогорского драмтеатра от нужд военного времени. Резко упала посещаемость этого учреждения. В январе 1942 г. руководство комбината обратилось за помощью к Московскому Малому театру. «Шефская помощь включала, выработку репертуара» [10, с. 132]. На пост художественного руководителя драмтеатра был назначен заслуженный деятель искусств режиссер Л. М. Прозоровский.

С целью увеличения прибыли театрами организовывались выездные и гастрольные спектакли. Находясь в г. Копейске, Воронежский театр выезжал со спектаклями в Челябинск. Малым театром были даны спектакли, концерты в госпиталях, на предприятиях, в воинских подразделениях, выезжали на гастроли в другие города области, организовали отправку на фронт теплых вещей.

Во время войны Орловский театр провел в Златоусте: «около 2000 шефских спектаклей и концертов, выступление в госпиталях, посылки на фронт, сбор средств в фонд обороны. За эту работу коллектив театра был награждён переходящим Красным знаменем отдела ис-

кусств и обкома РАВИС» [5, л. 13]. Магнитогорский театр проводил большую работу с учащимися ремесленных училищ. К пуску шестой домны Магнитки художественный руководитель А. М. Прозоровский написал специальный литмонтаж, посвященный строительству и пуску домны. «Всего концертов за это время проведено – 195» [7, л. 8].

Как и у всех эвакуированных театров отсутствовали: декорации, костюмы, электроосветительная аппаратура, бутафория. О проблемах Орловского театра говорилось в воспоминаниях его директора: «Клуб имел вместимость на 440 мест и находился в 6 километрах от центра города. Размер сцены 5х6 метров... в таких условиях работать абсолютно невозможно» [8, л. 3].

В целом, театральная жизнь в Челябинской области продолжалась на протяжении всего военного времени. Театры сыграли большую воспитательную, мобилизующую роль в годы войны. Как вспоминал ветеран Великой Отечественной войны В. И. Ульянов: «Когда-то, в то военное тяжелое время, театр вернул мне здоровье и жизнь. Возвратившись с фронта инвалидом, я находил в нем духовное удовлетворение. Театр – единственный приют искусства. Своей работой он воодушевил тогда многих героев фронта и тыла» [11].

Источники и литература

1. Беленькая Д. Парень из нашего города // Большевикское слово. 1942. 16 июня.
2. Бувеч Л. П. Малый театр в Челябинске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. № 1(7).
3. Кадочникова М. В. Орловский драматический театр в Златоусте в годы Великой Отечественной войны // Золотые россыпи былого: сб. материалов IX краевед. конф. Златоуст: АБРИС, 2016.
4. Кадочникова М. В. Театральная жизнь Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (на примере деятельности Московского академического Малого театра и Орловского драматического театра) // Материалы 48-й науч. студ. конф. Челябинск: ЧГИК, 2016.
5. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 220.
6. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 220.
7. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 223.
8. ОГАЧО. Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 243.
9. Патоличев Н. С. Воспоминания. Испытания на зрелость. Совестью своей не поступись. М.: Общество сохранения лит. наследия, 2008. 504 с.
10. Прозоровский Л. М. В Сталинской Магнитке // Малый театр на фронтах Великой Отечественной войны. М.–Л.: Искусство, 1949.
11. Театральный дом Тургенева. URL://http://theaterorel.ru/about/history_theatre/teatralnyj.

© Кадочникова М. В., 2017

УДК 94(470.54).084.8

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ Г. КАРПИНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

С. Ю. Поляков

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: sergey.polyakov1797@mail.ru

В статье поднимаются социокультурные проблемы г. Карпинска. Рассмотрено развитие образования в период с 1949 до 1990 гг., количество школ и число учащихся. Также важным показателем социального развития является проблема здравоохранения, важным показателем которым будет являться количество койко-мест и отделений в больнице.

Ключевые слова: народное образование; здравоохранение; социально-культурное развитие.

S. Yu. Polyakov

SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF G. KARPINSK IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: sergey.polyakov1797@mail.ru

The article raises the socio-cultural problems of Karipinsk. The development of education in the period from 1949 to 1990, the number of schools and the number of students is considered. Also an important indicator of social development is the health problem, an important indicator of which will be the number of beds and departments in the hospital.

Key words: Public education; health care; socio-cultural development.

Одним из показателей культурного развития города является уровень грамотности населения, что связано с развитием системы образования. Первое образовательное учреждение в Карпинске было основано в 1949 г.: это была школа № 18, которая до 1954 г. была семилетней. Так же в 1954 г. были образованы и две другие школы: № 6 и 16, которые обучают детей и по сей день. В это время в городе обучалось 5457 учащихся. Так как население города увеличивалось, нужно было строить новые, более вместительные школы и именно поэтому к 1965 г. количество учебных заведений возросло до 32, включая начальные, восьмилетние и средние школы, а число учащихся, за период второй половины XX в. составило 17001 чел. К началу 1990 г. показатели пошли на убыль, общее число школ составляло 14, число учащихся 7498 чел. [1, л. 5].

В 1956 г. была основана библиотека им. Попова. В 1967 г. книжный фонд составил 30137 экземпляров. В 1979 г. в Карпинске образовывается централизованная библиотечная система. В доперестроечный период в библиотеке приходило по 11–16 тыс. книг в год. Число читателей увеличивается, повышается спрос на литературу [4, с. 3].

Другим важным показателем социального развития является вопрос здравоохранения. В Советском Союзе к началу 1960-х гг. были достигнуты заметные успехи в деятельности медицинских служб и повышении качества здоровья населения. По сравнению с началом века более чем в два раза выросла средняя ожидаемая продолжительность жизни, сократилась младенческая смертность.

16 апреля 1941 г. состоялась первая сессия первого созыва Карпинского городского Совета депутатов трудящихся, на которой был образован городской отдел здравоохранения. В связи с чем, медицинские учреждения г. Карпинска были исключены из подчинения Серовского городского отдела здравоохранения и переданы в подчинения Карпинского городского отдела здравоохранения [2, л. 1]. В 1950 году в сети медицинских учреждений находилось 5 больниц на 402 койки, 2 поликлиники на 25 врачебных приемов, 2 смешанных женских-детских консультаций, 9 яслей на 400 коек, 2 врачебных, 10 фельдшерско-сестринских и 7 фельдшерских здравпункта. В лечебно-профилактических учреждениях были организованы специализированные врачебные приемы всех специальностей [3, л. 133]. В начале 1955 г. в городе создается больничный городок. На его строительство было ассигновано около 20 млн руб. В середине года сдан центральный корпус. Кроме того, строилось здание амбулатории в старой части города.

К 1948 г. город сильно изменился, построено 40 тыс. кв. м. жилой площади, школы, больницы, построены Дворец культуры и кинотеатр «Красный горняк», проложены водопроводные магистрали, трамвайная линия, соединяющая станцию Богословск (бывшее название Карпинска) с центром города. Протяженность электросетей возросла до 42 км. К 1955 г. построено около 15 тыс. кв. м. жилой площади. Сотни семей угольщиков, строителей, машиностроителей вселились в новые квартиры. Около 300 семей на личные сбережения и ссуды, полученные от государства, построили собственные дома [5, с. 5].

Таким образом, за время становления города в послевоенные годы произошли значительные изменения в социальной и культурной жизни города. Большими темпами развивалось строительство объектов здравоохранения и образования, население территории получило возможность пользоваться услугами учреждениями культуры.

Источники и литература

1. Архивный отдел Администрации Серовского городского округа (АОАСГО). Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 7.
2. АОАСГО. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 1.
3. АОАСГО. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 2.
4. Любимова Т. Сколько прожито, сколько прочитано // Карпинский рабочий. 2009. № 6. С. 3.
5. Федоров Г. В городе угольщиков // Уральский рабочий. 1955. № 47. С. 5.

©Поляков С. Ю., 2017

УДК 94(470.54):061.23

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ТАГИЛА В КОНЦЕ XX в.

А. А. Жбанов, Т. А. Шабардина

Студенты

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле),

ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Свердловская обл., Российская Федерация,
эл. почта: tanyashabardina@mail.ru

В статье описывается история создания и деятельность первых экологических организаций в г. Нижний Тагил в конце XX в., положивших начало общественному экологическому движению в городе.

Ключевые слова: экологические клубы, природоохранные организации, общественные движения, экология, охрана окружающей среды.

A. A. Zhbanov, T. A. Shabardina

THE ECOLOGICAL SOCIAL ORGANIZATIONS OF NIZHNY TAGIL ON THE END OF XX c.

Russian State Vocational Pedagogical University (branch in Nizhny Tagil),

str. Krasnogvardeyskaya, 57, 622031, Nizhny Tagil, Sverdlovskaya obl., Russian Federation,
e-mail: tanyashabardina@mail.ru

The article gives the description of the history of creation and activity of the first ecological organizations in Nizhny Tagil on the end of XX c., which laid the foundation of the public environmental movement in the town.

Key words: ecological clubs, environmental organizations, social movements, ecology, Environmental protection.

Нижний Тагил, является крупным индустриальным центром, вторым по численности населения в Свердловской области. В 1962 г. был основан Нижнетагильский городской Совет Свердловской области Света Всероссийского общества охраны природы (НТГООП). Это первое экологическое общество в городе. Ведущей целью своей работы общество утверждало улучшение экологической обстановки в городе за счёт сокращения производства, а также воспитание экологической культуры среди горожан.

Управление общества осуществлялось коллегиально, советом, состоящим из двух секций: охраны атмосферного воздуха и охраны водных ресурсов. Председателем совета общества являлась А. К. Мороча. Один раз в 5 лет до 1996 г., а далее – один раз в 2–3 года, созывалась Конференция Совета для решения наиболее важных проблем. НТГООП работало по принципу самофинансирования. Членами организации были работники санэпидемстанции и химлабораторий предприятий города.

НТГООП привнесло свой вклад в преобразование города. Так, в 1985–1992 гг. природоохранная организация выпускали различные агитационные материалы, адресованные водителям. Рекомендуются рационально продумывать маршрут движения и ездить на безопасной скорости, чтобы снизить выброс токсичных газов [2].

В 1988 г. Высокогорский ГОК утвердил программу затопления Главного карьера отходами флотационного производства. С этого же года начинается противостояние (продлится 7

лет) общества и комбината. Было проведено шесть государственных экспертиз воды на наличие вредных химических примесей. Шламы уходят в подземные воды, и тем самым, происходит загрязнение водной среды города. Однако в 1995 г. был запущен российско-американский проект «Эконт» по захоронению твёрдых отходов флотации в Главном карьере. Первые захоронения проводятся в 1999 г., несмотря на возмущения горожан и экспертизу воды, показавшую наличие вредных примесей [4].

В 1994 г. члены НТГООП направили обращение к губернатору Свердловской области. В нем поднималась проблема сброса тонн серы и кобальта на дно Главного карьера. Общество предлагало из отходов производства (медного концентрата) при их переработке по специальным европейским технологиям извлекать золото, серебро и другие полезные природные ресурсы [3].

С 23 декабря 1996 г. общество становится самостоятельной организацией и утверждает свой Устав. В этом же году НТГООП и клуб «Очищение» совместно выпускают публичное обращение к главе города Н. Н. Диденко с требованием прекратить затопление Главного карьера шламами. Требование подписали более 6 тыс. тагильчан. Затопление Главного карьера временно прекратилось [3].

В Нижнетагильском городском историческом архиве также хранятся документы Всероссийской чрезвычайной экологической конференции (Москва, 13 июня 2000 г.), делегатом на которой от НТГООП была председатель общества А. К. Мороча. Причиной организации конференции было упразднение Госкомитета по охране окружающей среды и Рослесхоза 19 мая 2000 г. [1]. НТГООП существует по сегодняшний день.

В 1989 г. была основана экологическая организация «Чистый дом». Она занималась активным вовлечением в природоохранную деятельность горожан, их информированием, изучением общественного мнения города по проблемам экологии. Руководящим органом организации был общественный совет, разрешающий наиболее важные вопросы на общем собрании. Организация финансировалась за счёт государственных средств, а также за счёт иностранных вложений. Члены «Чистого дома» – исключительно специалисты в сфере экологии.

Эта организация активно сотрудничала с иностранными экологическими организациями. Так, в мае 1994 г. организация подписала меморандум с администрацией Нижнего Тагила и Агентством охраны окружающей среды (США) о совместной работе по улучшению экологии в городе. В 1996 г. был разработан совместный проект по охране и рациональному использованию окружающей среды в Нижнем Тагиле, созданию экологического менеджмента. Главная проблема, которую нацелились решить – это загрязнение воздуха и воды [7].

После 1998 г. «Чистый дом» и Институт устойчивых сообществ (США) реализовали ряд других проектов: разработку муниципальной программы «Совершенствование системы управления твёрдыми бытовыми отходами» (1999 г.), разработку проекта «Зелёное будущее Нижнего Тагила» (2000 г.) [9].

Инновационным стал проект Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала по созданию информационно-компьютерного экологического центра. Он был разработан в январе 1996 г. в сотрудничестве с организацией «Чистый дом». Необходимость создания экологического центра обуславливалась, прежде всего, привлечением молодёжи к экологическим проблемам города и воспитанием экологической культуры [8]. После завершения проекта 1996 г. «Чистый дом» реализовал ещё несколько проектов, а в 2002 г. прекратил своё существование.

Общественное объединение «Ассоциация зелёного движения» было создано в декабре 1996 г. Его Устав был утверждён 9 апреля 1997 г. Руководящий орган «Ассоциации зелёного движения» – общее ежегодное собрание, на котором избирается председатель общества сроком на пять лет. Общество финансируется самостоятельно. Его членами являются как граждане, так и организации [6]. Главной целью работы Ассоциации утверждается консолидация граждан и общественных организаций для решения экологических проблем г. Нижний Тагил. Кроме этого «Зелёное движение» добивалось признания Нижнего Тагила зоной с чрезвычайной экологической ситуацией [6]. «Ассоциация зелёного движения» осуществляет природоохранную деятельность и в настоящее время.

Таким образом, экологическое движение города Нижний Тагил имеет богатую историю. Возникновение первых экологических организаций объясняется, прежде всего, катастрофической экологической обстановкой в городе с 1970-х гг., а также низким уровнем экологической культуры горожан. Неоценим результат природоохранной деятельности первых организаций, которые, во-первых, приостановили процесс загрязнения воздуха и воды, способствовали восстановлению нормального уровня экологической обстановки в городе, а, во-вторых, положили начало экологическому движению, которое продолжается до сих пор.

Источники и литература

1. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 575. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–3.
2. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 25, Л. 1–5.
3. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–6.
4. НТГИА. Ф. 575. Оп. 1. Д. 119. Л. 6.
5. НТГИА. Ф. 599. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
6. НТГИА. Ф. 599. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
7. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–3.
8. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
9. НТГИА. Ф. 640. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–16.

© Жбанов А.А., Шабардина Т.А., 2017

УДК 94(47).084.8:355.018

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МУЖЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ВЕТЕРАНОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН

К. В. Игаева

Аспирант

Нижегородский государственный педагогический университета им. К. Минина

ул. Ульянова, 1, 603005, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

эл. почта: igaeva.ksenia@yandex.ru

В статье рассматриваются представления российских ветеранов локальных конфликтов о мужестве, долге и ответственности, выясняется их зависимость от видов военной службы. Во многом эти представления конструируются социально. Но не в меньшей степени они оказываются выражением глубоко личного экзистенциального опыта и памяти о совместном выживании на войне.

Ключевые слова: военная история, ветераны, локальные конфликты, мужество, военно-историческая антропология, локальные войны.

K. V. Igaeva

THE CONCEPT OF COURAGE IN RUSSIAN VETERAN'S MEMORY OF LOCAL WARS

Nizhny Novgorod State Pedagogical University,

Ulyanova str., 1, 603005, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

The article considers the views of Russian veterans of local conflicts on courage, duty and responsibility, and their dependence on types of military service. In many respects these representations are constructed socially. But at the same time they become an expression of deeply personal existential experience and the memory of surviving during the war.

Key words: war history, veterans, local conflicts, courage, military anthropology, local wars.

История локальных войн конца XX – начала XXI в. до сих пор не написана. В связи с этим представляется важным проанализировать мотивацию и представления о мужестве их ветеранов, свидетельства которых оказываются на стыке устной истории и военно-исторической антропологии. Известный представитель последней в России Е. С. Сеньявская, определяя представления ветеранов (комбатантов) о мужестве, опирается на философию экзистенциализма. Она использует хайдеггеровское понятие «пограничной ситуации», которая способствует выявлению экзистенции, или способности человека осознать себя как нечто

существующее. Такими пограничными ситуациями могут выступать смерть, страдание, борьба, вина. В подобных обстоятельствах «мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою» [4, с. 51].

Другой точки зрения придерживается Н. Ю. Данилова, которая рассматривает маскулинность через агрессивность, эмоциональную сдержанность и способность осуществлять насилие [1]. В своих исследованиях она выделяет несколько типов мужественности, которые по-разному реализуются в зависимости от вида воинской службы. Срочники – представители нормативной солдатской мужественности, которые хотя и различаются между собой, но в той или иной степени все ориентированы на выполнение правил. Пиджаки (окончившие ВУЗ и служащие офицерами двухгодичники) – представители маргинальной мужественности, проявляющейся в нежелании следовать традиционным практикам дисциплинирования. Профессионалы определяются традиционными ценностями военного профессионализма [1, с. 12–13]. При этом понятно, что в отличие от Е. С. Сенявской, мужество здесь выступает социальным конструктом, т.е. формируется в процессе социализации личности в обществе.

Похожей точки зрения придерживается Г. И. Зверева, которая пишет, что представления о войне и мужестве навязываются обществом. Мужество здесь выступает продуктом массовой культуры. Утверждаются новые, постимперские и «русско-национальные» идеологемы и мифы, побуждающие общество привыкнуть к присутствию войны в обыденной жизни каждого человека, и даже – полюбить войну [2].

В. В. Серебрянников не так однозначно определил свою позицию, которая оказывается на стыке социального конструктивизма и анализа экзистенциального опыта. В центре его внимания оказывается понятие воинственности (типологию которой он и предлагает). «Одни полагают, что она является развитием биологической, физиологической и психологической агрессивности, унаследованных человеком с ранних этапов эволюции. Другие исходят из признания воинственности как свойства, приобретенного исключительно в ходе социального развития, порожденного социальными отношениями как таковыми, независимо от их характера и типа» [5, с. 83]. Исследователь считает, что только 3–5% населения России можно назвать воинственными на основе их природных наклонностей и экзистенциального выбора, или воинами по призванию. Подавляющее большинство (соответственно 40–50% и 30–50%) исследователь относит к двум другим типам – воинам по обязанности и пацифистам. Он приходит к выводу, что воинственность относится к разряду тех человеческих качеств, которые приобретаются в ходе исторического процесса, под влиянием определенных социальных условий, которые могут возникать и исчезать вместе с изменениями в социальной сфере.

Таким образом, в историографии представлено несколько концепций мужества в представлениях ветеранов. В воспоминаниях комбатантов «концепт» мужества – это не окончательно сформированный перечень личных качеств или набор одобряемых поступков. Каждый комбатант вкладывает в это понятие разные характеристики, которые могут даже противоречить друг другу. Респонденты в своих интервью, как правило, не могут отделить понятие мужества от других таких понятийных конструкций, как героизм, подвиг, долг, ответственность и др. Поэтому многие опрошенные склоняются к тому, что мужество – это поступок, совершенный под воздействием некоего внутреннего порыва в нужный момент, что в целом соответствует концепции «пограничной ситуации» Е. С. Сенявской.

С другой стороны, Н. Ю. Данилова права в том, что представления о мужестве напрямую зависят от вида воинской службы. Срочник Леонид на вопрос о мужестве отвечает: «Мужество – была ситуация и пацан поступил правильно». Похожий ответ дает Александр: «Мужество – это когда друзей не предаешь в беде. <...> Совершать такие поступки не то что правильно, а нормально». Таким образом, немаловажным фактором для формирования и репрезентации мужества становится стимул выживания в новых для бойца условиях, что во многом зависит от тех отношений, которые выстраиваются с сослуживцами. При этом представления о долге и ответственности являются одними из самых важных принципов, обеспечивающих сохранение жизни.

Иначе считает ветеран второй чеченской кампании, военный психолог Игорь, служивший после окончания ВУЗа в 1998–2001 гг. лейтенантом-«двухгодичником» в мотострелковом полку (пиджак в классификации Даниловой). Примером личного мужества для меня является командир 2-го батальона подполковник Легенко, который нарушил приказ командира и, жертвуя своей карьерой, отказывался выполнять самоубийственный, по его мнению, приказ, чем спас своих бойцов. Мужество в понимании Игоря, в данной ситуации предполагает отказ от привычных практик дисциплинирования с целью защиты жизни своих солдат.

Алексей, сотрудник МВД, совершивший шесть командировок на Северный Кавказ, может быть отнесен к третьему типу: воинов-профессионалов. Он, как и большинство респондентов, пытается определить понятие мужества в сочетании с близкими понятийными категориями, в частности с героизмом. «Эти понятия у нас государство разделило: совершил не очень большой подвиг – получил медаль за мужество, если очень большой подвиг – звание героя». При этом для Алексея мужество скорее связано с понятием «профессионализма»: «Про таких говорят – и в огонь, и в воду». Профессионализм здесь формируется из двух аспектов: это военный опыт и рациональность мышления. Здесь сказывается влияние социального конструктивизма, – ведь именно государству отводится главная роль по формированию социально-значимых качеств.

Концепция Г. И. Зверевой работает применительно к представлениям о мужестве замполита Константина, который считает, что это понятие «является результатом воспитания и проявляется в мужественности принятия решений». Скорее всего, в понятие воспитание кроется весь процесс социализации индивида, на основе которого формируется перечень коллективно одобряемых поступков. Получается, что мужество, как определяет его Зверева, – это продукт массовой культуры, целью которого является формирование определенных качеств комбатанта, его боеспособности. Это подтверждается ответами других комбатантов (ветеран Афганистана Александр: «Как я приду домой, как братья посмотрят, как девушка посмотрит, как я в школу родную приду»).

Таким образом, мужество в представлениях ветеранов (как, впрочем, и их нарративы в целом [3]) выступает неким конгломератом составных элементов, состоящим из различных мотивов и сформированных как на основе неких врожденных качеств, так и на основе социально ожидаемых установок. При этом каждый ветеран ситуативно выстраивает эти мотивационные конструкции в индивидуальной для каждого иерархии, однако их набор оказывается достаточно фиксированным.

Источники и литература

1. Данилова Н. Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 5. № 2(31). С. 110–126.
2. Зверева Г. И. «Работа для мужчин»? Чеченская война в массовом кино России // Неприкосновенный запас. 2002. № 6.
3. Николай Ф. В. Память, нарратив и тактики самоидентификации ветеранов локальных конфликтов в России // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 238–251.
4. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОС-ПЭН, 1999. 348 с.
5. Серебрянников В. В. От воинственности к миролюбию // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 81–88.

© Игаева К.В., 2017

Секция «Проблемы всеобщей истории»

УДК:796.4|652|(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ПИТАНИЯ АНТИЧНЫХ АТЛЕТОВ

Ф. В. Рассохин

Аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: rassohin.fedor@ya.ru

В статье анализируются этапы эволюции питания античных атлетов. Автор приходит к выводу, что высококалорийное, богатое белком питание получило распространение в VI в. до н.э., однако говорить о существовании в то время диеты – специально разработанных принципов, правил питания не приходится. В IV в. до н.э. с появлением профессиональных тренеров, специализировавшихся именно на этом компоненте подготовки к состязаниям, питание спортсменов стало тщательно регулироваться, что значительно способствовало росту результатов, улучшению телосложения атлетов.

Ключевые слова: античная атлетика, диеты, тренеры, питание атлетов, история спорта.

F. V. Rassokhin

THE EVOLUTION OF ANCIENT ATHLETES' NUTRITION

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: rassohin.fedor@ya.ru

In the scientific paper the evolution of ancient athletes' feeding analyzed. Author states that high-calorie and protein-rich nutrition was introduced and became widely-spread in the sixth century BCE. However, it is impossible to assert that diet i.e. special principles, rules of feeding existed that time. In the fourth century BCE professional trainers, who specialized in that component of preparation for competitions, appeared. Feeding of athletes since that time began to be thoroughly regulated. It considerably assisted to improve the results and constitution of athletes.

Key words: ancient athletics, diets, trainers, athletes nutrition, sport history.

В историографии питанию атлетов уделялось чрезвычайно мало внимания, а изменения в диете, произошедшие за более чем тысячелетнюю историю античного спорта, по сей день остаются не изученными. Между тем, реконструкция эволюции данного компонента системы подготовки к состязаниям может в значительной степени способствовать более глубокому пониманию развития атлетики в древности.

Вплоть до VI в. до н.э. питание даже наиболее выдающихся атлетов, по всей видимости, незначительно отличалось от одного обычных людей. Спортсмены, в достаточно умеренных количествах принимали пищу один-два раза день [14. 10], основными источниками углеводов служили сушеный инжир, и пшеница, белков – мягкий сыр [7.8.12; 17.6.7.10]. Однако стоит отметить, что согласно Афиней, элеец Кореб, первый олимпиец, был поваром [3.382b]. Уже в середине VI в. до н.э. повсеместное распространение получило чрезвычайно калорийное и богатое белком питание. Его преимущества, кажется, впервые открыл для себя Милон Кротонский [3.412e; 4.1.76], одержавший с 540 по 516 гг. до н.э., по меньшей мере, шесть побед на Олимпийских играх в борьбе [6.12. 9. 5–6]. Есть основания полагать, что он был не единственным атлетом, практиковавшим подобное питание. Афиней сообщал о том, что значительное количество мяса потреблял также современник Милона – Титорм [3; 412f], который, согласно пассажу из «Пестрых рассказов» Элиана [5.12.22], физически был гораздо сильнее именитого борца. Также стоит упомянуть двукратного олимпийца, одержавшего победы в состязаниях по кулачному бою (480 г. до н.э.) и панкратиону (476 г. до н.э.), Феагена Фасосского, который, хоть и жил несколько позднее, однако, также, питался именно так [3.412e]. Довольно любопытным является и тот факт, что по одной из версий Пифагор, которого принято считать учителем упомянутого Милона,

«первый стал держать борцов на мясной пище», что в значительной степени способствовало их победам [7.8.12; 24.15]. Несмотря на то, что есть некоторые основания сомневаться в достоверности этой информации [13, p. 187–191], с уверенностью можно утверждать, что в VI в. до н.э. питание спортсменов, особенно состязавшихся в тяжелых видах (борьбе, панкратионе и кулачном бою), стало гораздо более калорийным, богатым белком, источниками углеводов служили хлеб и вино.

Стоит отметить, что нет никаких оснований говорить о существовании в то время особой диеты – специально разработанных принципов, правил питания, атлеты, просто старались употреблять сколь возможно большее количество еды, причем, за один-два приема пищи. Неизбежно возникающие при таком питании проблемы с пищеварением описывал Гиппократ [15.3]. О том, что система питания атлетов того времени была далека от совершенства подтверждается отчетливо видимым высоким процентом жира в организме атлетов [11, fig 76, p. 323, fig. 141, p. 416, fig. 142, p. 418; 12, fig. 7, p. 270, fig. 12, p. 275], а также тем, что Эврипид и Аристофан, жившие в V, начале IV вв. до н. э. высмеивали обжорство атлетов [3. 413a-f; 1. 33–47]. К середине четвертого столетия до нашей эры педотрибы, профессиональные тренеры, стали уделять питанию своих подопечных пристальное внимание [20.317e; 19. 134d-e], а к его концу, появилась особая группа специалистов, занимавшихся, в первую очередь проблемами диеты спортсменов [16, p. 191]. Аристотель сообщал, что эти тренеры должны были предписывать оптимальное питание согласно индивидуальным потребностям атлетов, соревнующихся в различных видах состязаний, разного уровня подготовки [2.1106b. 1–2]. Количество потребляемой пищи, ввиду огромных энергозатрат, оставалось весьма внушительным [22.3], ряд авторов указывали на то, что диета спортсмена не пригодна обычным людям, так как может привести к ожирению [10.6.487–488; 21.338 c]. Важно отметить, что пищу стали принимать в соответствии со строго регламентированным распорядком дня, причем, по всей видимости, часто и небольшими порциями [23.3; 8.29.2]. Мясо, преимущественно свинина и говядина, на протяжении многих веков оставалось главным источником белка, однако во II в. н.э. атлеты стали также потреблять рыбу [18.44], в это же время получил распространение особый отвар, приготовляемый из свинины и пшеничного хлеба. Стоит отметить, что атлетам воспрещались сладости, а также некоторые другие лакомства, также ограничивалось количество потребляемого вина [21.404c; 8.29.2].

Изменения в питании не могли не сказаться на внешнем виде атлетов: на изображениях, начиная с IV в. до н.э. спортсмены по-прежнему обладают внушительной мышечной массой, однако, процент жира в их организме, очевидно, достаточно низок [11, p. 396, fig. 127, p. 407, fig. 135, p. 408, fig. 409., p. 449, fig. 163]. Безусловно, многое зависело от профессионализма тренеров. По словам Галена, некоторые из них так «раскармливали своих подопечных, что те из стройных и пропорционально сложенных со временем превращались в толстых и безобразных» [9.11].

Источники и литература

1. Aristophanes. Peace // Aristophanes Comoediae. Vol. 1 / Aristophanes – Oxford: Clarendon Press, 1907.
2. Aristotle's Ethica Nicomachea / Aristotle – Oxford: Clarendon Press, 1894.
3. Athenaeus. Deipnosophistae / Atheneus – Lipsiae: Teubner, 1887.
4. C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Solinus – Berolini: In aedibus Friderici Nicolai, 1864.
5. Claudii Aeliani. Varia Historia // Claudii Aeliani. Varia historia, epistolae, fragmenta / Claudii Aeliani – Leipzig: Teubner, 1864.
6. Diodori bibliotheca historica / Diodorus Siculus – Stuttgart: Teubner, 1964.
7. Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers / Diogenes Laertius – Cambridge: Harvard University Press, 1972.
8. Epictetus. Enchiridion // Epicteti Dissertationes ab Arriano digestae. / Epictetus – Leipzig: Teubner, 1916.

9. Galenus. *Adhortatio ad artes addiscendas // Claudii Galeni opera omnia. Vol. 1 / Galenus* – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
  10. Galenus. *De alimentorum facultatibus // Corpus Medicorum Graecorum. Vol. 4.2 / Galenus* – Lipsae, Berolini: Teubner, 1923.
  11. Gardiner E. *Greek athletic sports and festivals / E. Gardiner* – London: Macmillan and co, 1910.
  12. Gardiner E. *Wrestling (continued) / E. Gardiner // Journal of Hellenic Studies. – 1905. – Vol. 25. – P. 263–293.*
  13. Guthrie W. *A History of Greek philosophy. Vol. I. The earlier presocratics and the pythagoreans / W. Guthrie* – Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
  14. Hippocratis. *De Prisca medicina // Corpus medicorum Graecorum. Band I. 1 / Hippocrates* – Lipsae, Berolini: Teubner, 1927.
  15. Hippocratis. *De salubri victus ratione liber // Bibliotheca iatrica usui medicorum omnis aevi dicata seu collectio operum a primatibus artis medicae. Vol. I. Hippocratis opera / Hippocrates* – Altenburgi: Sumtibus bibliopolii Literarische Comtoir dicti, 1806.
  16. Lehman. C. *Early Greek athletic trainers / E. Gardiner // Journal of sport history. 2009. № 2. P. 187–204.*
  17. Pausanias. *Graeciae Descriptio / Pausanias* – Leipzig: Teubner, 1989.
  18. Philostratus the Athenian. *De Gymnastica // Flavii Philostrati Opera. Vol 2 / Philostratus* – Lipsiae: Teubneri, 1871.
  19. Plato. *Lovers // Platonis Opera. Vol. 2 / Plato* – Oxford: Calderon Press, 1993.
  20. Plato. *Minos // Platonis Opera. Vol. 5 / Plato* – Oxford: Calderon Press, 1993.
  21. Plato. *Republic // Platonis Opera. Vol. 4 / Plato* – Oxford: Calderon Press, 1993.
  22. Plutarch. *Aratus // Plutarch's Lives. Vol. 11 / Plutarch* – Cambridge: Harvard University Press, 1926.
  23. Plutarch. *Philopomen // Plutarch. Plutarch's Lives. Vol. 10 / Plutarch* – Cambridge: Harvard University Press, 1921.
  24. Porphyre. *Vie de Pythagore. Lettre à Marcella / Porphyre* – Paris: Les Belles Lettres, 1982.
- © Рассохин Ф.В., 2017

УДК 94(38):303.446.4

КРИЗИС ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ш. К. Болтабаева

Студентка

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация
эл. почта: shahzoda_boltabaeva@mail.ru

В статье представлена проблема сложного и многозначного явления: кризис греческого полиса в IV в. до н.э. При исследовании были использованы оценки современных антиковедов. Для рассмотрения процесса формирования полиса применяется концепция М. Хансена.

Ключевые слова: полис, кризисы полиса, города-государство, античность, советская историография.

Sh. K. Boltabaeva

CRISIS OF THE GREEK POLICY IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: shahzoda_boltabaeva@mail.ru

The article presents the problem of an complex and multivalued phenomenon: the crisis of the Greek polis in the 4th century BC. In the study were used the assessments of contemporaries and the approaches of the anti-experts. The concept of M. Hansen is used to consider the process of forming a policy.

Key words: Policy, crises of the policy, city-states, antiquity, Soviet historiography.

Период IV в. до н.э. антиковеды обычно называют эпохой кризиса полисов. На сегодняшний день не все историки согласны с такой позицией, произошла переоценка в отношении развития полисов в тот период времени. Перед нами стоит сложная проблема, которая является многогранной и дискуссионной. Для того, чтобы разобраться имел ли место кризис полиса в истории или это плод фантазии историографии нового времени, рассмотрим разные оценки крупных антиковедов и историков, изучающих эту проблему.

В современной науке господствуют два основных значения полиса: как «города-государства» и как «гражданской общины». Швейцарский историк античности К. Раафлауб придерживается второго подхода. Он отмечает, что наличие города не может быть первостепенным признаком полиса, тогда как гражданская община лежит в основе каждого полиса [2, с. 6]. Согласно концепции датского специалиста М. Хансена, использовать понятие полиса, как города-государства нужно при современном анализе древнегреческого общества [8, р. 52]. Российский антиковед-эллинист Э. Фролов дает следующее определение полиса: «это коллектив граждан, представляющий это государство и совпадающий с ним» [3, с. 7].

Традиционные взгляды на кризис полиса заключаются в том, что его начало связывают с Пелопонесской войной, разрушившей сельское хозяйство в районах Греции, в результате чего сельские жители (опора демократического полиса) вынуждены были продавать свои владения более богатым землевладельцам. Происходит процесс обезземеливания, зарождается имущественная дифференциация, выливающаяся в конфликты среди классов [5, с. 35].

В современной науке происходит переоценка этого явления, взгляды историков античности разделились. Э. Фролов пишет о глубоком кризисе, который проникнул в экономические, социальные и политические отношения. Антиковед приводит следующие примеры для подтверждения: во-первых, в этот период развивалась имущественная дифференциация, углублявшая социальное неравенство; во-вторых, последствия Пелопонесской войны, которая создала финансовые проблемы; в-третьих, глубокий кризис политической системы, выраженный общим снижением политической активности народа, следствием чего становится упадок авторитета народного собрания, судов и других представительных органов гражданской общины. [4, с. 35, 53, 57] Французская исследовательница Клод Моссе проследила проявления кризиса в демократических институтах [9, р. 326–331]. Прежде всего, она обращала внимание на многоаспектность кризиса, утверждая, что сельское хозяйство, ремесло и торговля не оправались после Пелопонесской войны. Историк-социолог У. Рансимен признает наличие кризиса в Греции. Однако его позиция такова, что полис как структура не способен был к дальнейшему существованию. Британский социолог высказывает мысль о «тупиковой эволюции» полисной системы, потому что концентрация власти в условиях города-государства невозможна, поэтому полис был обречен на гибель, несмотря на вступление его в полосу кризиса [11, р. 347–367].

Существует точка зрения о зарождении кризиса в одной сфере, спровоцировавшей его углубление или же яркое проявление кризиса в отдельном полисе. Профессор Пенсильванского университета Д. Шпильфогель видел причину кризиса в разрушении экономики. Пелопонесская война требовала огромных финансовых затрат, которые привели к упадку все остальные сферы [12, р. 25]. Британский историк античности П. Картледж указывал на наиболее выраженные кризисные явления в спартанском полисе, пострадавшем в ходе спартанофиванской войны и утратившем Мессению, которая являлась источником дохода для Спарты [6, р. 68–72]. В работе Л. Маринович и Г. Кошеленко назвали социальной причиной упадка в спартанском полисе. Смена традиционных форм поведения и выдвижение новых политических лидеров приводят к падению строя Спарты [1, с. 5–7]. Немецкий историк В. Рисс писал о имущественной дифференциации общества, разделении на богатых и бедных, показывая прежде всего социальный аспект кризиса городов-государств [10].

Более поздние исследования отрицают наличие кризисных явлений в древней Греции. По мнению историка И. Сурикова, экономические проблемы не могут быть проявлением кризиса полиса, так как каждое государство справлялось с экономическими проблемами. Войны тоже не могут демонстрировать кризисного явления, потому что сражения между по-

лисами велись регулярно, это было обычным делом. И. Суриков соглашается с тем, что современники писали о трудных временах, об изменениях во всех сферах общественной жизни. Но он утверждает: «это был не столько кризис старения и упадка, сколько кризис роста» [3, с. 60], пишет, что полис изжил себя, и необходим переход к новому социально-политическому объединению людей. Полис как общественный феномен хотел вырваться за свои рамки, но такая возможность отсутствовала [3, с. 65–67]. Д. Энген отстаивает доказательства о сложности и динамичности экономики греков. Он придерживается позиции, согласно которой Греция IV в. до н.э. развивалась стабильно, пишет о многообразии услуг: «подарки импортных товаров, обеспечение поставки товаров, простой завоз товаров» и прочие формы услуг [7, р. 358].

В целом, кризис греческого полиса – вопрос дискуссионный. Сложилась следующие концепции: 1) кризиса полиса, как его упадка; 2) кризиса, охватившего все сферы жизни общества; 3) кризиса полиса, проявившегося в отдельных сферах жизни или отдельном полисе; 4) кризиса полиса, как «кризиса роста». В таком случае, кризис следует понимать не как упадок, а как совокупность изменений в социальной, политической и экономической сферах. Трансформация привела к перестройке полисной организации и адаптации к новым историческим условиям.

Источники и литература

1. Маринович П. П., Кошеленко Г. А. Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. № 13. С. 5–21.
2. Медовичев А. Е. Феномен полиса в современной зарубежной историографии. М.: ИНИОН, 2011. 112 с.
3. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междуусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
4. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество, личность, власть). СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2001. 602 с.
5. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. СПб: СПбГУ, 2004. 266 с.
6. Cartledge P. Sparta and Lakonia: A Regional History 1300–362 BC. L., 2002. 228 p.
7. Darel Tai Engen, Honor and Profit: Athenian Trade Policy and the Economy and Society of Greece, 415–307 B.C.E. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010. 400 p.
8. Hansen M. H. Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State. New York: Oxford University Press, 2006. 245 p.
9. Pierre Salmon. Claude Mosse, La fin de la démocratie athénienne. In: L'antiquité classique, Tome 32, fasc. 1, 1963.
10. Rieß Wener. Krise und Entstehung der Polis. Griechische Geschichte I: Die Archaische Zeit, 2017. URL: <https://emanualtegeschichte.blogspot.com>.
11. Runciman W.G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 347–367.
12. Spielvogel J. Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v. Chr. Frankfurt am Main, 2001.

© Болтабаева Ш.К., 2017

УДК 94(495).01

ГЕПИДЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ

А. Д. Назаров

Аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: andrey.nazarov451@gmail.com

Завоевательная политика Юстиниана I стала причиной кадрового кризиса в восточно-римских вооруженных силах, что вынуждало привлекать в византийскую армию воинов из соседних государств, в том числе, и королевства гепидов. Данная работа посвящена страте-

гии комплектования армейских контингентов империи варварами, а также карьере Мунда, военачальника в армии Юстиниана I. Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-31-00027.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, варвары, гепиды.

A. D. Nazarov

GEPIDS IN THE EARLY BYZANTINE ARMY

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

The aggressive foreign policy of Justinian I caused a personnel crisis in the East Roman military forces. It forced to attract warriors from neighboring states, including the Kingdom of Gepids, into the Byzantine army. This paper is devoted to the strategy of the military forces' recruitment by barbarians, as well as the career of Mundus, a commander in Justinian I's army.

Key words: Byzantium, Byzantine army, barbarians, Gepids.

Гепиды – германское племя, в III в. обитавшее в верховьях р. Тисы (Iord. Get. 33). В начале V в. они были подчинены гуннами, на стороне которых отряды гепидов под предводительством Ардариха участвовали в битве на Каталаунских полях в 451 г. (Iord. Get. 199). В 454 г. коалиция германских племен, в которую входили, в том числе, и гепиды, нанесла поражение сыну Аттилы Эллаку в сражении при Недао, притоке Савы (Iord. Get. 261–262). В 469 г. гепиды в союзе со свевами и ругами были разгромлены остготами в битве при р. Болии (Iord. Get. 277–279). Однако после миграции последних из Паннонии в 473 г. на территории между Тисой, Дунаем, Олтом и Карпатами образовалось королевство гепидов [1, с. 105]. Это политическое образование существовало до 567 г., когда оно было уничтожено лангобардами и аварами (Menand. fr. 24–25; Paul. Diac. Hist. Lang. I. 27).

На юге королевство гепидов граничило с Византией, что способствовало установлению контактов с империей. В первую очередь, следует упомянуть о привлечении гепидов на службу в армии Юстиниана I (527–565). Связано это было с тем, что мобилизационные ресурсы империи с трудом выдерживали бремя агрессивной внешней политики византийского государя. Из-за необходимости воевать сразу на нескольких направлениях ее вооруженные силы испытывали недостаток опытных бойцов. Так как использование необученных новобранцев было нежелательной мерой, Византия привлекала воинов из соседних государств. По мнению Ш. Диля, поддержанному Дж. Тиллом, завоевания Юстиниана I стали возможны не только благодаря привлечению наемников-варваров, но и назначению иноземцев на командные должности в императорской армии [2, с. 423; 5, р. 299].

Более того, в политике империи на Балканах в силу ее ограниченного военного присутствия в этом регионе огромная роль отводилась дипломатии. Как правило, чтобы избежать чрезмерного усиления того или иного государства, Византия поддерживала его соперников. Те группы варваров, которые, потерпев поражение, лишались возможности осуществлять самостоятельную внешнюю политику, получали территории на границе империи, обязываясь защищать их [6, р. 141]. К примеру, при императоре Анастасии I (491–518) федератный договор (*foedus*) был заключен с гепидами, разгромленными остготами [6, р. 143]. Такая стратегия создавала опасную зависимость от наемных контингентов на дунайской границе, с последствиями чего столкнулись преемники Юстиниана I, не сумевшие дать отпор аварам.

По словам Прокопия Кесарийского, при подготовке к завоеванию Италии Юстиниан I заручился поддержкой гепидов, которые претендовали на земли остготов в Паннонии. Однако альянс распался после захвата гепидами Сирмия в 536/537 г. и набегов германцев на придунайские провинции Византии (BG. III. 33. 7–9). Недостаток войск в Италии и на Балканах вынудил Юстиниана I отказаться от боевых действий в Паннонии. Империя попыталась сохранить баланс в этом регионе за счет заключения договора с лангобардами. Тем не менее, в 552 г. отряд из 400 гепидов вошел в состав экспедиционной армии Нарсеса, задачей которой был окончательный разгром остготского королевства в Италии (Proc. BG. IV. 26. 13). Участие ге-

пидов, равно как и лангобардов, в этой кампании свидетельствует, что Юстиниан I сумел временно примирить давних соперников, объединив их усилия в борьбе с остготами [4, p. 37].

Следует отметить, что «варварские *gentes* VI–VIII вв. психологически определяли себя во многом через свое отношение к наследнику императорского Рима — Константинополю. Одной из основ их самосознания было признание той иерархии государств и народов, на вершине которой стояла Византийская империя» [3, с. 70]. Более того, по мнению Дж. Тилла, гегемония Византии на Балканах позволяла ей стабильно вербовать наемников-варваров [5, p. 322]. Речь идет либо о воинах-союзниках (σὺμμαχοί), либо об отрядах под началом аристократов, потерпевших поражение во внутривременной политической борьбе. Зачастую эти силы состояли из представителей маргинальных слоев: разбойников, беглых рабов, перебежчиков из других племен и пр.

Одна из таких групп находилась под командованием гепида Мунда, сына покойного короля Гиесма. Сохранились сведения о том, что родословная Мунда восходила к самому Аттиле. Вероятно, эти утверждения основывались на предполагаемом родстве вождя гепидов Ардариха с предводителем гуннов. В юности Мунд был вынужден покинуть королевский двор и в изгнании, по словам Иордана, сформировал банду из «угонщиков скота, скамаров и разбойников», разоряя как владения гепидов, так и византийские территории (Get. 301). Позднее Мунд присоединился к королю остготов Теодориху Великому, оказывая ему поддержку в войнах со своими соплеменниками. Вскоре после смерти Теодориха гепид прекратил сотрудничество с остготами, а в 529 г. перешел на византийскую службу.

Юстиниан I назначил Мунда военным магистром Иллирика, поручив ему охрану дунайской границы от набегов гуннов, болгар и славян (Marc. Com. 530; Mal. XVIII. 46; Theoph. 6032). Помимо собственного войска под началом Мунда были переданы римские гарнизоны в Иллирике, а также отряды герулов-федератов [4, p. 24]. После поражения Велисария в битве при Калликнике в 531 г. он получил восточный магистерий (Mal. XVIII. 61), а уже в следующем году руководил подавлением восстания Ника в Константинополе (Proc. BP. I. 24. 40). В начале войны с остготами в 536 г. Мунд захватил Салону (Proc. BG. I. 5. 11), но через несколько месяцев погиб в бою. В том же столкновении пал и его сын Маврикий (Proc. BG. I. 7. 3–5). Известно, что внук Мунда Теодимунд также служил в византийской армии (Proc. BG. III. 1. 36), а внучка была выдана замуж за герула Аруфа, одного из военачальников Юстиниана I (Proc. BG. IV. 26. 13).

По мнению Дж. Мартиндэйла, следует отличать Мундона (*Mundo*), сторонника Теодориха Великого, от Мунда (Μούνδος), военного магистра Иллирика (PLRE. II. 767; III. 903–905). Это предположение спорно, так как игнорирует сведения Иоанна Малалы и Феофана Исповедника, сообщающих как о том, что Мунд служил королю остготов, так и о его последующем сотрудничестве с Юстинианом I. Самого Мунда следует охарактеризовать как типичного *warlord* позднеантичной эпохи: ему принадлежала вся полнота власти на подконтрольной территории, некогда входившей в состав Римской империи и фактически независимой от королевства гепидов. Данный феномен был характерен для V–VI вв.: времени гибели Западной Римской империи, а также возникновения неустойчивых политических образований, именуемых в историографии варварскими королевствами. В случае с Мундом такая ситуация стала возможна после отказа Византии от контроля над некоторыми балканскими владениями.

Привлечение империей варварских вождей, подобных Мунду, было ординарной практикой того времени. Византия активно склоняла на свою сторону племенную элиту и малые варварские группы, решая тем самым проблему безопасности границ империи и восполняя потребность в опытных воинах. Кроме того, и Теодорих Великий, и Юстиниан I, нанимая Мунда, гарантировали ему покровительство, признавали статус вождя, а также рассматривали его как потенциальный канал коммуникации с гепидской знатью.

Стратегия взаимодействия Византии с гепидами в период правления Юстиниана I предстает своего рода зеркальной проекцией взаимоотношений между Восточной Римской империей и *pax barbarica* на Дунае в VI в. Византия, постоянно нуждавшаяся в пополнении своих

воинских контингентов, активно привлекала на службу наемников, союзников и федератов, среди которых были и гепиды. Важным аспектом этой политики было стремление направить агрессию варварских групп в выгодном для империи направлении. Биография Мунда демонстрирует, какие возможности предоставляла служба в византийской армии для той части варварской аристократии, которая стремилась к интеграции в имперскую элиту.

Источники и литература

1. Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 336 с.
2. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке / пер. с фр. СПб.: тип. Альтшулера, 1908. 723 с.
3. Ронин В. К. Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1989. С. 60–76.
4. Sarantis A. War and Diplomacy in Pannonia and the Northwest Balkans during the Reign of Justinian: the Gepid Threat and Imperial Responses // *Dumbarton Oaks Papers*. 2009. Vol. 63. P. 15–40.
5. Teall J. L. The Barbarians in Justinian's Armies // *Speculum*. 1965. Vol. 40, No. 2. P. 294–322.
6. Wozniak F. E. Byzantine Diplomacy and the Lombard-Gepidic Wars // *Balkan Studies*. 1979. Vol. 20, No. 1. P. 139–158.

© Назаров А.Д., 2017

УДК 94 (460).013:332

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РИМСКИХ ГОРОДОВ НА ИБЕРИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В V В.

Е. А. Киселев

Студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: parad760@gmail.com

В статье рассматривается экономическое состояние римских городских центров в период вторжения варваров на Иберийский полуостров. Аспект делается на изучении возможности изменения торгово-экономического значения городов, степени их упадка при разрушении целостного аппарата управления из центра. В работе частично задействованы данные археологии по отдельным городским центрам, чтобы раскрыть изменения состояния городской цивилизации в данном регионе.

Ключевые слова: Великое переселение народов, экономическое развитие, римские города, торговля.

E. A. Kiselev

ECONOMIC CONDITIONS OF THE ROMAN CITIES ON IBERIAN PENINSULA IN V CENTURY

Ural Federal State University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: parad760@gmail.com

The author is analyzing the economic conditions of the Roman urban centers in the period of barbarian invasions on the Iberian Peninsula. The article is devoted to the possibility of changes in the trade and economic significance of cities, and degree of their decline in the situation of disintegration of the Roman central government structures. In addition, the author is using archeological evidences from an ancient city centers for analyzing the level of civilization in this region.

Key words: Migration Period, economic development, Roman cities, trade.

В III–IV вв. Испания была одной из немногих экономически процветающих провинций Римской империи. С появлением вестготов ситуация значительно ухудшилась. Однако предпосылки упадка римской классической городской цивилизации наметились в более раннее

время. Рассмотрим период политической нестабильности в испанских провинциях: от появления вестготов и других варварских племен на Пиренейском полуострове до формирования ими стабильных государственно-политических образований во второй половине V в.

По мнению Р. Бурлесона, «когда вестготы впервые познакомились с Римской империей, она была урбанизированной, иерархичной и христианской, в то время как вестготское общество было сельским, эгалитарным и языческим» [3, р. 15]. Ко времени их появления в Испании в середине V в., в целом, все оставалось по-прежнему. За исключением того, что большая часть вестготов исповедовала арианство. Потому важно понять, как чуждая племенному обществу структура – римская *civitas*, основообразующая ячейка городской цивилизации – выжила в условиях гибели центрального государственного аппарата империи в V в. Актуальным является также вопрос о том, каковы были последствия падения Западной Римской империи для провинциальных римских городских общин. Рассматривая проблему истории римских *civitas* на территории Испании, следует учитывать, что в период варварского владычества новые города на Пиренейском полуострове появлялись крайне редко. Ю. Б. Циркин констатировал: «Все остальные города Испании достались Вестготскому королевству от римских времен» [2, с. 330].

Отметим также, что в связи с упадком римской политической системы в сфере провинциального управления происходили необратимые процессы, которые некоторые исследователи обозначают термином «трансформация». Это связано, прежде всего, с тем, что деградация структур городского управления заняла длительное время. Она началась в период кризиса III в., а ее завершение в ряде регионов Испании и вовсе приходится на VII–VIII вв. Дольше всего классические муниципальные структуры сохранялись в городах Южной Испании (Бетики), что было обусловлено комплексом внешних и внутренних факторов [6, р. 56]. «Трансформация» римских *civitas* представляла собой сложный и многоплановый процесс. По сути, упадок классического римского города одновременно происходил в разных сферах: экономической, политической и религиозной; также он отразился на повседневной жизни всех слоев городского общества. Каждый из этих аспектов требует специального рассмотрения, но наиболее важным из них является экономический аспект.

По мнению А. Р. Корсунского, несмотря на военно-политические потрясения, экономическая роль городов оставалась важной. Значительная часть римских городов сохранила значение центров ремесла и торговли. Кроме того, продолжала существовать позднеимперская городская организация с куриями и муниципальным устройством [1, с. 299]. Упадок государственной власти усилил роль местных городских элит в сфере управления. Прежде всего, это касалось поддержания городской инфраструктуры. Именно богатые слои города фактически финансировали строительство и ремонт важнейших городских объектов (оборонительные и портовые сооружения, акведуки и пр.) [6, р. 46].

Судя по законодательству вестготских королей, старые римские правила экономической жизни городов подвергались минимальным изменениям. Например, вплоть до правления Лео-овигильда в законах ничего не говорится о нормах правового регулирования торговых сделок в городах. По мнению Ю. Б. Циркина, данные вопросы не нуждались в особом государственном контроле, оставаясь в ведении отдельных хозяйств. Одновременно с этим, источники позволяют проследить постепенный упадок, по сравнению с римским временем, городского ремесла. Кроме того, на протяжении V–VII вв. фиксируется изменение объемов импорта и экспорта различных товаров [2, с. 367]. Впрочем, как утверждает Д. К. Осланд, установить взаимосвязь между сокращением показателей торгового оборота и общим уровнем благосостояния граждан затруднительно из-за отсутствия надежных данных источников. Американский исследователь считает, что сокращение импорта следует рассматривать как признак упадка международной торговли, который, в свою очередь, привел к деградации региональной торговли [6, р. 57]. Хотя в отдельных случаях, как например с городом Августа Эмерита (*Augusta Emerita*, совр. Мерида), снижение импорта позволило развиваться местному производству [6, р. 62].

Во внешней торговле города Испании были связаны, в первую очередь, с Северной Африкой, чему способствовало как географическое положение, так и торговые отношения этих регионов, существовавшие с глубокой древности. Вестготским королям такое положение сулило значительную выгоду. Главными торговыми центрами являлись Тарракон, Малака, Картагена на средиземноморском побережье, а также Гиспалис, Кордуба, Эмерита, располагавшиеся на берегах крупных рек. Следует упомянуть и Нарбонн, важнейший экономический центр Септимании [2, с. 371].

Существенные изменения в городской экономике начинали происходить после того, как основные доходы горожан стали формироваться не за счет ремесла и торговли, а от доходов, получаемых от земельной собственности. С того момента, когда земледелие превратилось в основу благосостояния горожан, жизнь бывшей римской *civitas* во многом стала зависеть от его сельской округи. Со временем налоги, собираемые с горожан, стали исчисляться в натуральной форме, хотя состоятельные городские жители продолжали выплачивать их деньгами по курсу, определенному специальными соглашениями [2, с. 368–369].

В Римской империи экономическая жизнь городов была тесно связана с чеканкой монеты. Она имела место и в Испании, где имелись разработанные рудники, а также другие необходимые для этого условия. Известно, что вплоть до правления Леовигильда, монета в большинстве случаев являлась копией римской. Следовательно, чеканка собственной монеты долгое время не представляла интереса для вестготских правителей, не отождествлялась с мощью королевской власти и прочими ее потестарными символами [2, с. 368].

Об изменении в повседневной жизни горожан свидетельствуют, в первую очередь, результаты археологических исследований. В этой связи приведем мнение ведущего специалиста по истории раннесредневековой Испании М. Куликовски. Он писал о истории Барселоны (Барцино) в VI–VII вв.: «постройки шестого и седьмого столетия детально не сохранились, что указывает на декомпозицию классического городского пейзажа: старые инсулы были перестроены в новые, меньшие по размеру, ряды городских кварталов, улицы, как старые, так и новые, мостились неиспользуемой черепицей, территории же городских усадеб (домусов) IV в. были разбиты на площадки под маленькие домики» [5, р. 297]. На изменение планировки и размеров городов оказала влияние также небезопасная внешнеполитическая ситуация. Военная угроза вынудила более плотно сосредоточить городскую застройку, а также проводить постоянные работы по совершенствованию городских укреплений, приобретавших все большее практическое значение [4, с. 219, 221].

Подводя итоги, следует отметить, что экономическое значение городов Испании снижалось постепенно. Во всяком случае, для V в. говорить об упадке или, тем более, полном регрессе городской экономики преждевременно. Несмотря на военно-политические потрясения эпохи переселения народов, региональная торговая система продолжала существовать, а города оставались ее ключевыми элементами – основными пунктами торгового обмена и центрами сбыта сырьевой и ремесленной продукции. Таким образом, процесс трансформации общественно-политической жизни отразился на экономическом состоянии римских городских центров в меньшей степени, чем на других сферах жизни общества.

Источники и литература

1. Корсунский А. Р. Готская Испания. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 324 с.
2. Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 456 с.
3. Burleson R. C. The Visigoths in Roman Spain: harbingers of a dark age or perpetuators of the Roman world Ann Arbor: California State University, 2012. 29 p.
4. Collins R. Visigothic Spain, 409–711. Malden: Blackwell Publ, 2004. 264 p.
5. Kulikowski M. Late Roman Spain and its cities. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 489 p.
6. Osland D. K. Urban change in Late Antique Hispania: the case of Augusta Emerita. Cincinnati: University of Cincinnati Press, 2011. 456 p.

© Киселев Е.А., 2017

УДК 94(495.02).04(092)

**АНТИКИЗАЦИЯ В «ИСТОРИИ О МИХАИЛЕ И АНДРОНИКЕ ПАЛЕОЛОГАХ»
ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА**

А. А. Мартиросян

Аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Российская Федерация,

эл. почта: any_martirosyan@rambler.ru

В статье рассматривается проблема антикизации в работе византийского историка и философа Георгия Пахимера «История о Михаиле и Андронике Палеологах» периода поздней Византийской империи. Для этого используется историко-антропологический подход, позволяющий рассмотреть и изучить исторические реалии Византии XIII–XIV вв. через призму восприятия Пахимера. На основе проведенного исследования удалось выявить сущность и назначение античных заимствований византийским историком.

Ключевые слова: античность, Византийская империя, историко-антропологический подход, история Византии.

A. A. Martirosyan

**ARCHAIZATION IN «THE HISTORY OF MICHAEL
AND ANDRONICUS PALAEOLOGUS» BY GEORGE PACHIMER**

The Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: any_martirosyan@rambler.ru

The article deals with the problem of archaization in the work of the Byzantine historian and philosopher George Pachymeres «The History of Michael and Andronicus Palaeologus» of the late Byzantine Empire. For this, a historical-anthropological approach is used that allows one to consider and study the historical realities of Byzantium of the 13th-14th centuries through the prism of the perception of Pachymeres. On the basis of the conducted research it was possible to reveal the essence and purpose of ancient borrowings by the Byzantine historian.

Key words: antiquity, The Byzantine Empire, The historical-anthropological approach, the history of Byzantium.

Историко-антропологический подход сегодня является одним из наиболее актуальных в современной исторической среде. Изучение исторических событий через призму восприятия отдельно взятого человека, достоверность которых подтверждена другими историческими источниками, позволяет по-новому взглянуть на многие исторические проблемы. Интеллектуальная среда социума, отражающая в своих трудах основные политические, социально-экономические и культурные события, происходящие в обществе и государстве, всегда вызывает особый интерес гуманитарных наук. Подобный подход применим и к изучению поздней Византии, где системный кризис времен династии Палеологов совпал с расцветом науки и искусства, впоследствии получившим название «Палеологовское Возрождение» [15, с. 100–124]. Данное противоречие вызвало рефлексию политически мыслящей среды.

Среди наиболее выдающихся деятелей данного периода большой интерес вызывает творчество известного византийского историка Георгия Пахимера [14, с. 6–10]. Один из самых образованных людей своего времени [1, с. 286–287] родился в Никее в 1242 г. в семье беженцев из Константинополя, захваченного крестоносцами. После восстановления империи город был отвоеван и вновь превратился в столицу, тогда в Константинополь вернулся Пахимер. Со второй половины XIII в. начался успешный рост его карьеры в церковной сфере. Учителем Георгия был выдающийся византийский философ, историк и политический деятель Георгий Акрополит [2, с. 11–15], оказавший огромное влияние на своего ученика. В духовной сфере Пахимер занимал высокие церковные и светские должности, что доказывает его глубокое знание происходящих событий. Церковно-политическая деятельность Пахимера, его образованность и вовлеченность во властные структуры обусловили наш широкий

интерес к его трудам, позволяющим понять механизм влияния исторических событий на творчество и восприятие реальности историком.

Особого внимания требует исторический трактат Пахимера «История о Михаиле и Андронике Палеологах», в котором наиболее полно описаны события в Византийской империи 1260–1308 гг., которые автор лично наблюдал. Пахимер, продолжив работу своего учителя, обратился к описанию правления первых правителей династии Палеологов [8, с. 236]. В «Истории» Пахимера нашли отражение умозаключения и выводы автора, его личное восприятие истории наряду с объективным описанием событий [14, с. 15]. Труд Пахимера выделяется среди остальных произведений периода рядом особенностей: его историческое сочинение является крупнейшим образцом византийского литературного наследия поздней Византии, оно насчитывает 13 книг. Следует отметить уникальный стиль и лексику автора, язык, на котором написан труд, не имеет аналогов ни среди предшественников, ни среди современников, это странное сочетание древнегреческой традиции с современными Пахимеру варваризмами [1, с. 286–287]. Главной для нас особенностью является частое обращение к античной традиции, что проявилось фактически во всех аспектах литературного произведения: глубоким знанием древнегреческих классиков и античных традиций, композиционной структуре и языке, стиле и лексике написания, цитатах и ссылках на древнегреческих авторов.

Акцентируем внимание на склонности Пахимера к антикизации, под которой понимается один из принципов византийской литературной традиции, согласно которому автор использует для именования современных ему народов, стран и т.п. древние названия [10, с. 129–130]. Чаще всего автор обращается к Гомеру, используя целые цитаты из древнегреческих поэм или вписывая фразы и пословицы античности в сюжет своего труда. При описании крупного скандала, случившегося в когорте деспота Михаила, Пахимер проводит сравнение с эпизодом из «Илиады»: «в это время между ними произошло то же, что между тремя богинями, по случаю брошенного им Эрисою яблока для возбуждения спора о прекраснейшей: причина была та же» [14, с. 49]. При изложении политических событий истории Палеологов в случаях, когда необходима метафора, Пахимер сравнивает византийских деятелей с персоналиями античной истории, указывая на определенные качества характера: «Обвинять в наклонности к блудоянию скорее можно Пелея, чем Иоанна [14, с. 202]». Все это приводит нас к выводу о намеренной антикизации современных Пахимеру реалий, позволяющих обозначить необходимую ему преемственность между Древней Грецией и поздней Византией. Этой же задаче служат устаревшие греческие названия. Описывая географические названия и население Малой Азии, Пахимер называет турецкие племена персами, подменяя понятия [14, с. 55]. Он уходит в подражании античным образцам так далеко, что употребляет названия месяцев согласно аттическому календарю – «экатомвеон», «анфистирон», а не юлианскому, что затрудняет изучение описываемых событий и установление точной даты [14, с. 48, с. 76]. Данный факт подтверждается и эллинскими пословицами, которыми изобилует работа [14, с. 30, с. 155].

Обращение к античным традициям не было уникальным лишь для Пахимера явлением, однако именно в работах этого автора проявилось глубокое познание сущности античного исторического мышления, точное понимание терминов и понятий эллинского общества. Для Пахимера, как церковного деятеля, было типично восприятие мира через призму providentialного мышления. Как и древнегреческие историки, он видел исторический процесс как цикл сменяющих друг друга событий, о чем писал и античный историк Фукидид [7, с. 64].

Сильные антикизирующие тенденции в работе Пахимера вызывают ряд закономерных вопросов об их месте и роли в творчестве историка. Столь глубокая приверженность византийского автора античным традициям даже позволила некоторым авторам назвать Пахимера живым ревнителем идей эллинского патриотизма [8, с. 236]. Пахимер жил в период бедственного состояния государства, когда в социально-экономической среде и властных структурах наметился очередной кризис империи. Будучи духовным служителем, Пахимер интересовался вновь возродившимися религиозными спорами, требовавшими срочного разрешения. Он был живым свидетелем нависшей над Византией внешнеполитической угрозы слия-

ния с Западным католическим миром. Тяжелая ситуация в стране, опасность дестабилизации государственной системы и общая гнетущая социально-психологическая атмосфера подвигли Пахимера на поиск решения проблемы в прошлом. Кризис внешней политики обусловил необходимость обозначения особой роли Византии в историческом процессе, ее древних корней, лежавших в классической Греции. В XIII–XIV вв. в высшей степени проявилась необходимость обращения византийской интеллектуальной элиты к античному прошлому и его переосмыслению. Подобный механизм обращения к прошлому страны в период ее упадка характерен и для современного общества.

Источники и литература

1. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.
2. Акрополит Георгий. История / пер. П. И. Жаворонкова. СПб.: Алатайя, 2005. 415 с.
3. Алпатов М. А. Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х гг. по античной истории // Вестник древней истории. 1957. № 4. С. 127–142.
4. Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 182 с.
5. Аристотель. Афинская политика / пер. С. И. Радцига. М.: Мысль, 1997. 343 с.
6. Бандиленко М. М. Византийские интеллектуалы второй половины XIV – первой половины XV веков // Византийский временник. 1999. № 11–12. С. 134–140.
7. Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12.
8. Бибиков М. В. Историческая литература Византии. СПб.: Алатайя, 1998. 315 с.
9. Васильев А. А. История Византийской империи. / пер. А. Г. Грушевой. СПб.: Алатайя, 2000. Т. 1–2. 986 с.
10. Византийский словарь: в 2 т. Т. 1. СПб.: Амфора, 2011. 592 с.
11. Каджан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб.: Алатайя, 2006. 284 с.
12. Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2013. 454 с.
13. Острогорский Г. А. История Византийского государства / пер. М. В. Грацианского. М.: Сибирская Благовонница, 2011. 914 с.
14. Пахимер Г. История о Михаиле и Андронике Палеологах, тринадцать книг. Кн. I. Царствование Михаила Палеолога. СПб.: Ф. Г. Елеонский и К., 1862. 51 с.
15. Хартман Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // Византийский временник. 1959. Т. 15. С. 100–124.

© Мартиросян А.А., 2017

УДК 94(420):341.492

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА: ДВЕ СИСТЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

С. С. Лазарев

Бакалавр

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
ул. Октябрьской Революции, д. 3А, 450000, г. Уфа, Российская Федерация
эл. почта: lazarevsergey01@gmail.com

В статье исследуется вопрос о реакции английских поданных на изменения в судопроизводстве в XIV в., когда сложились две системы права: каноническое и светское (общее право). Результатом противостояния двух систем судопроизводства (непосредственно, между королем и папой) за распространение своей юрисдикции на всё королевство стало издание хартии Ричарда II в 1396 г., закрепившая в английском правовом поле традицию выбора мирским населением права судиться в церковном или светском суде.

Ключевые слова: каноническое право, общее право, судопроизводство, судебная система, средние века, история права.

S. S. Lazarev

PROBLEM OF CHOICE: TWO JUSTICE SYSTEMS IN MEDIEVAL ENGLAND

Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmullah,
Oktyabr'skoy Revolyutsii str., 3A, 450000, Ufa, Russian Federation,
e-mail: lazarevsergey01@gmail.com

This article research the issues of shipping in the 14th, when there were two systems of law: canon law and common law. The result of the confrontation between the two systems of justice (directly, between the king and the pope) for the extension of his jurisdiction to the whole kingdom was the publication of the charter of Richard II in 1396. This charter fixed in the English legal field the tradition of choosing by the world's population the right to sue in a church or secular court.

Key words: canon law, common law, judicial system, judicial system, the Middle Ages, the history of law.

В XIV в. английская корона начала наступать на права церкви. Первым шагом по усилению королевской власти стало издание Эдуардом III в 1353 г. закона, согласно которому за-прещалось переносить разбирательства в папскую курию, разбиравшиеся в церковном суде. Это означало, что римская курия переставала быть высшей апелляционной инстанцией и закрепляло английское духовенство к системе Общего права.

В 1366 г. король отказался и выплачивать дань папе в размере 1000 марок серебром. В качестве обоснования был издан статут об отмене «подати», согласно которому король Иоанн нарушил коронационную клятву, без согласия поданных, следствием чего стало зависимость английской короны от папства. В этом же году Эдуард III объявил Англию суверенным государством [9, p. 73].

Рост антипапских настроений по вопросу о бенефициальной политики папства, привело к изданию первого статута «Provisors» 1351 г. [3, p. 317]. Он объявлял недействительными все папские притязания, нарушающие сложившуюся систему патроната в Англии [8, p. 90]. В 1353 г. был издан статут «Praemunire» [3, p. 329], согласно которому королю предоставлялось право на преследование лиц, обращавшиеся к иноземным судам, игнорируя постановления королевского суда Англии [6, p. 85]. Эти статуты представляют собой важный шаг в длинной войне между светским и церковным судопроизводством, продолжавшаяся с момента разделения их сфер юрисдикции при Вильгельме Завоевателе [6, p. 86]. Издание в дальнейшем очередных статутов «Provisores» и «Praemunire» также касались вопросов назначений на церковные бенефиции. Законодательство этих статутов фактически было направлено на защиту прав короны и мирян [6, p. 96].

Если во всех странах континентальной Западной Европы установилось деление церковного и светского судов, то для Англии этот вопрос оставался открытым. В компетенцию церковных судов входили не только ведения суда над духовными лицами, но и также мирские дела, связанные с клятвами, обещаниями и все случаи, в которых было дано слово.

Мы можем наблюдать, что в XIV в. сложились две системы судопроизводства, борющиеся между собой. А возможность выбора между королевским и церковным судом постоянно приводила к казусам, проволочкам и даже прекращению дел, которые параллельно вели по двум разным проблемам, два разных суда, но по одному инциденту. Широко известен случай, который произошел в начале 1380 г. в церкви Нептон в Варвикшире. Некто Уильям Саутхем напал на ректора этой церкви Ричарда Тилча, чтобы извлечь тело Джоаны Рейдел, которая была похоронена внутри церкви всего лишь за 12 дней до того, как Уильям эксгумировал ее тело, вытащил его из церкви, ограбил и за тем украл его. Это была необъяснимая никакими соображениями нелицеприятная история, записанная в поступлениях исков суда «королевской скамьи». Самое интересное в этом событии было то, что дело завели в разделе преследования лиц по королевскому статуту «Praemunire» [4, p. 109].

Р. Тилч, пострадавший ректор, выдвинул обвинение о святотатстве против У. Саутхема в суде римского папы. Суд наказал этот поступок отлучением Уильяма от церкви, потому что его преступление сочли «демонстрацией неуважения и святотатства над Святой Матерью

Церковью». Его отлучение должно было длиться до тех пор, пока он не вернет тело Джоан и не уплатит штраф. Уильям, злой, что его вынуждают предстать перед церковным судом за пределами Англии, возбудил дело против Р. Тилча и потребовал возмещения убытка в размере одной тыс. фунтов. Статут «Премунире» запрещал любому англичанину переносить судебные дела и их дознание в церковный суд по юрисдикции, принадлежащей королевскому суду. Саутхем заявил, что дело, которое завершилось его отлучением от церкви, принадлежит королевскому суду и не относится к святотатству, но к вторжению с «силой и оружием». В результате спор зашел в тупик выяснения преимущественных прав двух юрисдикций в рассмотрении этого преступления: будет ли Уильям судиться в церковном суде по делу о святотатстве, или в королевском суде по статье о нападении с оружием [1, с. 130].

М. Дайан, исследовавший этот инцидент, заключил, что политика короны против судебных исков в папскую курию, не уменьшила пыл англичан в поисках судебных решений из Рима [4, р. 109]. Здесь заметно, что английские поданные активно использовали юридические коллизии, которые способствовали их собственной выгоде. Но каждая система судопроизводства имела отрицательные стороны. Обычной проблемой средневековых судов были поиски виновных. К примеру, вызванный в суд королевской скамьи некто Джон Иксворт появился в нем только через два года, после того как он получил королевское помилование, которое и предъявил суду в 1388 г. [4, р. 120].

Светский суд в Англии отличала медлительность в производстве, когда рассмотрение дел затягивалось на долгое время по многим важным и даже просто формальным обстоятельствам с формулировкой, что судьи «не пришли к согласию». В некоторых случаях достаточно было технической ошибки в написании слова. Шериф мог опустить в своем отчете упоминание, что он предупредил ответчика. В этом случае документы аннулировались, и суд накладывал штраф на шерифа за допущенную ошибку. Так, шериф Нортгемптоншира упустил запись в своем предупреждении, в каком месте он известил ответчика священника Джона Стонтонна. Поэтому суд королевской скамьи постановил, что это был неудовлетворительный документ [4, р. 121]. Поэтому многие дела не завершались судебным решением.

Недостатком церковной судебной системы были большие расходы на ведение документации и всего процесса за счет средств обвинителя. Это было расходное и рискованное занятие. Счета по стоимости услуг включали плату за каждый составленный документ, за дополнительные копии, за подписи и доставку документов, за проезд и содержание каждого призванного свидетеля, даже за вино для судьи. Теоретически, по каноническому праву, ни один человек не обязан был выпрашивать справедливости, но в суде бедные могли просить рассмотреть их дело «по бедности», что давало им пособие для ведения дела от 2 до 5 фунтов, но об этом, видимо, мало кто знал, поэтому обращения за таким пособием были редким случаем [7, р. 163].

Любой клирик имело право, как «неподсудность духовенства» (*Benefit of the Clergy*), закрепленное актом 1315 г., по которому, обвинив священника в тяжком преступлении, его всё равно не казнят и передадут дело в конвокации. Доказать, что человек является священнослужителем было просто: достаточно всего лишь прочитать фразу из Библии [2, с. 278].

Кульминацией вечных споров о компетенции судов стало издание хартии Ричарда II 1396 г., закрепившая в английской правовой традиции выбор для мирян судиться в случае уголовного преступления в церковном суде, подобно клирикам [5, р. 110].

Реакция английских подданных на изменения была разной. Очевидно одно, что миряне использовали любые средства для удовлетворения своей выгоды, которые давала светская власть в виде статутов «Provisors» и «Praemunire». Но следует отметить, что система церковных судов будет действовать еще долго, это было обусловлено незавершенностью процесса отстаивания английской короной внешнего суверенитета власти.

Источники и литература

1. Леонова Т. А. «Если Папа – француз, то англичанин – Христос»: английский контекст борьбы за суверенитет с авиньонским папством // Религия. Церковь. Общество. 2016. № 5. С. 116–135.

2. Мортимер Я. Средневековая Англия: путеводитель путешественника во времени. М.: Эксмо, 2015. 336 с.
3. Luders A., Tomlins T. Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 1. L.: Dawsons of Pall Mall, 1810. 435 p.
4. Martin D. Prosecution of the Statute of Provisores and Praemunire in the king's bench, 1377–1394. Rochester: Boydell Press, 2006. 204 p.
5. McHardy A. K. Clerical criminals in the fifteenth century: Two cases from the city of York // The Church in medieval York. 1999. P. 105–113.
6. Pantin W. A. The English Church in the Fourteenth Century. Toronto: University of Toronto Press, 1985. 293 p.
7. Swanson R. N. Religion and devotion in Europe, 1215–1515. New York: Cambridge University Press, 2004. 378 p.
8. Weale C. A. Patronage priest and parish in the archdeaconry of Huntingdon 1109–1547. L.: Oak Hill College, 1996. 367 p.
9. Widman A. J. Ahead of Their Times. Salzburg: BoD, 1999. 164 p.

© Лазарев С.С., 2017

УДК 94(44).029

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В. В. Ковин

Студент Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: vladis.kovin2015@yandex.ru

В статье анализируются различные варианты осмысления Варфоломеевской ночи известными французскими интеллектуалами первой половины XIX в. сквозь призму интеллектуальной истории. Такой подход позволил сделать вывод о том, что восприятие и оценки Варфоломеевской ночи французскими интеллектуалами во многом зависели от их политико-идеологической ориентации.

Ключевые слова: Варфоломеевская ночь, интеллектуалы, интеллектуальная история, историческая память.

V. V. Kovin

THE ST. BARTHOLOMEW'S DAY MASSACRE WITH EYES OF FRENCH INTELLIGENTUALS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: vladis.kovin2015@yandex.ru

The article analyzes various variants of the interpretation of the St. Bartholomew's massacre by famous French intellectuals of the first half of the 19th century. Through the prism of intellectual history. This approach led to the conclusion that the perception and evaluation of the St. Bartholomew's massacre by French intellectuals depended largely on their political and ideological orientation.

Key words: the St. Bartholomew's massacre, intellectuals, intellectual history, historical memory.

Отголоски Французской революции продолжают ощущаться во Франции на протяжении всего XIX в., особенно первой половине. Послереволюционное общество строится на новых религиозных принципах, что приводит к глубоким изменениям в религиозной жизни французов, в их отношении к институту церкви. Общество переживает беспрецедентную десакрализацию сознания. Столкнувшись с проблемой такого масштаба, две антагонистические силы вступили в противостояние. С одной стороны – католическая церковь и монархисты, желающая заполучить власть в свои руки и восстановить былое влияние и могущество. С другой – республиканцы, которые пытаются бороться против клерикализации, выступая за сво-

боду слова, совести и вероисповедания. Тема религии оказалась крайне обострена и политизирована, вышла далеко за рамки богословских споров, заняв одно из центральных мест в области общественно-политических дискуссий XIX в.

В попытке найти ответы на острые вопросы современности, интеллектуальные круги Франции обращаются к прошлому – к наследию Реформации и религиозных войн. Переосмысление истории разделило интеллектуалов на два лагеря, по мнению французского историка литературы П. Глода, первые считали, что Реформация не сумела создать настоящую религию: она стала явлением отрицательным, которое лишило Запад духовного единства, утопила его в крови гражданских войн [6; р. 81]. Распространяя рационалистический субъективизм, Реформация в конечном итоге привела цивилизацию к современному хаосу Апокалипсиса. Другие же, напротив, считали, что Реформация – это свершившаяся религиозная революция, ставшая причиной уничтожения коррумпированных институтов и создания новых, внутри которых крепло духовное единство. В этой связи взгляд на Варфоломеевскую ночь, которая была следствием Реформации, стал зависеть от политических взглядов и идеологических установок.

Ярким выразителем мнения консерваторов в этом вопросе был один из его влиятельнейших идеологов Жозеф де Местр, который считал, что протестантизм – это есть «воплощение зла». Он писал: «Протестантизм – анти-суверенный по своей природе. Он мятежен по существу, он – смертный враг любой нации; он – разрушитель всего сущего» [8; р. 64]. Во многом, нападки Местра на протестантизм были основаны на том, что, по его мнению, он явился причиной, породивший массу злодеяний, а самое главное ненавистный республиканский режим. «Реформация и Революция – два момента единой революции, одновременно политической и религиозной. Тридцатилетняя война; Религиозные войны во Франции; Варфоломеевская ночь; убийство Генриха III, Генри IV, Марии Стюарт, Карла I; и в наши дни наконец Французская революция, которая исходит из того же источника [протестантизма]», – резюмирует Ж. де Местр [8; р. 66]. Подробно анализируя события Варфоломеевской ночи, он приходит к мнению о том, что «именно протестанты настоящие виновники Варфоломеевской ночи», а сама по себе резня была «необходимым злом», совершенное «загнанной в угол королевской властью» [8; р. 85].

Однако в среде консерваторов были и иные оценки Варфоломеевской ночи. Известный писатель, ультрароялист и пылкий католик Р. Шатобриан негативно относился к роли протестантизма, считая его корнем всех зол во французской истории: «протестантизм в религии – это нелогичная ересь; в политике – неудачная революция» [2; р. 105]. Тем не менее, он не возлагал вину за это «гнусное массовое убийство» [3; р. 581] на Реформацию. Шатобриан винит только ненавистных ему Валуа: «Господство Валуа, от Франциска I до Генриха III, Варфоломеевская ночь, Лига, гражданские войны – это время аристократического и религиозного ужаса, в котором родилась абсолютная монархия Бурбонов, точно также как и военный деспотизм Бонапарта вышел из глубин политического ужаса» [2; р. 119]. По его мнению, Валуа предали католические идеалы свободы и не были в силах поддерживать религиозное единство, что и привело Французское королевство к кровавому расколу.

Представители второго направления, которое преимущественно состояло из сторонников идеалов Французской революции, считали, что протестантизм играл важную роль в рождении современного мира, освободив мысли от архаичных церковных догматов. Грехи прошлого становились хорошим аргументом в политических дискуссиях, отстаивая легитимность завоеваний революции, республиканцы часто апеллировали к истории, находя в ней примеры преступлений Старого режима, среди которых была и Варфоломеевская ночь.

С приходом к власти Наполеона, политический ландшафт Франции кардинально меняется. По мнению критика Филиппа Ранье, власти начинают опасаться и следить за этими проявлениями гражданской активности [4; р. 14]. Несмотря на это роль интеллектуала во французской общественно-политической жизни заметно возрастает.

Ревнители республики в лице Ж. де Сталь подвергают жесткой критике политику Бонапарта. «Мадам де Сталь обвиняет его в излишней амбициозности и жадности. Она воспри-

нимает его как врага интеллектуальной элиты Франции, не может терпеть его цинизм и эгоизм, презрение к людям, его безразличие к судьбе народа. Она считает его врагом революции» [1; p. 50], – пишет профессор французской литературы Мишель Делон. Мадам де Сталь осуждает царящий деспотизм Наполеона, который выражается в подавлении оппозиции и в ужесточении цензуры прессы. Рассуждая о главных событиях своего времени, мадам де Сталь проводит аналогию между событиями XVI и XIX вв. По словам М. Делона, она ссылается на Варфоломеевскую ночь для того, чтобы разоблачить, злоупотребления и преступления Старого режима и Наполеона, потому что де Сталь считает, что ни народ, а короли ответственны за насилие, царившее на протяжении трех столетий. Они сыграли центральную роль в конфликте католиков и протестантов [1; p. 53]. «Французы мало расположены к гражданской войне и не имеют талантов по части заговоров. В гражданские войны их всегда привлекает аристократическое меньшинство. Хитрая итальянская королева Екатерина Медичи вложила в руки Карла IX инструменты для осуществления Варфоломеевской ночи» [7; p. 250]. Священнослужители, стремясь сохранить свои привилегии, еще больше разжигали конфликт и тем самым поддерживали деспотизм королевской власти. По аналогии с событиями XVI в. де Сталь анализирует и революционные события. Несмотря на приверженность к республиканским идеалам, она критикует бесчинства и массовые убийства, совершенные от имени Революции. Она осуждает ужас революционного террора и считает Робеспьера преступником, который переступил все духовные принципы. «Робеспьер был болен чем-то вроде лихорадки, которая его безостановочно толкала к новым преступлениям» [7; p. 67].

Мадам де Сталь осуждает фанатизм якобинцев: «использование террора для достижения своих политических целей, не менее страшно, чем террора во имя религии» [7; с. 68]. Она атакует лидеров партии за массовые убийства и казни, она пытается объяснить, почему люди проявили неслыханную жестокость в 1793 г. И ее причины, кроются в недостатках старого режима, который привил людям рабскую психологию и развратил общественную мораль. Подводя итог своим рассуждениям, Ж. де Сталь считает, что историческая преемственность необходима, чтобы противостоять религиозным войнам, Варфоломеевской ночи, кровавым революциям и тирании.

Философ, апологет протестантизма Шарль де Вийе считал, что проблема Варфоломеевской ночи в XIX в. вышла за рамки теологических споров протестантов и католиков. «Варфоломеевская ночь – это одновременно религиозная борьба и политическое событие». Это событие, которое случилось в результате «политических страстей, вызванных религиозными конфликтами» [5; p. 23], поэтому в XIX в., она является «частью идеологического арсенала либералов и протестантских кругов» [5; p. 22]. Отсюда и такая мода на Варфоломеевскую ночь среди представителей искусства, философии и литературы.

Непосредственно в протестантской среде все большее распространение получила версия о том, что Варфоломеевская ночь – это религиозное преступление, которое было инициировано фанатиками католической церкви. Известный протестантский богослов и ярый критик католицизма Ф. Пюо в отношении Варфоломеевской ночи выдвинул версию о том, что виновных в резне нужно искать в рядах католического духовенства и, несмотря на свое чувство ненависти и отвращения к Екатерине Медичи, Пюо считает ее роль в массовых избиениях минимальной, а версию о сговоре в Байонне – недостоверной. По его мнению, Варфоломеевская ночь – это, прежде всего, религиозное преступление. Стремясь сосредоточить всю вину на католиках, Пюо говорил: «Ночь святого Варфоломея не произошла бы, если духовенство и его лидеры имели бы хоть каплю божьего милосердия» [9; p. 351]. В своей безжалостной обвинительной речи Ф. Пюо недвусмысленно намекает на причастность папы римского Григория XIII: «Именно он подготовил; именно он был рад; это тот, кто хвалил за победу Карла IX и кардинала Лотарингии; это тот, кто устраивал праздничные процессии в честь счастливого исхода великого дня» [9; p. 359].

В целом, из-за политической нестабильности и раскола общества в идейно-политическом отношении во Франции первой четверти XIX в. все большую популярность в полемике интеллектуалов приобретают сюжеты, связанные с Варфоломеевской ночью. Для сторонников

республики Варфоломеевская ночь – это средство упрека, а для консерваторов, монархистов и католиков – целесообразная политическая мера. Историческое событие стало использоваться конфликтующими сторонами как средство легитимации своего мнения.

Источники и литература

1. Delon M. La Saint-Barthélemy et la Terreur chez Mme de Staël et les historiens de la Révolution au XIXe siècle // *Romantisme*, 1981, № 31.
2. Chateaubriand F.-R. *Études Historiques // Oeuvres complètes*, Imprimerie et Fonderie de Rignaux, 1836. vol. IV.
3. Chateaubriand F.-R. *Mémoires d'outre-tombe*, 1849.
4. Vaillant A., Bertrand J.-P. Régnier P. *Histoire de la littérature française du XIXe siècle*. – Paris, Nathan, 1998.
5. Villers C. *Essai sur l'esprit et l'influence de la réformation de Luther*. –Paris, 1820.
6. Glaudes P. *Chateaubriand et le Protestantisme» // Bulletin - Société Chateaubriand*, année 2008, № 51. 2009.
7. Madame de Staël. *Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*. Paris, 1988.
8. Maistre J. *Réflexion Sur Le Protestantisme // Oeuvres Complètes*. Genève, 1979.
9. Puaux F. *Histoire de la Réformation française*. Paris, 1860. vol. II.

© Ковин В.В., 2017

УДК 303.446.4(430)

ТЕОДОР КЁРНЕР: «ГЕРОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. И. Голотина

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: alena.golotina@mail.ru

На примере образа немецкого поэта-патриота Теодора Кёрнера в статье анализируется актуальное направление современных немецких исследований: изучение модели «героического» поведения, явления героизма и героизации эпохи наполеоновских войн. Выделяется господствующая в современной немецкой историографии точка зрения о функциях, роли и характерных чертах «героической» модели поведения начала XIX в.

Ключевые слова: герои войны, Наполеоновские войны, немецкая историография.

A. I. Golotina

THEODOR KÖRNER: "THE WAR HERO" IN MODERN GERMAN HISTORIOGRAPHY

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: alena.golotina@mail.ru

The article analyzes the topical direction of the modern German researches using an image of German poet-patriotic Theodor Kerner as an example. There are studying the model of «heroic» behavior, the phenomenon of heroism and the Napoleonic Wars heroization. The attention is paid for the prevailing point of the modern German historiography, which is about the functions, roles and characteristics of the "heroic" behavior at the beginning of the XIXth century.

Key words: the war heroes, the Napoleonic Wars, German historiography.

Теодор Кёрнер – поэт, личность которого известна не каждому россиянину. Все, что написано о нем сегодня на русском языке, можно уместить в пару заметок на различных сайтах и несколько статей в литературных энциклопедиях. В интернете можно найти разрозненные части того литературного наследия, которое оставил этот немецкий поэт начала XIX в. Однако в немецкоязычном пространстве он куда более известен. Почему немецкие

историки, занимающиеся проблемами немецкой истории начала XIX в., столь охотно обращаются к Кёрнеру, к его творчеству, тому следу, который он оставил в немецкой истории? На основании исследований о Кёрнере, мы пытаемся проанализировать одно из актуальных направлений в современной немецкой исторической науке.

Теодор Кёрнер родился в 1791 г.; был поэтом, драматургом, захваченный чувством патриотизма ушел на войну в 1813 г. и, сражаясь в рядах фрайкора Лютцова, убит 26 августа 1813 г. в битве при Гадебуше. Имя Т. Кёрнера прочно закрепилось в перечне героев Освободительной войны 1813–1815 гг., а его поэтическое наследие надолго пережило своего создателя. Он стал героем войны, и в этой роли он и изучается сегодня.

Прежде всего, следует понять, какими смыслами наполняют понятие «герой», «герой войны», «героизм» современные немецкие историки, каковы признаки такого героя, когда и как он появился. Применительно к XVIII в. исследователи говорят о непопулярности у среднего класса войны, а, вместе с тем, и героев, которые она порождает [8, с. 44]. Сам термин «герой» использовался в большей степени дворянством и военной верхушкой, а если о «героях» задумывались представители интеллектуальных кругов, то для них он должен был быть образованным патриотом, принадлежавшим к среднему классу. В идеале отечеством такого патриота являлась Республика, а сам герой был солдатом, защищавшим свою страну и гражданские права против внешнего врага. Позднее вопрос перейдет в спор между буржуазией и прусской короной о том, за что должен умирать герой: за существующую монархию или за конституционное государство [8, р. 21].

После разгрома прусских войск в 1807–1808 гг. и реформ, проведенных в прусской армии, восприятие образа героя изменилось. По мнению немецкого историка Р. Шиллинга, ключевым моментом для такого рода изменений стала реорганизация армии в ходе реформ Штейна-Гарденберга. Военная реформа помогла создать в Пруссии боеспособную национальную армию [8, с. 53–55]. Именно к этому периоду немецкой истории автор и приурочил изменения, произошедшие в трансформации наполнения понятия «герой». Герой приравнивался к простому гражданину, в то время как простой гражданин мог стать героем. Схожий по смыслу тезис можно увидеть в материалах научно-исследовательского центра «Герои – героизации – героизмы» при Фрайбургском университете. В частности, в работе «Героическое в современных культурно-исторических исследованиях: критический доклад» имеется тезис о том, что в XIX и XX вв. преобладали военные герои, но монархический и аристократический «герой» был заменен «рядовым солдатом» и «неизвестным солдатом» [4, р. 49].

Военный герой должен приносить жертву, между ним и смертью существует тесная связь, что отмечает и Шиллинг, и исследователи из Фрайбургского университета. Такая тесная связь имеется и между понятиями «жертва», «герой» и «мученик» [4, р. 73]. Главная функция такого героя: умереть, чтобы поддержать волю как солдат, так и гражданского населения и укрепить коллективную идентичность воюющей стороны, а также закрепить основополагающие ценности [4, р. 60]. То есть герой войны должен мобилизовать людей, что потом на практике выражается в памятных и юбилейных торжествах или в популярности соответствующих биографий.

В том же году, что и работа Шиллинга (2002) вышла монография Карен Хагеманн «„Миф мужества и немецкая честь“: нация, военные и гендер во время антинаполеоновских войн в Пруссии» [6], в которой автор, помимо военной и национальной истории Пруссии, пропаганды, коллективных практик в обозначенный период рассматривает и аспекты героизации. Хагеманн отмечает, что старая немецкая историография превращала «героев Освободительной войны» в образцы для всех последующих поколений, а также «всякий раз, когда готовность к обороне и самоотверженность населения должна была быть усилена, воспоминания держались на „немецком героическом времени Освободительной войны“» [6, р. 48]. Обращается Хагеманн и к распространенному в тот период образу молодого героя, который добровольцем ушел на освободительную войну и умер за Отечество. Идеальным примером такого героя, конечно же, становится Т. Кёрнер [6, р. 331].

На этих примерах мы можем увидеть, что Т. Кёрнер прекрасно вписывается в тот образ

героя, который был востребован в начале XIX в. и оказался в центре при формировании в последующем культе почитания подобного героя: молодой талантливый патриот, отдавший жизнь за Отечество в бою. Он одновременно и жертва, и мученик, и герой. Эта модель поведения подается в некоем романтическом ключе, причем она воспевалась и самим Кёрнером. Стоит взглянуть на стихи поэта, и мы увидим там тесно связанную друг с другом пару «свобода и/или смерть». Даже его гибель – «последнее мгновение воинствующего поэта» [3, р. 81], стала служить источником героического мифа. Шиллинг приводит тому яркий пример: в журнале посетителей на могиле Теодора Кёрнера в мекленбургском Вёббелине в 1933 г. была оставлена газетная вырезка о жизни и судьбе Пауля Маука, самого юного немецкого солдата, погибшего во время Первой мировой войны. В марте 1945 г. на могиле Т. Кёрнера в Вёббелине были приведены к присяге юноши из Фольксштурма. Они, как Кёрнер или Маук, как «герои», должны были сражаться и умереть.

К поэтическому наследию Т. Кёрнера многие немецкие авторы часто обращаются, чтобы найти там отражение образов других исторических личностей. Так авторы монографии «Историческая мифология немцев: 1798–1918», на пример творчества Кёрнера и еще одного поэта той поры Эрнста Морица Арндта анализируют образ Наполеона во время Освободительной войны [2, р. 22–23]. И, действительно, такие строки, как «Мы клятву дадим здесь, под гулом громов, / Избавить себя от позорных оков, / Избавить отчизну от рабства!» [1] довольно наглядно демонстрируют отношение поэта к той войне, в которой он участвовал и к тем событиям, которые совершались у него на глазах.

Т. Кёрнер остался в немецкой памяти как герой войны, патриот, яростный защитник своей страны, и в таком качестве он воспринимается и «используется» историками. Жизнь Кёрнера интересует историков куда меньше, чем его смерть и та память, которую он после себя оставил. Это яркий пример того, как герой создается, и как в обществе эволюционирует культ его почитания. Сравнительно легко можно найти современные работы, посвященные рецепции образа этого поэта [7] или же описанию на примере творчества Кёрнера определенной героической модели поведения [5, р. 225]. Но куда сложнее найти работу, посвященную вехам его недолгой жизни. По тем темам, которые поднимаются в связи с его личностью, мы можем увидеть, что и в современной исторической науке «Теодор Кёрнер» – это такой же миф, каким он был 200 лет назад.

Источники и литература

1. Шамиссо, Юстинус Кернер, Теодор Кёрнер: избранные стихотворения. URL: <http://www.librapress.ru/2016/08/Adelbert-Shamisso-Justinus-Kerner-Teodor-Kjorner.html>.
2. Bruns K., Parr R., Wülfing W. Historische Mythologie der Deutschen: 1798–1918. München: Fink. 1991. 276 p.
3. Bunk M. Der letzte Augenblick des kämpfenden Poeten. Theodor Körners Tod im Jahr 1813 bei Gadebusch, dargestellt im berühmten Holzstich von Johann Kirchhoff // Clausewitz - Das Magazin für Militärgeschichte. 2014. № 20. P. 80–81.
4. Das Heroische in der neueren kulturhistorischen Forschung: Ein kritischer Bericht. URL: <http://www.hsozkult.de/literaturereview/id/forschungsberichte-2216>.
5. Disselkamp M. Leyer und Schwerdt oder Ahnung und Gegenwart. Zwei Modelle des Heroischen zur Zeit der «Befreiungskriege» // Ästhetischer Heroismus: Konzeptionelle und figurative Paradigmen des Helden. 2014. P. 233–251.
6. Hagemann K. „Männlicher Muth und Teutsche Ehre“: Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der Antinapoleonischen Kriege Preußens. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2002. 617 p.
7. Immer N., Schultz M. Lützows wildester Jäger. Zur Heroisierung Theodor Körners im 19. und 20. Jahrhundert // helden. heroes. héros. E-Journal zu Kulturen des Heroischen, Sonderforschungsbereich 948 „Helden – Heroisierungen – Heroismen“. 2014. № 2.2. P. 69–92.
8. Schilling R. „Kriegshelden“. Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813–1945. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2002. 436 p.

© Голотина А.И., 2017

УДК 303.446.4

Г. Ф. МИЛЛЕР И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX – НАЧАЛА XXI в.

М. В. Синюгина

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: mashutkasinyugina@mail.ru

В статье анализируется зарубежная историография, касающаяся вклада профессора Г. Ф. Миллера в становление проблемы образования Древнерусского государства. Дается краткая характеристика позиций зарубежных историков по варяго-русскому вопросу.

Ключевые слова: зарубежная историография, норманская теория, Древнерусское государство.

M. V. Sinyugina

G. F. MILLER AND THE VARANGIAN QUESTION IN THE FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: mashutkasinyugina@mail.ru

The article analyzes foreign historiography concerning the contribution of Professor G. F. Miller in the development of problems of formation of the Ancient Russian state. A brief description of positions foreign historians by Varangian-Russian question.

Key words: foreign historiography, Norman theory, Ancient Russian state.

Конец XX – начало XXI в. стали периодом наибольшего роста интереса зарубежных ученых к истории России: тесно устанавливаются связи отечественных и зарубежных историков, проходят совместные конференции, открываются архивы для иностранных исследователей. При этом внимание на себя обращают дискуссионные вопросы, одним из которых является образование Древнерусского государства.

В отечественной исторической науке варяго-русский вопрос возник еще в XVIII в. и определенный вклад в развитие данной проблемы внес профессор Академии Наук Г. Ф. Миллер. Несомненно, разработка истории становления Древнерусского государства была связана с желанием немецкого историка разрешить актуальную для государства проблему (1730-е гг. являются периодом политического сближения России и Германии).

Главным трудом Г. Ф. Миллера в этой области считается речь «О происхождении народа и имени российского», цель которой – доказать скандинавское происхождение Рюрика. Речь была составлена на латинском языке и должна была быть представлена на торжественном заседании Академии наук 6 сентября 1749 г. по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны. Во время предварительных слушаний в Академии наук доклад Г. Ф. Миллера подвергся критике со стороны отечественных историков во главе с М. В. Ломоносовым. Длившаяся с октября 1749 г. по март 1750 г. дискуссия положила начало полемике между историками, вылившейся в противостояние двух концепций – норманизма и антинорманизма.

Проблема образования Древнерусского государства подробно изучалась и обсуждалась отечественными историками XIX–XX вв. и продолжает разрабатываться. Но зарубежных научных трудов, посвященных вкладу Г. Ф. Миллера в разработку варяжского вопроса, довольно мало. В первой половине XX вв. изучением проблемы образования Древнерусского государства за границей занимались крайне редко и, в основном, это были скандинавские историки. Одним из ученых, занявшихся норманнским вопросом, стал датский историк Вильгельм Томсен, который читал лекции по теме «Начало русского государства», опубликованные в сборнике «Чтения Общества истории и древностей российских» [3]. В. Томсен являлся норманистом и доказывал эту теорию посредством лингвистических данных (специализацией ученого являлась история языкознания). Датский ученый упоминает Г. Ф. Миллера как одного из основоположников теории норманизма, который занимался

критикой текста «Повести временных лет». В. Томсен изучил и диссертацию «О происхождении народа и имени российского», ссылаясь в лекциях на труд Г. Ф. Миллера.

Во второй половине XX в. проблеме образования Древнерусского государства стало уделяться больше внимания. Это было связано с ростом интереса к русской истории за границей, благодаря деятельности ученых-эмигрантов. Датский славист А. Стендер-Петерсен разделял норманскую концепцию, хотя и дал определенную критику. Он ввел понятие «неонорманизм», предполагающее существование норманнской колонизации в Северной Руси и «скандинавизацию» важнейших древнерусских городов на основных торговых путях, но при этом учитывается значение внутренней социально-политической эволюции восточных славян при образовании государства [8]. В 1960 г. А. Стендер-Петерсен вступил в дискуссию по варяжскому вопросу с советскими учеными В. В. Похлёбкиным и В. Б. Вилинбаховым.

На позициях антинорманизма выступал польский историк Г. Ловмянский. Его главным трудом стала монография «Русь и норманны» [2]. В ней автор разобрал основные положения норманнской концепции: происхождение названия «Русь», проникновение варягов и завоевание Руси. Доводы Г. Ф. Миллера польский историк называл нетактичными и не соответствующими исторической действительности.

Деятельности Г. Ф. Миллера посвящена монография Д. Л. Блэка, канадского историка, директора Центра исследований канадско-русских отношений – «Г. Ф. Миллер и Императорская Российская Академия наук (1725–1783): первые шаги в развитии исторической науки в России» [6]. Варяжская проблема рассматривается в пятой главе, в которой раскрываются основные положения концепции норманизма, полемика между Г. Ф. Миллером и М. В. Ломоносовым.

В современной историографии одним из крупнейших ученых, занимающихся деятельностью Г. Ф. Миллера в России, является немецкий историк Петер Хофманн. Он издал монографию «Герард Фридрих Миллер (1705–1783). Историк, географ, архивист на службе в России» [7], которая является одним из немногих трудов, посвященных деятельности немецкого историка. Взгляды П. Хофманна на роль Г. Ф. Миллера в разработке варяжского вопроса изложены в работе «М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер и «норманнская теория». Историографическое исследование» [4]. Данная статья была опубликована в рамках семинара «Немцы в России». П. Хофманн подчеркнул, что Г. Ф. Миллер всегда придерживался исторических источников, которые оценивал и интерпретировал согласно методике того времени, а полемика между историками XVIII в. носила строго политический характер. В ходе анализа этой дискуссии П. Хофманн занимает центристскую позицию, при этом отмечая, что норманизм и антинорманизм не доказаны до сих пор [4, с. 73].

В 2010 г. вышла статья «Происхождение восточных славян и образование Киевской Руси в переоценке постсоветской историографии» немецкого историка Дитмара Шорковитца [5]. В ней автор проанализировал русскую историографию, начиная с дореволюционного этапа, и до 1990-х гг. Немецкий историк подчеркивает значимость деятельности Г. Ф. Миллера по проблеме образования Древнерусского государства, подтверждая этот вывод тем, что дискуссия норманистов и антинорманистов продолжается до сегодняшнего дня.

Бельгийский ученый В. Куденис в статье «Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России» называет Г. Ф. Миллера одним из «отцов российской историографии» [1]. Он подробно анализирует способы перевода источников, которыми пользовался Г. Ф. Миллер из-за незнания русского языка, и в некоторых случаях подтверждает допущенные путаницу и ошибки, сделанные немецким историком и его переводчиками.

Таким образом, в первой половине XX вв. труды зарубежных историков касались Г. Ф. Миллера и его вклада в становление норманнской теории поверхностно; вторая половина XX – начало XXI в. стали началом более глубокого изучения этого аспекта. В современной историографии наметилось сотрудничество представителей разных стран по вопросам деятельности немецкого историка, вышли монографии, посвященные его биографии и трудам, переводятся на русский язык статьи зарубежных ученых. Они достаточно полно изучили положения норманнской теории и полемику Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова, отечест-

венную историографию данной дискуссии (П. Хофманн, Д. Л. Блэк). Также был проанализирован труд немецкого историка «Речь о происхождение народа и имени Российского» (В. Томсен). Но единого взгляда на норманскую теорию и вклад Г. Ф. Миллера в ее развитие в зарубежной историографии, как и в отечественной, не сложилось.

Тем не менее, в зарубежной историографии существуют проблемные аспекты, которые еще не изучены: эволюция взглядов Г. Ф. Миллера на протяжении его научной деятельности (например, более поздний труд «О народах, издревле в России обитавших», в котором можно проследить изменения в положениях норманской теории); не изучены источники, на которые опирался немецкий историк, его методы работы с этими источниками. Помимо того, на сегодняшний день отсутствует исследование, которое отражало бы зарубежную историографию по проблеме вклада Г. Ф. Миллера в разработку варяго-русского вопроса, а это говорит о том, что вклад немецкого ученого в решение проблемы образования Древнерусского государства еще слабо изучен зарубежными историками.

Источники и литература

1. Куденис В. Переводчики XVIII в. и становление историографии как науки в России // *Quaestio Rossica*. 2016. № 4. С. 235–260.
2. Ловмянский Г. Русь и норманны. М., 1985.
3. Томсен В. Начало русского государства // Чтения Общества истории и древностей российских. 1891.
4. Хофманн П. М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер и «норманнская теория». Историографическое исследование // Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 65–76.
5. Шорковитц Д. Происхождение восточных славян и образование Киевской Руси в переоценке постсоветской историографии // *Rossica Antiqua*. 2010. Вып. 1. С. 3–53.
6. Black J. L. G. F. Müller and the Imperial Russian Academy of Sciences, 1725–1783: First Steps in the Development of the Historical Sciences in Russia. Kingston; Montreal: McGill-Queen's University Press, 1985.
7. Hoffmann P. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.
8. Stender-Petersen A. Der älteste russische Staat // *Historische Zeitschrift*. Bd. 191. H. I. München, 1960. P. 1–17.

© Синюгина М.В., 2017

УДК 303.446.4(47)

ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1918–1938)

М. Е. Горохова

Магистрант

Российский государственный гуманитарный университет,

Миусская пл., 6, 125993, Москва, Российская Федерация,

эл. почта: gorokhova.m@rggu.ru

В последнее десятилетие немало написано о русском зарубежье и его многогранном культурном наследии. Между тем собирание буквально по крупицам документальных памятников истории и культуры России, пронесённых русской эмиграцией, является наиболее ярким свидетельством духовности русского зарубежья, подчёркивает его роль в сохранении национального единения в изгнании, в продолжение исторических традиций русского народа. За Прагой прочно утвердилось название интеллектуальной столицы русского зарубежья. Оказавшись за пределами России, многие русские эмигранты с начала своего пребывания в изгнании поняли необходимость сохранения того исторического и культурного наследия, которое было вывезено из России и создано ими на протяжении жизни в странах, их приютивших.

Ключевые слова: русская эмиграция, историография, эмигранты.

M. E. Gorokhova

HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN EMIGRATION IN THE CZECHOSLOVAKIA (1918–1938)

Russian State University for the Humanities

Miusskaya sq., 6, 125993, Moscow, Russian Federation

e-mail: gorokhova.m@rggu.ru

In the last decade, a lot of works have been written about white émigré and its multifaceted cultural heritage. Meanwhile, painstaking collection of documentary relics relating to Russian history and culture, carried through Russian emigration, is the most vivid testimony to the spirituality of the white émigré, which emphasizes its role in preserving national unity in exile, in continuation of historical traditions of the Russians. By now Prague is undoubtedly an intellectual capital of the Russian émigré. Being outside of Russia, many Russian emigrants from the beginning of the exile realized a need to preserve historical and cultural heritage, which was generated from Russia and was created by them in all countries of the world that sheltered them.

Key words: Russian emigration, historiography, emigrants.

Современная политическая ситуация на европейском континенте актуализирует необходимость поиска нового вектора взаимоотношений со странами Восточной Европы с целью преодоления конфликтов прошлого, изучение предшествующих контактов. Историография истории эмиграции первой волны в Чехословакии вряд ли может быть названа полной, конкретизирующей все стороны этого явления. Проблемами адаптации «иных», проблемами взаимопроникновения культур и всех эмиграций занимаются историки, политологи, этнографы. Следовательно, исследования этого вопроса можно отнести к междисциплинарным.

Несмотря на то, что отъезд так называемых диссидентов, то есть несогласных с официальной государственной идеологией, существовал и ранее, наличие эмиграции как социального явления исследователи начинают с XX в. Основная задача статьи: рассмотреть степень изучения российской эмиграции в Чехословакии и наметить вектор дальнейших исследований, посвященных российской постреволюционной эмиграции в Чехословакию.

Всю литературу условно можно разделить на несколько групп. К первой относятся исследования по проблеме политической истории Чехословакии. Следует отметить монографии С. И. Прасолова [6] и Е. Ф. Фирсова [16].

Вторая группа исследований представлена работами по истории эмиграции. В книге Е. П. Серапионовой рассматриваются состав, численность, материальные и правовые условия жизни российских эмигрантов в Чехословакии в 1920–1930-х гг., проанализированы деятельности их организаций. В центре внимания автора – неполитическая деятельность эмигрантских объединений, в том числе благотворительная, культурно-просветительная и научная. В монографии представлен подробный очерк истории Земгора, больше других сделавшего для обустройства россиян в ЧСР [11].

В работе А. А. Пронина рассматривается проблема изучения российской эмиграции и российского зарубежья в диссертационных исследованиях. Он отразил основные тенденции развития отечественной науки в части осмысления ею проблем истории российского расселения, включая воздействие государственной политики, результаты исследований, эволюцию тематики [7].

В книге И. П. Савицкого имеется представление о формировании основных исторических центров российской эмиграции (Париж, Берлин, Белград, Прага), их существенных отличиях. Автор заостряет внимание на влиянии принимающих стран на формирование эмигрантских сообществ, на борьбе разных эмигрантских течений за власть в центрах рассеяния. Он обращает внимание на малоизвестные факты, используя широкое знание эмигрантской прессы, переписки выдающихся представителей эмиграции и пр. Особое внимание уделено освещению чехословацкой политики к России и российской эмиграции [9].

Самостоятельную группу исследования представляют труды по истории белого движения. В книге Л. К. Шкаренкова освещается история белой эмиграции до конца Второй мировой войны. Автор исследует те процессы, которые привели эмиграцию к ее идейно-

политическому краху [18]. В работе М. А. Гутиевой рассматриваются политические аспекты деятельности, культурная жизнь русской эмиграции в Чехословакии, Венгрии, Франции, восприятие общественным сознанием творчества русских писателей-эмигрантов [2].

Отдельную группу представляют биографии. Марк Рейтман рассказывает о ряде людей, которые попав за рубеж, оказались на грани выживания. Но сила воли, талант, вера в свои силы не дали им сломаться, а, наоборот, помогли подняться на, казалось бы, недостижимую высоту [8]. Книга В. Марьиной о Э. Бенеше – это взгляд российского историка-богемиста на видного европейского политика первой половины XX в. Особое внимание уделено отношению Бенеша к России и Советскому Союзу [4].

В книге Е. П. Серапионовой исследуется жизнь и деятельность чешского политика, депутата австрийского парламента, русофила, одного из лидеров идейного течения неославизма, а затем первого чехословацкого премьера К. Крамаржа. Основанная на документальных и мемуарных источниках, в том числе из личного архива, монография позволяет по-новому взглянуть на его геополитические концепции и практическую политику [10].

Книга А. Ушакова и В. Федюкина посвящена судьбе харизматического лидера русской контрреволюции – генерала Л. Г. Корнилова. Авторы на основе широкого круга уникальных архивных источников впервые попытались объективно раскрыть причину успехов и неудач яркой личности этого генерала [15].

На Чехословакию пришелся расцвет научной и организационной деятельности известного до революции российского общественного и государственного деятеля, бывшего ректора Московского университета, профессора зоологии и сравнительной анатомии М.М. Новикова. Его имя относится к тому типу подвижников, благодаря энергии которых русская научная интеллигенция, оказавшись в эмиграции, смогла не только объединиться, но и достойно выжить, создав действенную сеть русских общественных и научных (академических) организаций, необходимых для продолжения работы и подготовки научных кадров [14].

Еще одной самостоятельной группой исследований являются работы по истории политических организаций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и эмигрантских обществ, их идейно-политических взглядах [1, 16, 17]. Последняя самостоятельная группа – труды по истории политических диаспор [3, 5, 12, 13, 19]. Эти работы описывают жизнь и деятельность монархистов, кадетов, социалистов-революционеров в эмиграции.

Таким образом, интерес ученых к истории русской эмиграции никогда не угасал. В историографии по вопросу об эмиграционной политике России в отношении Праги довольно четко прослеживаются два направления исследований. Первое представлено исследователями, изучающими историю России, и представляет особое направление – изучение русского зарубежья. Второе представляют ученые, занимающиеся историей Чехословакии, они стремятся «вписать» российских эмигрантов в канву истории этой страны. Такие ракурсы позволяют досконально исследовать сущность белоэмигрантского реваншизма, характерного для эмиграции, показывает его скрытые механизмы, движущие силы и другие проблемы. Но если научное и культурное наследие русской эмиграции в Праге изучено в достаточной степени, исследование политической роли российского зарубежья в Праге, его связей с политической элитой Первой республики Чехословакии только ждёт своего исследователя.

Источники и литература

1. Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М.: Центрально-европейские исследования. 1999. Вып. 1.
2. Гутиева М. А. Белая эмиграция: некоторые аспекты // Национально-государственное и федеративное строительство на Северном Кавказе: опыт, проблемы, специфика. Владикавказ, 1998.
3. Кувшинов В. А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997.
4. Марьиная В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. М.: Индрик, 2013.
5. Овсянников А. А. Коммунистическая эмиграция: большевистский пласт российского зарубежья // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Кн. 1.

6. Прасолов С. И. Чехословакия в европейской политике, 1935–1938. М., 1989.
7. Пронин А. А. Российская эмиграция в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: РГППУ, 2009. 360 с.
8. Рейтман М. Знаменитые эмигранты из России. Р-н/Д, 1999.
9. Савицкий И. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: IDEG PRAGUE, 2002. 151 с.
10. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 гг.: идейные воззрения, политическая активность связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
11. Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995.
12. Тимонин Е. И. Лидеры меньшевизма в эмиграции (1920–1930 гг.) // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 1998. № 3. С. 106–111.
13. Тимонин Е. И. Судьбы русской монархической эмиграции (1917–1928) // Вопросы истории и литературы. Омск, 1995. С. 48–55.
14. Ульянкина Т. И. «Ради русского имени» – научная и общественная деятельность М. М. Новикова в Чехословакии (1923–1945 гг.) М.: РОССПЭН, 2010.
15. Ушаков А., Федюк В. Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2012.
16. Фирсов Е. Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм. М., 1997.
17. Фирсов Е. Ф. Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 30-е гг. М., 1992.
18. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1987.
19. Чубыкин И. В. Российские социал-революционеры в эмиграции (1920-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

© Горохова М.Е., 2017

УДК 303.446.4 (410):94 (100) "1939-45"

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ДВА ОСНОВОПОЛОЖНИКА РЕВИЗИОНИЗМА

Л. В. Коробицына

Аспирант

Уральский государственный педагогический университет,

пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Россия

эл. почта: luizakorobitsyna@mail.ru

Статья посвящена проблеме становления ревизионистской концепции истоков Второй мировой войны в британской исторической науке. Глубокое изучение исследований 1940-х гг. на основе данных Национальной библиотеки Уэльса и Британской библиотеки показало, что существовали альтернативные пути развития историографии, при которых основоположником новой концепции мог стать не А. Дж. П. Тейлор, а профессор университета Уэльса У. Н. Меддикотт.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ревизионизм, британская историография.

L. V. Korobitsyna

TO THE ISSUE OF THE ORIGINS OF THE SECOND WORLD WAR IN BRITISH HISTORIOGRAPHY: TWO FOUNDERS OF THE REVISIONISM

Ural State Pedagogical University,

pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: luizakorobitsyna@mail.ru

The article is devoted to issue of establishing a revisionist conception of the origins of the Second World War in the British historic science. The close look at the researches of 1940th on the base of data of the National library of Wales and the British library showed that there was an alternative way of historiographical development. The founder of a new conception could be professor of University of Wales W. N. Medlicott but not A. J. P. Taylor.

Key words: Second World War, revisionism, British historiography.

Обращаясь к вопросу о том, как проблема происхождения Второй мировой войны дискутировалась в британской науке, историки традиционно отталкиваются от работы Като «Виновники» [1] и книги У. Черчилля «Надвигающийся шторм» (1948), считая их появление началом многолетних споров [2]. Действительно, эти труды заложили основу для формирования концепции «виновников», в рамках которой работало множество блестящих историков [5; 7; 8]. Однако полагаем, что подобное рассмотрение военной и послевоенной историографии на основе трудов только представителей ортодоксального направления создает ложное впечатление безальтернативности. Между тем, взгляды британских интеллектуалов на проблему происхождения Второй мировой войны отличилась куда большим разнообразием, а появление в 1960-х гг. «ревизионизма» готовилось на протяжении десятилетий.

Первой работой, изданной в 1939 г. и посвященной началу войны, стала книга бывшего дипломата и посла Г. Николсона «Почему Британия воюет?» [6], которая, как и памфлет «прочерчилльевских» журналистов, писавших под псевдонимом Като, была адресована широкой публике. Отталкиваясь от содержания «Майн Кампфа», автор выступил с острой критикой нацистской идеологии и сделал особый акцент как на внешнеполитических амбициях Гитлера, так и на личностно-психологических качествах лидера Третьего рейха. Главный тезис, заявленный Николсоном, заключался в том, что умиротворение было попыткой Лондона стабилизировать международные отношения, однако Берлин, руководствующийся далеко идущими планами мирового господства, всеми своими действиями приближал начало Второй мировой войны.

Другая, не менее интересная работа, носившая более академический характер, и изданная уже в военное время, принадлежала профессору Уэльского университета У. Н. Меддикотту. Его книга «Британская международная политика 1919–1939» (1940) иллюстрирует классический английский взгляд на события, происходившие в предвоенный период. Для Меддикотта было очевидно, что Великобритания, как мировая держава и «мировой полицейский», несла на себе груз ответственности по урегулированию конфликта, назревавшего в 1930-х гг. [3, р. 9]. Кризис, произошедший в связи с заключением Мюнхенского соглашения, и, как следствие, провал политики умиротворения не являлись, по мнению историка, достаточными основаниями для обвинения умиротворителей «в преднамеренном потворствовании нацистской компании» [3, р. 248]. Меддикотт отмечал, что «невозможно обсуждать такой спорный вопрос, как виновность в развязывании войны в 1939 г., на уровне наших современных представлений и эмоций» [3, р. 298]. Очевидно, что историк имел в виду чрезмерную близость исторических событий и скудость доступных на тот период времени источников. Тем не менее, автор книги полагал, что ответ на вопрос происхождения Второй мировой войны «лежит в Версальской системе и, более того, в XIX в.», в то время как «непосредственной, ближайшей причиной войны стала череда событий, связанных с успешной атакой Германии на Австрию, Чехословакию и Польшу в 1938 г. и 1939 г.» [3, р. 299]. В 1940 г. Меддикотт издал еще одну книгу – «Происхождение Второй великой войны» [4], которая в целом повторяла основные идеи, высказанные в «Британской международной политике».

Альтернативная позиция, представленная Г. Николсоном и У. Н. Меддикоттом в 1939 г. и 1940 г., не нашла отклика среди широкой общественности. Эти книги во многом определили свое время, предложив академическому сообществу более сдержанный и менее однобокий взгляд на исторические события 1930-х гг., чем тот, который преобладал. Вероятность того, что данные исследования могли стать точкой отсчета для альтернативного пути развития историографии, была крайне мала в связи с эмоциональными и политическими факторами, которые играли первостепенную роль в напряженные военные годы. Тем не менее, наличие качественных и глубоких работ, в которых отсутствовала острая критика умиротворителей, свидетельствует о сложности и неоднозначности общественного и академического мнения в 1940-х гг. относительно истоков Второй мировой войны.

Традиционно рождение ревизионистского направления в британской историографии в первую очередь связывается с работой А. Дж. П. Тейлора «Происхождение Второй мировой войны» 1961 г. [9]. Однако еще одним ученым, стоящим у истоков новой концепции, был У. Н. Медликотт [10]. Вероятно, причина меньшей популярности валлийского коллеги Тейлора крылась в отсутствии дискуссионности и даже скандальности, которая активно подогревалась английским историком на многочисленных теле и радио дебатах. Как человек склонный к большому консерватизму, Медликотт делал упор на изучение феномена умиротворения, который отражал принципы внешней политики, проводимой Британией на протяжении XIX – первой половины XX в. Научный вклад в изучение конкретной исторической проблемы, осуществленный профессором Уэльского университета, был несоизмеримо больше работы, проделанной Тейлором. Однако резонанс, вызванный книгой «Происхождение Второй мировой войны», имел более далеко идущие последствия, чем книги Медликотта, и этот резонанс навсегда изменил ход развития британской историографии.

В сущности, работы обоих историков были отражением одного интеллектуального феномена, заключавшегося в стремлении британской нации пересмотреть концепцию «виновников», снять с политиков-умиротворителей ответственность за начало войны и найти смысл в хаотичной и бессистемной международной политике, проводимой лидерами стран в 1930-х гг. Очевидно, причина, по которой тейлоровские идеи вызвали большой резонанс, крылась в самом характере ученого, его природном обаянии и умении эпатировать публику, приковывая к себе внимание представителей как научной среды, так и широкой публики. Так или иначе, но сама история и ход обсуждения проблемы происхождения Второй мировой войны в британской науке способствовали тому, что А. Дж. П. Тейлор стал признанным основоположником ревизионизма.

Источники и литература

1. Cato Guilty Men. London: Victor Gollancz LTD, 1940.
2. Churchill W. The Second World War. London: The Folio Society, 2000.
3. Medlicott W. N. British Foreign Policy since Versailles 1919–1939. London: Methuen & Co, 1940. P. 9.
4. Medlicott W. N. The Origins of the Second Great War. London, 1940.
5. Namier L. B. Diplomatic Prelude, 1938–1939. London: Macmillan, 1948.
6. Nicolson H. Why Britain is at war. London: Penguin, 1939.
7. Reynolds P. A. British Foreign Policy in the Inter-War Years. London: Longmans, Green and Co, 1954.
8. Rowse A. L. All Souls and Appeasement. London: Macmillan, 1961.
9. Taylor A. J. P. Origins of the Second World War. London: Hamish Hamilton, 1961.
10. Watt D. C. Appeasement: The Rise of Revisionist School? // The Political Quarterly. 1965. Vol. 36. № 2. P. 191–213.

© Коробицына Л.В., 2017

УДК 94(497.1)

БОСНИЙСКАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКОВ И МЕМУАРОВ Д. ЧОСИЧА И В. ДРАШКОВИЧА)

Н. А. Жихарев

Студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620002, Екатеринбург, Российская Федерация
эл. почта: nikita.zhikharev7@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды представителей сербской национально-ориентированной интеллектуальной оппозиции на события Боснийской войны, на примере ее двух ярких представителей: Добрицы Чосича и Вука Драшковича. Сравнивая взгляды деятелей на пути решения Боснийской проблемы, автор приходит к выводу, что интеллектуалы высту-

пают за мирное разрешение конфликта, но предлагают разные пути сохранения мира. Также автор отмечает радикализацию взглядов Чосича и Драшковича по мере эскалации конфликта.

Ключевые слова: Боснийская война, интеллектуальная элита, военные действия.

N. A. Zhikharev

BOSNIAN WAR IN THE WORKS OF THE SERBIAN NATIONAL-ORIENTED INTELLECTUAL OPPOSITION

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: nikita.zhikharev7@yandex.ru

The article examines the views of representatives of the Serbian national-oriented intellectual opposition on the events of the Bosnian war, in the case of its two bright representatives: Dobrica Ćosić and Vuk Drašković. Comparing the views of personalities on the way to solving the Bosnian problem, the author comes to the conclusion that intellectuals advocate a peaceful resolution of the conflict, but offer different ways of preserving peace. The author also notes the radicalization of the views of Ćosić and Drašković as the conflict escalates.

Key words: Bosnian war, Intellectual elite, hostilities.

Представители интеллигенции оказывают влияние на политическую ситуацию в государстве, являясь частью национальной элиты. Некоторые представители интеллигенции имеют определяющее значение для культурного и социально-экономического развития страны является духовно-нравственным примером для соотечественников, «совестью нации», «генератором идей», «проводником по дороге в будущее» и т.п. В период развития Югославского кризиса общество выдвигало запрос на разные типы лидеров. Для поиска выхода из кризиса и попыток определить дальнейший путь развития страны, общество нуждалось в идеологе. Но, как только новая идеология была принята большинством, на первый план вышли люди – политики, заявляющие о намерении реализовать избранный путь развития [1].

В период системного кризиса можно выделить двух представителей сербской национально-ориентированной интеллигенции. Добрица Чосич и Вук Драшкович – интеллектуалы разного возраста, но схожие по взглядам и убеждениям. Поколения интеллигентов сошлись в ряде вещей. Чосич и Драшкович имели одинаковые взгляды по поводу мотивов и причин войны. Однако интеллектуалы предлагали разные способы сохранения мира в республике накануне начала конфликта.

Д. Чосич в 1992–1993 гг. был первым президентом Союзной республики Югославия. Данный факт может говорить нам о хорошей степени информирования Чосича о событиях Боснийской войны. Его «Дневниковые записи» были изданы в 2003 г., после «Бульдозерной революции», свержения режима Слободана Милошевича. Это позволяет нам исключить влияние цензуры со стороны правительства Милошевича на содержание источника.

В. Драшкович – основатель партии «Сербское движение обновления» (СДО), был одной из самых известных фигур сербской оппозиции, организатором крупнейших за всю историю страны демонстраций протеста против Слободана Милошевича. Также Драшковичем было сформировано боевое крыло СДО – Сербская гвардия, которая принимала участие в войне в Боснии и Хорватии. Благодаря его мемуарам мы можем проследить позиции интеллектуала накануне, в ходе и в результате Боснийской войны.

Д. Чосич – сербский писатель и общественный деятель, является продолжателем идеи «Сербского вопроса» [1], системы взглядов, в основе которой лежит, во-первых, тезис о постоянной и беспричинной ненависти, которую испытывают к сербам соседние народы, несмотря на огромные исторические заслуги сербов перед ними. Вторым элементом данной системы является утверждение, что на протяжении XIX–XX вв. сербы постоянно жертвовали своей национальной государственностью ради единого государства всех южнославянских народов. Из этих двух тезисов делается вывод о необходимости соединения всего сербского народа в рамках одного государства и возрождения сербской государственности. Или, по крайней мере, уравнивания сербов в правах с другими народами объединенной Югославии.

«Сербский вопрос» был основой национального самосознания сербов в период возрождения государственности в начале XIX в. В период системного кризиса 1980–1990 гг. в республике Сербия в Социалистической федеративной республике Югославия он становится наиболее актуальным, поскольку рост национализма в республиках и начавшийся распад страны, поставил вопрос о сохранении национальной идентичности сербов и их объединения в рамках одного государства. В. Драшкович использовал идеологическую схему «сербского вопроса» возрожденную Д. Чосичем, как альтернативной югославизму. Драшкович – последователь идеи «сербского вопроса».

Д. Чосич изначально был сторонником мирного диалога, между народами Боснии и Герцеговины. Чосичем был предложен сербско-мусульманский диалог среди видных интеллектуалов. Это предложение было принято. Стороны договорились о создании сотрудничества интеллектуальной элиты Сербии и Боснии, где в Сараево соберутся группы интеллектуалов, для обсуждения мусульманско-сербских отношений, необходимых для начала культурного общения между Сербией и Боснией.

По мнению Чосича, сотрудничество видных сербско-мусульманских интеллектуалов – это возможность избежать раскола и войны в республике. «Мы должны проводить политику компромисса. В этих условиях, мы должны отказаться от создания единого государства сербского народа, его этнических территорий» [3, р. 307].

В. Драшкович подчеркивал, что наличие национальных интересов, их столкновение, рано или поздно должны были привести к началу войны в Боснии. Драшкович считал, что народы, проживающие в Боснии и Герцеговине, должны найти решение, выход из сложившейся ситуации. В. Драшкович придерживался позиции регионализации и кантонизации Боснии. Это был вариант мирного сосуществование трех народов, населявших Боснию и Герцеговину. «Нет никакого препятствия, ни политического, ни экономического, ни культурного, ни религиозного, ни национального, чтобы сформировать Скупщину сербских, мусульманских и хорватских кантонов. Они составляют скупщину Боснии и Герцеговины, как совместное парламентский орган» [2, р. 120–121].

Однако с эскалацией конфликта взгляды и Чосича и Драшковича становятся более радикальными. Единоличные устремления каждой из сторон конфликта сделали невозможным мирный диалог, это признавали оба интеллектуала. Антисербские идеи и стратегии, стремление разделить территорий БиГ на «этнически-чистые» области, заставили их перейти к защите сербских интересов, идентичности сербского народа.

При сравнении двух интеллектуалов можно проследить динамику их взглядов. Д. Чосич изначально был сторонником мирного диалога, между народами БиГ, за сотрудничество видных сербско-мусульманских интеллектуалов, как возможность избежать раскола и войны в республике. Сначала диалог, а потом признание невозможности демаркации Боснии и начало боевых действий, стали причинами изменения взглядов Чосича на ситуацию в Боснии и Герцеговине. Он продолжал считать, что решением всех вопросов будет политика мирного сотрудничества, но разгоревшаяся война и отказ сторон от федерализации, а также стремление каждой из сторон добиться этнически-чистого региона, изменили представление Чосича о необходимости мирного диалога. Каждая сторона все больше стремилась укрепить свои интересы, спасти свою национальную идентичность, поэтому сербы вынуждены действовать в ответ, также защищать свои интересы в регионе, и Чосич это понимал.

В. Драшкович придерживался позиции регионализации и кантонизации Боснии. Это был вариант мирного сосуществование трех народов, населявших Боснию и Герцеговину. В качестве связующего звена между народами Драшкович считал необходимым существование единого органа, скупщины БиГ, как гарантии мирной жизни в республике. По его мнению, регионализация и деление на кантоны, позволили бы сохранить мирный уклад жизни в республике, сохранить ее целостность и единство между народами, а также обеспечить равноправное участие их в государственном управлении. Разделение на кантоны, по мнению Драшковича – это возможность не допустить конфликта путем процесса регионализации.

Изначально оба интеллектуала придерживались позиции мирного диалога. Однако, единые устремления каждой из сторон конфликта сделали невозможным мирный диалог, это признавали и Чосич и Драшкович. По мнению интеллектуалов стремления противоборствующих сторон, все больше лишают возможности сотрудничества и мирного диалога. Для сербов мирный диалог необходим, но изначальный отказ от федерализации и демаркации, а также начавшаяся война на истребление оставили вопрос мира под большим вопросом. Сербам осталось силой отстаивать свою идентичность и самосознание.

Таким образом, мы видим, что несмотря на разницу в возрасте, общественно-политическом положении и степени информированности интеллектуалов, они высказывают сходные взгляды на причины и ход конфликта. И Чосич, и Драшкович выступали за мирное решение боснийской проблемы, но предлагали разные пути сохранения мира. Оба интеллектуала по мере эскалации конфликта перешли к более радикальным взглядам, соглашаясь с тем, что сербскому народу необходимо защищать свою землю, культуру и самобытность.

Источники и литература

1. Городецкая Н. Б. Два лидера сербского национализма: опыт сравнительного анализа. // Северные рубежи истории: Материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 10-летию истфака Сургутского государственного университета. Екатеринбург, Сургут, 2012. С. 32–36.

2. Драшковић В. Подсећања. Београд, 2003. 421 с.

3. Ћосић Добрица, Пишчеви записи. 1992–1993. Београд: Филип Вишњић, 2004. 423 с.

© Жихарев Н.А., 2017

Секция «Проблемы теории и методики преподавания истории и обществознания»

УДК 37.013

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

И. В. Лазарев

Магистрант

Новосибирский государственный университет экономики и управления,

ул. Ломоносова, 56, 630099, г. Новосибирск, Российская Федерация

эл. почта: konfngi@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы интернационализации и глобализации в современной образовательной сфере на примере дистанционного образования. Автором акцентируется внимание на таком инструменте глобализации, как академическая мобильность. Он обосновывает интернационализацию образования через возможность сопоставления критериев оценки знаний, сближения моделей учебных процессов.

Ключевые слова: реформы образования, интернационализация, глобализация, формы обучения, дистанционное обучение, академическая мобильность.

I. V. Lazarev

INTERNATIONALIZATION, GLOBALIZATION AND THE COMMON EDUCATIONAL SPACE

Novosibirsk state University of Economics and management,

Lomonosov str., 56, 630099, Novosibirsk, Russian Federation,

e-mail: konfngi@yandex.ru

The article discusses the issues of internationalization and globalization in the modern educational sphere on the example of distance education. The author focuses on such a tool of globalization, academic mobility. He justifies the internationalization of education through opportunity mapping assessment criteria of knowledge, the convergence of models of educational processes.

Key words: reforms of the education, internationalization, globalization, forms of learning, distance learning, academic mobility.

Социально-исторические изменения становятся сегодня все более глубокими, возросло число людей, активно вовлеченных в эти изменения. Современный человек стоит лицом к лицу перед вызовами нового столетия, такими как процессы тотальной глобализации и распространение фундаменталистских настроений, социально-этническая нетерпимость и социально-экономические кризисы. Чрезвычайно бурные темпы прогресса выплескивают на нас массив новых знаний и технологий, далеко не однозначно воздействующих на жизненные условия. А человек тем временем постепенно привыкает к разнообразию во мнениях и уважительно относится к инакомыслию. Однако, для полнокровной общественной жизни необходимо, чтобы каждое отдельное мнение было продуманным и обоснованным. От каждого из нас требуется способность осознанной, разумной ориентации в окружающем мире. Но такая способность, как и вообще способность к разумному мышлению, у человека не является врожденной – ей необходимо обучаться, и лучшая школа для этого – «преобразование человека посредством овладения им культурой» [5, с. 25].

М. Ю. Абабкова указывает на то, что исследователи в сфере образования не считают понятия «интернационализация» и «глобализация» взаимозаменяемыми. Глобализация предполагает, по сути, демонтаж национальной образовательной системы, подразумевает фундаментальное изменение мирового порядка, при котором национальные границы стираются. Интернационализация определяется как программа реформ на институциональном уровне, которая начинает работать, когда образовательная организация сталкивается с необходимостью коренных реформ собственной учебной и научной деятельности вследствие изменившихся внешних условий развития системы образования [1, с. 46].

В каждой стране существует своя специфика в системе высшего образования, свои проблемы и свои варианты для решения этих проблем. Но, не смотря на различия между странами и системами образования, можно выделить общие тенденции в международном образовании. Это «новые настроения и изменения» [6, с. 91], обновление самих систем образования, без чего невозможно их развитие и адаптация к современным условиям жизни.

В настоящее время во многих странах мира высшее образование в той или иной степени претерпевает ряд радикальных реформ. В ответ на потребности рынка, происходит унификация образовательных стандартов. «Университеты разных стран с различными образовательными системами – замечает Н. Л. Смит – разрабатывают новые образовательные модели и совместные программы обучения» [4, с. 230]. Однако многие исследователи отмечают, что в условиях глобализации, процесс образования человека не должен фокусироваться лишь на адаптации будущего специалиста к нынешним условиям, формировании его полезности для той или иной профессиональной деятельности [2, с. 78–79]. Универсальность, безусловно, ценное качество. Но нельзя забывать о сохранении и развитии национальных интересов и соответственно духовного развития личности. Процессу глобализации должны сопутствовать процессы регионализации, сохранении национальных особенностей образования.

Также обучение должно быть направленно на формирование целостной личности, строиться исходя из индивидуальных особенностей студента. Для этого программы обучения перекраиваются. Постепенно появляются такие понятия как индивидуализации обучения, индивидуальная учебная траектория, индивидуальные учебные планы, портфолио студента. «Вводятся учебные модули, определяющие личностное развитие студента, такие как навыки презентации, карьерное планирование, лидерство, диалоговая культура» [4, с. 231].

Исследуя процесс глобализации образования, нельзя не остановиться на рассмотрении одной из его форм – дистанционном образовании. Дистанционная форма обучения способна удовлетворить потребность в образовании субъекта, независимо от его пространственного и временного расположения. На сегодняшний день можно говорить о том, что в условиях глобализации, дистанционная форма обучения перестала быть каким-то вспомогательным средством, она стала более обособлена. Превратилась в четко выстроенную систему передачи знаний. Такое обучение предполагает масштабность, когда есть возможность распространения учебных курсов и материалов среди неограниченной аудитории обучающихся. Однако данная форма обучения обладает одним существенным минусом: в процессе образования отсутствует живое, непосредственное общение между студентом и преподавателем. Без которого не обойтись [7, с. 78]. Безусловно, дистанционная форма обучения не в силах заменить в равной степени традиционную образовательную модель.

Рассматривая тенденции в образовании, можно выделить такой инструмент глобализации, как академическая мобильность, то есть перемещение студентов, преподавателей между различными образовательными учреждениями в рамках каких-либо совместных программ, с целью обмена опытом, погружения в иную образовательную среду. Академическая мобильность является основной составляющей в рамках процесса формирования единого образовательного пространства, которое характеризуется наличием большого количества образовательных программ и при этом обладает возможностью их оптимального взаимодействия за счет сопоставимости и взаимного признания. Интернационализация образования предполагает возможность сопоставления критериев оценки знаний, сближение моделей учебных процессов, применение одних и тех же характеристик для описания учебных процессов.

Своеобразным импульсом к происходящим сейчас изменениям в образовании является Болонская декларация. В основу этой декларации положены задачи установления тесных, крепких связей между европейскими странами. Укрепление их культурного, социального, интеллектуального, научного потенциала. Декларация предполагает следующие направления совместных действий: общую европейскую кредитную систему; единую, гибкую структуру квалификаций; усиленный европейский аспект в контроле и оценке качества; расширение доступа для европейцев к новым образовательным возможностям в Европе [3, с. 22–24].

Отношение к болонской концепции в России на данный момент весьма неоднозначно. В частности, выделяется такая особенность российского образовательного рынка, как сосредоточение абсолютного большинства престижных вузов в Москве, Санкт-Петербурге и ряде академических центров. Вследствие этого, возникает проблема в подготовке специалистов современного уровня в регионах. То есть имеет место проблема, связанная с мобильностью. В условиях глобальных изменений, протекающих в сфере образования сейчас, важным является осознание того, что успешное взаимодействие между системами образования разных стран невозможно без доверия, уважения, взаимного признания и глубокого изучения национальных особенностей процесса образования в той или иной стране.

Источники и литература

1. Абабкова М. Ю. Понятия «глобализация образования», «интернационализация образования», «международное образование»: общее и различное // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 1(7). С. 46–51.
2. Зима Н. А. Инновационные тенденции модернизации в образовании в условиях глобализации // Фундаментальные исследования. 2006. № 7. С. 78–79.
3. Пьянова О. А. Сущность Болонского процесса в европейском образовательном пространстве и причины присоединения России к этому процессу // Инновационное образование и экономика. 2009. № 4. С. 22–24.
4. Смит Н. Л. Академическая мобильность: инструмент глобализации образования или вызов высшему образованию России? // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 7. С. 229–241.
5. Суханова Н. П. Проблема субъекта образования в информационном обществе и принцип заботы о себе // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2013. № 12. С. 25–32.
6. Суханова Н. П. Постмодернистские вызовы и методологические трудности социологического анализа науки // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1(13). С. 91–104.
7. Суханова Н. П., Сапрыгин Б. В. Проблема способа бытия ценностей в науке и важность личностного общения между педагогом и студентом в ходе образовательного процесса // Философия образования. 2016. № 5(68). С. 69–80.

© Лазарев И.В., 2017

УДК 37.035.3(091)

ВОСПИТАНИЕ ТРУДОМ – НЕОБХОДИМАЯ МЕРА ИЛИ СОВЕТСКИЙ АРХАИЗМ?

И. Ю. Денисова

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: denisowa.ir2015@yandex.ru

В статье обозначено становление трудовой школы в Советском Союзе и России, эволюция юридической и материальной баз явления на частных примерах. Также раскрывается авторская позиция по поводу необходимости возвращения к модели трудовой школы, приспособленной к современным реалиям. Автор использует в своей работе труды первооснователей методологии труда на школьных занятиях.

Ключевые слова: трудовые школы, трудовое воспитание, активизм, советская педагогика.

I. Y. DENISOVA

EDUCATION THROUGH LABOR – A NECESSARY MEASURE OR THE SOVIET ARCHAISM?

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: denisowa.ir2015@yandex.ru

The article outlines the formation of a labor school in the Soviet Union and Russia, the evolution of the legal and material bases of this phenomenon on particular examples. Also reveals the

author's position regarding the need to return to the model of the labor school, adapted to modern realities. The author uses the works of pervasively methodology of work for schoolwork.

Key words: Labor schools, labor education, activism, Soviet pedagogy.

Идея воспитания трудом не нова. Уже в трудах педагогов XVII–XVIII вв. (Ж. Ж. Руссо, Дж. Локк, Я. А. Коменский) содержались многочисленные доводы в пользу включения в учебный процесс трудовой деятельности в соответствии с физическими и интеллектуальными возможностями детей [1, с. 292]. В середине XIX в. появилось движение за введение учебного труда в общеобразовательную школу – активизм. На рубеже XIX–XX вв. тезисы активизма получили психолого-педагогическое обоснование в экспериментальной педагогике (Э. Мейман). В. А. Лай сформулировал принципы «школы действия» (педагогика действия). Европейские педагоги-эксперименталисты обосновали первостепенные идеи трудовой школы: о связи мысли ребенка с его двигательной активностью, о роли представлений и восприятия в процессе обучения, о соотношении практических занятий с теоретическим обучением. Дж. Дьюи разработал макет трудовой школы, представлявший собой оригинальный вариант активизма и прагматической педагогики. Практическую реализацию эти идеи получили в методе проектов, дальтон-плане и других концепциях обучения [1, с. 292].

Сторонники мануализма (ручного труда в учебном процессе) – У. Сигнеус (Финляндия), Р. Зейдель (Швейцария) и др. – во второй половине XIX в. добились его введения в народных школах. Широкое распространение получили французская (Ж. Фонтень) и шведская (О. Саломон) системы обучения ручному труду. Психолого-педагогическое объяснение мануализму дал Х. Шерер (Германия) [4].

В дореволюционной России идеи трудовой школы наиболее достаточно и аргументировано представлены С. А. Левитиным. Критикуя традиционную школу за её «оторванность от жизни, чуждость детским интересам и детским радостям», он заимствует слова одного из создателей немецкой трудовой школы Г. Кершенштейнера: «Наша школа – это остров, изолированный от всего мира и от бьющей ключом непосредственной жизни, на который наши дети переправляются каждый день бодрыми и жизнерадостными, и откуда возвращаются усталыми и вялыми» [2, с. 2].

В истории нашей страны подобные вопросы пытались радикально разрешить в ходе коренных революционных преобразований, гражданской войны, новой экономической политики. Общеобразовательная школа, создававшаяся в первые десятилетия власти Советов получила название единой трудовой школы (ЕТШ), а «Положение об единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы» 1918 г. объявляли труд основой школьной жизни. Проблемы трудовой школы разрабатывали М. М. Рубинштейн, С. Т. Шацкий, П. П. Блонский, А. А. Фортунатов, А. Г. Калашников и др. Нарком просвещения А. В. Луначарский писал о первоцели советской трудовой школы: «Мы не только должны заботиться, чтобы учебные предметы воспринимались через труд, но надо научить самому труду» [3, с. 78].

В 1920-х гг. в научно-педагогической секции Государственного учёного совета была разработана комплексная система обучения. Во второй половине 1920-х гг. была частично возвращена предметная система преподавания при сохранении общего трудового характера школы [4]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начался пересмотр содержания и методов работы школы в связи со сменой руководства Наркомпроса. В. Н. Шульгин и М. В. Крупенина выступили за слияние школы с производством: школа должна была выполнять функции координации и планирования этого процесса на основе метода проектов [4].

В 1937 г., не обращая внимания на протесты многих педагогов, Наркомпрос отменил трудовое обучение как самостоятельный предмет. Следующая из этого односторонняя ориентация школы сказалась к середине 1950-х гг., когда выпускники школы, не поступившие в вузы, фактически не были подготовленными к заводским профессиям. В 1958 г. был принят «Закон об укреплении связи школы с жизнью». В его фундаменте лежал принцип соединения обучения с

производительным трудом, а главной задачей школы вновь объявлялась подготовка к общественно полезному труду, повышение качества политехнического образования [1, с. 292].

Во второй половине 1960-х гг. стало ясно, что реформа потерпела крах, но в целом система образования продолжала эволюционировать в русле трудовой школы. В школьной реформе 1984 г. была предпринята попытка синтеза общеобразовательной школы с профессиональной, также оказавшаяся непродуманной и бесперспективной [1, с. 292].

В 1990-х гг. определилась концепция политехнической трудовой школы, оказывающая всестороннюю теоретическую и практическую допрофессиональную подготовку обучающихся. Важнейшие элементы этой системы: ручной труд на начальной и средней ступенях обучения, различные вариации производительного труда на средней и старшей ступенях, формирование политехнических знаний и широкое использование активных методов обучения [1, с. 292]. Однако со временем количество учебных часов, выделенных на такой предмет как технология стали сокращать, технологические классы пустели, а оборудование не обновлялось. То есть идея трудового воспитания медленно, но неуклонно угасала. В тоже время в советское время трудовое воспитание являлось потребностью общества в будущих строителях социализма и квалифицированных рабочих для предприятий.

Но это не значит, что в наших современных реалиях, не должна воспитываться культура труда. В последнее десятилетие правозащитники, выступая за права ребенка, определенно перегнули палку, и любой детский труд по действующему законодательству приравнивается к эксплуатации. Теперь на то, чтобы помыть полы в классе или прополоть грядку на пришкольном участке требуется разрешение родителей. Нет согласия – принуждать нельзя. А к чему придет это общество потребителей и любителей всего готового? О каких полезных навыках и любви к труду может идти речь, если расписанием предусмотрен один урок технологии в неделю? И на них зачастую дети изучают теорию трудовой деятельности.

Если в советское время одним из главных аспектов образования и воспитания был государственный заказ, то теперь трудовое воспитание нужно для более комфортного процесса социализации будущей личности. Навыки, выработанные в процессе труда, помогут ребенку в дальнейшей жизни, начиная хозяйственными делами по дому, заканчивая выбором профессии. Никакой вопрос не стоит перед выпускниками школ так остро, как выбор будущей профессии, а уроки труда, возможно, внесут свою лепту в профориентацию. Однако перед педагогами встанет логичный и довольно острый вопрос формирования мотивации ученика на выполнение трудовых действий. И оставлять педагогов один на один с этим вопросом опасно: ведь из-за бессилия, бездействия учителя трудовое воспитание будет лишь формально. Параллельно возникнет важный вопрос доверия между родителями и учителями. Родитель должен быть уверен в компетентности педагога в данном вопросе, что он не поручит классу мыть окна на третьем этаже, т.е. должна быть атмосфера безопасности труда. И ещё большее количество вопросов должно быть проработано, важно, чтобы государство оказывало поддержку, чтобы нововведение не было очередной волокитной ношей для педагогов.

Тесная взаимосвязь стратегических целей образования с проблемами развития российского общества прослеживается через призму последних новостей о внесении изменений в закон об образовании. Согласно законопроекту № 837675-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» трудовое воспитание должно осуществляться на всех уровнях общего образования в рамках освоения основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и (или) дополнительных общеобразовательных программ. В пояснительной записке авторы отмечают, что важной составляющей воспитания является приобщение ребенка к труду: «трудовое воспитание лежит в основе творческой активности и результативности учебной деятельности, в гражданском и нравственном становлении личности». В феврале 2017 г. министр образования и науки О. Васильева заявила, что будет поддерживать этот законопроект. Его уже одобрили десять субъектов РФ. Воспитание трудом – необходимая мера, но внедрение ее должно сопровождаться диалогом между государством, педагогической средой и родительскими комитетами.

Источники и литература

1. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. 527 с.
2. Левитин С. А. Трудовая школа – школа будущего. М., 1916. Т. 1. 102 с.
3. Советская производственно-трудова́я школа: педагогическая хрестоматия. М., 1925. Т. 1. 176 с.
4. Трудовые школы. URL://http: http://museum.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=12765&ob_no
©Денисова И. Ю., 2017

УДК 371.893:371.321

СМЫСЛОВОЕ ЧТЕНИЕ КАК МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В 5 КЛАССЕ

А. А. Кочкина

Студентка

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
Российского государственного профессионально-педагогического университета,
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Российская Федерация,
эл. почта: nastasya.kochkina@mail.ru

Описан авторский опыт по апробированию технологии смыслового чтения для решения проблемы реализации метапредметных результатов обучения на уроках истории в 5 классе.

Ключевые слова: смысловое чтение, уроки истории, методика истории в школе, методика преподавания истории, метапредметность, школьники, результаты обучения.

A. A. Kochkina

SENSITIVE READING AS A INTERDISCIPLINARY RESULT OF TRAINING ON LESSONS OF HISTORY IN 5TH CLASS

Student of the Social and humanitarian Faculty

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational and Pedagogical University,
Krasnogvardeiskaya str., 57, 622031, Nizhny Tagil, Russian Federation,
e-mail: nastasya.kochkina@mail.ru

The author's experience in approbating the technology of semantic reading to solve the problem of implementing meta-subject learning outcomes in history lessons in grade 5 is described.

Key words: semantic reading, lessons of history, methods of history in school, methods of teaching history, meta-subjectivity, pupils, results of training.

Смысловое чтение – один из метапредметных результатов обучения согласно Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования [9, с. 8]. Это означает, что каждый учитель, проектируя деятельность обучения и воспитания, должен учитывать данное требование и осуществлять его реализацию непосредственно в своем предметном поле.

В специальной литературе достаточно подробно описано смысловое чтение как педагогическая технология, применяемая в образовании [2, 4, 7, 8]. Разработаны различные методики формирования смыслового чтения в начальной школе [1, с. 77–83]. В то же время работ по развитию смыслового чтения на уроках истории практически нет. В связи с этим представляется актуальным описать опыт применения различных методик смыслового чтения, полученный автором в период прохождения педагогической практики в 5 классе МАОУ Гимназия № 18 (г. Нижний Тагил). Предварительно отметим, что в нашем понимании смысловое чтение – это специфический вид деятельности, направленный на выявление смысла читаемого, его трактовку и практическое применение; сложный психический процесс, требующий методической подготовки. Смысловое чтение – это и определенный навык, и педагогическая технология.

Иконическое (изобразительное) реконструирование прочитанного текста. Предполагается составление структурных схем, таблиц, рисунков, кластеров, которые наглядно воплоща-

ют смысловую компрессию текста. Л. А. Мосунова настаивает на опредмечивании процессов понимания и выражении их в конкретных образах [4, с. 152]. Так, при изучении темы «Ново-вавилонское царство» учащимся было дано творческое задание: прочитать легенду о сооружении Вавилонской башни и составить исторический комикс. Ребята справились, но отразить нравственный смысл и мораль легенды удалось лишь некоторым.

По итогам изучения раздела «Древний Восток», учащимся предлагалось составить кластер, объединяющий все темы с использованием текста учебника. Кластер – графическая форма организации информации, когда выделяются основные смысловые единицы, которые фиксируются в виде схемы с обозначением всех связей между ними [5]. Он представляет собой изображение, способствующее систематизации и обобщению учебного материала. Ученики готовили кластер, выделяя смысловые единицы (у каждой страны: занятия, религия, географическое положение, глава государства, интересные факты) и наполняя их содержанием. Подавляющее большинство ребят справилось с заданием: многие кластеры творчески оформлены и содержательно насыщены. Однако встречалась типичная ошибка: не всегда в готовых кластерах можно было выделить смысловые (структурные) блоки, чаще всего, к каждой стране добавлялся набор слов.

Создание синквейнов. Кроме исторических комиксов на тему Вавилонской башни учащимся (на выбор) предлагалось создать синквейн на данный мотив. Синквейн – это методический прием, который представляет собой составление стихотворения, состоящего из 5 строк [6]. При этом написание каждой из них подчинено определенным принципам, правилам. В синквейнах не обязательно соблюдение рифмы. Схематически написание можно представить так: существительное + 2 прилагательных + 2 глагола + существительное (распределение по строчкам соответственно). В данном случае, опять же, не всем учащимся удалось отразить нравоучительный смысл легенды о гордыне людей, что хотели достичь самого бога и соорудить башню до небес.

Подготовка вопросов к тексту параграфа. «Представьте, что Вы являетесь учеными историками, авторами учебника по этому предмету. Вам предстоит разработать вопросы к тексту параграфа для ваших сверстников так, чтобы вы смогли проверить, насколько они хорошо прочитали, запомнили и усвоили историческую информацию» – так звучало одно из заданий по смысловому чтению текста параграфа (имеющиеся в учебнике вопросы повторять или перефразировать запрещалось). При проверке данного задания, было обнаружено, что ребята составили типичные вопросы на знание фактов, лишь три человека смогли сформулировать вопросы на составление понятий и объяснение причинно-следственных связей.

Чтение текста исторического источника. На завершающем этапе изучения новой темы одному из пятиклассников (остальные слушали) предлагалось вслух прочитать фрагмент исторического источника, приведенного в учебнике, далее учитель задавал вопросы, раскрывающие сущность и значение исторической информации. Прием использовался неоднократно, и каждый раз выявлялись затруднения класса при ответе.

Выявление ошибок в тексте. Данный прием был использован на этапе контроля (проверки) освоения нового материала. В предложенном тексте необходимо было исправить ошибки (исторические несоответствия). Не все учащиеся смогли справиться с заданием, лишь четверть класса выполнила его на «отлично», увидев ошибки в каждом предложении.

Таблица «Знаю-хочу знать-узнал». Ученикам предлагался пронумерованный текст, каждое предложение которого нужно было поставить в соответствующую колонку. Таблица одновременно показывала: насколько ребята запомнили предыдущий материал, и выявляла тех, кто знает новый материал наперед. Как показали реальные ответы школьников, зачастую в колонку «узнал» попадали предложения, которые уже были известны из предыдущей темы.

Анализ степени научной разработанности проблемы смыслового чтения и применение данной технологии на уроках истории, приводят автора к таким выводам:

1. Требования Федерального государственного образовательного стандарта реализуются в школах России уже не первый год. При этом остается актуальной теоретическая, практическая и методическая разработка проблемы формирования метапредметных результатов обучения.

2. Смысловое чтение – педагогическая технология; сложный процесс, который требует наличия определенной подготовки и осведомленности учителя, а также мотивированного отношения школьника.

3. Пути решения описанной выше проблематики видятся в следующем: а) создание специальных пособий, поурочных разработок, методических рекомендаций, где присутствует тематическое деление и указаны эффективные формы работы по данному вопросу; б) поступательное применение рассматриваемой технологии (практически на каждом уроке и на протяжении длительного времени).

Источники и литература

1. Атрохова Т. В. Психологическая готовность к обучению смысловому чтению обучающихся на ступени начального общего образования: дис. ... канд. псих. наук. Ярославль, 2015. 217 с.

2. Галактионова Т. Г. Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования: проблемы исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 14. Т. 6. С. 177–190.

3. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М., 1974. 368 с.

4. Мосунова Л. А. Смысловое чтение как деятельность: ее содержание и структура // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-1. С. 151–157.

5. Прием кластер на уроке. Что это такое и как его использовать? URL: http://pedsovet.su/metodika/priemy/5673_metod_klaster_na_uroke.

6. Приема синквейн на уроках. Что это такое и как писать синквейн? URL: <http://pedsovet.su/publ/42-1-0-5767>.

7. Саппа А. В. Формирование основ смыслового чтения в рамках реализации ФГОС основного общего образования // Эксперимент и инновации в школе. 2015. № 5. С. 23–42.

8. Сметанникова Н. Н. Стратегия воспитания лидеров чтения. М., 2007. 80 с.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. М., 2014. 32 с.

© Кочкина А. А., 2017

УДК 371.893:371.671.11

ИЛЛЮСТРАЦИИ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНИКА: НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКИХ И ГЕРМАНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

М. И. Стародумова

Магистрант

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: starodumova2011@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос об иллюстрациях школьных учебников истории, как средстве изобразительной наглядности, дополняющем учебный текст и конкретизирующем в исторических образах излагаемое в них содержание. Эта и другие функции иллюстративного материала рассмотрены на примере российского и германского учебников истории. Отражена важная роль иллюстраций учебника при формировании эмоционально окрашенных качеств личности учащихся.

Ключевые слова: школьные учебники, методика истории в школе, методика преподавания истории, Вторая мировая война, иллюстрации, структурные элементы, анализ учебников.

M. I. Starodumova

ILLUSTRATION AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF A MODERN TEXTBOOK: THE EXAMPLE OF THE THEME OF THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN AND GERMAN HISTORY TEXTBOOKS

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: starodumova2011@yandex.ru

The article discusses the illustrations in history textbooks, as a means of visual clarity complement the educational text and detailed in the historical images contained in them content. This and other features of illustrative material are considered on the example of one Russian and one German history textbooks. Reflected the important role of textbook illustrations during the formation of the emotive qualities of the individual students.

Key words: school textbook, Methodology of history in school, methods of teaching history, the Second world war, illustrations, structural elements, analysis of textbooks.

Известный французский историк М. Ферро отмечал, что образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь, а то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остаётся неизгладимым. На это представление о прошлом, сформированное в детстве, накладывается новое знание в будущем [6, с. 8]. Эмоциональная составляющая исторического знания не теряет своей актуальности и сейчас, что нашло отражение в проекте концепции УМК по всеобщей истории, который предполагает «личностное эмоционально окрашенное восприятие прошлого» в рамках антропологического подхода [3, с. 6].

В процессе обучения истории в школе важно формирование ценностного отношения к ней, эмоционально окрашенное восприятие исторического материала. Большая роль в этом принадлежит иллюстративному материалу, который позволяет заинтересовать учащихся, активизировать внимание на изучаемой теме и способствовать развитию их мышления. Кроме того, иллюстративный материал является эффективным и неотъемлемым средством обучения навыкам работы с визуальной информацией, что сейчас особенно актуально, так как история не только даёт готовые знания о прошлом, но и учит самостоятельно добывать новые знания и анализировать их. Этот аргумент нашёл отражение в основных нормативно-правовых документах по обучению истории в школе: федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования 2010 г. [5, с. 19], фундаментальном ядре содержания общего образования [7, с. 66–67] и др.

При рассмотрении роли и назначения иллюстративного материала в учебниках мы исходим из определения изобразительных пособий как одного из видов наглядного материала. Это средства обучения, воспроизводящие людей, предметы, события и явления прошлого с помощью различных изобразительных материалов (фотографий, рисунков и т.п.), формируя тем самым реалистичные образы исторических фактов [2, с. 379], что делает историю более понятной и доступной.

Для сравнительного анализа иллюстративного материала нами были взяты современные учебники истории для учащихся 9-х классов общеобразовательных учебных заведений России – «Всеобщая история» [8] и Германии – «История и события» (Geschichte und Geschehen) [10], где представлена такая важная и сложная тема в курсе всеобщей истории, как Вторая мировая война. Данные пособия были выбраны по следующим основаниям: российский учебник является одним из новейших, он рекомендован Минобрнауки РФ, включён в федеральный перечень учебников, а германский – принадлежит к первому уровню (ступени) среднего образования (Sekundarstufe I), что соответствует уровню обучения учащихся 9-х классов в России.

В российском учебнике теме Второй мировой войны посвящены 4 параграфа в главе «Вторая мировая война и её отзвуки», а точнее 2 сдвоенных: «Военные действия в 1939–1942 гг.» (§12–13) и «Ноябрь 1942 – сентябрь 1945 г.: от коренного перелома до окончания войны. Начало «холодной войны»» (§14–15). На тему отведено 42 страницы, что составляет 13,125% от общего объема учебника. В рамках темы представлено 34 объекта иллюстративного материала трёх видов, согласно классификации Е. Е. Вяземского и О. Ю. Стреловой [2, с. 176]: 28 документальных изображений (фотографии), репродукция и пять карт. Данный материал можно охарактеризовать как достаточно разнообразный и качественный. Германский учебник имеет объём 120 страниц, из которых на тему Второй мировой войны отводится 21 страница или 17,5%. Теме посвящены 4 параграфа: «Завоевание – эксплуатация – уничтожение:

Вторая мировая война до 1943 г.» (§11), «Шоа – геноцид евреев» (§12), «Не все немцы были соучастниками» (§13) и «Конец Второй мировой войны» (§14). В рамках данной темы представлено 27 объектов иллюстративного материала трёх видов, который также можно охарактеризовать как разнообразный и качественный: 20 документальных изображений (фотографии), три репродукции и четыре карты.

Известный отечественный педагог-методист А.А. Вагин считал необходимость иллюстраций в школьных учебниках истории бесспорной. Проанализировав российский опыт иллюстрирования этих учебников с дореволюционного времени до конца 1960-х гг., он высказал ряд рекомендаций, которые, по своей сути, не устарели до настоящего времени, в том числе: иллюстрация в учебнике должна раскрывать в наглядной форме не случайные, а существенные стороны общественной жизни в изучаемую эпоху; для иллюстрирования учебника отбирается наиболее правдивый, характерный, выразительный, и в то же время типичный материал; в подборе иллюстраций для учебника следует исходить из их познавательной и воспитательной ценности; в подборе иллюстраций следует руководствоваться правилом «всё абсолютно необходимое и ничего лишнего» [2, с. 184, 189].

Авторы современных школьных учебников Е. В. Саплина и А. П. Шевырёв также оценивают иллюстративный материал как важнейший элемент учебника [4, с. 179; 9, с. 63], подчёркивая, что иллюстрации всё чаще играют роль визуального продолжения текста [9, с. 63]. Поэтому основной текст должен быть грамотно подкреплён иллюстративным материалом – дополнять и пояснять его. В анализируемом российском учебнике в рамках пункта параграфа «Начало войны. Завоевание Польши» представлено два документальных изображения – фотографии – под общим заголовком «Солдаты вермахта вторгаются на территорию Польши» [8, с. 107]. В германском учебнике также мы видим уместное сочетание одного из пунктов параграфа «Геноцид» с представленной в нём фотографией «Депортация еврейской семьи» [10, с. 105]. Данные иллюстрации не просто органично дополняют основной текст, но также выступают в роли его визуального пояснения, помогая правильно воспринять трактуемые исторические события.

Большую роль иллюстрации играют и в качестве источников исторических событий, содержащих информацию в виде визуальных образов. При рассмотрении, описании и анализе этого элемента учебника учащиеся формируют и развивают умение описывать исторические события и факты. Таким источником выступают фотографии, представленные в российском учебнике: «Дети, заключённые в немецкий концлагерь Освенцим» [8, с. 121], «Советские солдаты во время уличных боёв в Сталинграде» [8, с. 126] и др., а в германском учебнике: «Выжившие после сброса атомной бомбы на Хиросиму» [10, с. 116], «Чудо-оружие фольксштурма» [10, с. 117] и др. Выступая в качестве исторических источников иллюстрации помогают как можно более объективно воспринять и транслировать историческую эпоху.

Психологической особенностью читательского восприятия любой книги и учебника в частности, как процесса знакомства с книгой, является первоначальное изучение «картинок», которые произвольно притягивают к себе внимание, подписей к ним и затем – обращение к основному тексту [9, с. 63]. Такую особенность важно использовать для повышения мотивации работы с учебником. В связи с этим следует отметить, что в российском учебнике имеются только названия иллюстраций (за исключением карт, где дана их легенда), без каких-либо пояснительных подписей к ним. В германском учебнике практически весь иллюстративный материал оснащён пояснительным текстом. Например, советскую карикатуру 1942 г. «Метаморфозы (превращения) «фрицев»» сопровождает следующее пояснение: «Фрицы» – русское ругательство для немцев» [10, с. 100], фотографию «Смертная казнь М. Брускиной» – «Солдат вермахта надевает ей на шею верёвку. Фото от 26 октября 1941 г.» [10, с. 101], фотографию «Разрушенный Ковентри» – «Южный английский город был сильно разрушен немецкой воздушной атакой с 14 на 15 ноября 1940 г.» [10, с. 103], рисунок «Последнее шествие» – «Акварель изображает путь задержанных евреев в газовые камеры» [10, с. 110] и др. Следует подчеркнуть, что пояснительный текст к иллюстрациям часто бывает

необходим, и чем он интереснее и подробнее представлен, тем больше дополнительной информации можно с помощью него получить [2, с. 177].

Таким образом, иллюстрации как элемент современного учебника в России и Германии гармонично дополняют основной текст и позволяют сделать процесс изучения истории более интересным и увлекательным; проанализированный иллюстративный материал выбранных учебников можно охарактеризовать не только как разнообразный, но и как качественный, уместный, наглядный и понятный. Сопровождение иллюстраций в германском учебнике истории пояснительным текстом может быть использовано в практической работе российских учителей истории в организации работы обучающихся с учебной книгой.

Источники и литература

1. Вагин А. А. Методика преподавания истории в средней школе. М.: Просвещение, 1968. 431 с.
2. Вяземский Е. Е., Стрелова О. Ю. Теория и методика преподавания истории. М.: Владос, 2003. 384 с.
3. Проект концепции УМК по всеобщей истории. URL: http://imk.shpl.ru/moodle/file.php/2/2015_vsemir_ist/conceptvsemithist2.pdf.
4. Саплина Е. В. Проблемы исторического образования // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 173–185.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Екатеринбург: Ажур, 2016. 56 с.
6. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный клуб, 2010. 480 с.
7. Фундаментальное ядро содержания общего образования. 4-е изд. М.: Просвещение, 2011. 79 с.
8. Всеобщая история: 9 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций / В. Л. Хейфец, К. М. Северинов, Л. С. Хейфец. 3-е изд. М.: Вентана-Граф, 2016. 320 с.
9. Шевырёв А.П. Учебник по истории: каким ему быть? // Преподавание истории в школе. 2002. № 5. С. 59–64.
10. Geschichte und Geschehen 4. Sekundarstufe I. Stuttgart; Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2006.
© Стародумова М. И., 2017

УДК 371.314.5

И. Я. ЛЕРНЕР О МЕТОДЕ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ

М. В. Фефелова

Магистрант

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
эл. почта: myazukova@mail.ru

В статье приведен анализ взглядов И. Я. Лернера о применении метода проблемного обучения в образовании. Выделяются и описываются характерные особенности использования данного метода.

Ключевые слова: дидактика, методы обучения, проблемное обучение, проблемные ситуации.

M. V. Fefelova

I. YA. LERNER ABOUT THE METHOD OF PROBLEM TRAINING

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov, 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: myazukova@mail.ru

This article is about Lerner's opinion on using the problem method of teaching in education. Also it's main characteristics are given.

Key words: didactics, training method, problem training, problem situations.

В современных нормативно-правовых и программно-методических документах школьного образования (ФГОС ООО и СОО, Примерная ООП СОО и др.) сформулированы высокие требования к результатам обучения и освоения выпускниками содержания учебных дисциплин, как на личностном и метапредметном, так и предметном уровнях, что предполагает активную учебно-познавательную деятельность обучающихся, высокую профессиональную подготовку педагогов. Новые реалии российского образования обуславливают необходимость активного переосмысления теоретических, психолого-педагогических оснований отечественного образовательного пространства, что, в свою очередь, делает актуальным обращение к историческому опыту решения подобных проблем.

Уже в 1950–1960-х гг. педагогическую мысль «перестал удовлетворять характер и уровень усвоения, достигаемой прежней школой путем сообщения готовых знаний и показа способов деятельности, воспроизводимых затем учащимися» [3, с. 45]. Не удивительно, что важнейшим направлением развития методической мысли стала разработка теории проблемного обучения, одним из основоположников которой является Исаак Яковлевич Лернер (1917–1996). Его исследования в этом направлении рассматриваются как значительный вклад в развитие педагогической мысли второй половины XX в. Личность Лернера значительна не только по продолжительности научной деятельности ученого, но главное, по актуальности и масштабности его инновационных дидактических идей. Он раскрыл дидактические основы и разработал систему методов обучения, став наряду с М. Н. Скаткиным и Н. М. Шахмаевым создателем научной школы «Дидактика общего образования». Идеи ее основоположников развиваются в трудах их учеников [3]. Ученый обосновал состав и структуру содержания образования, адекватные социальному опыту, в 1985–1991 гг. разработал целостную концепцию учебно-воспитательного процесса как системы, предложил концепцию базового содержания общего образования [7, с. 374].

В современной научно-энциклопедической литературе можно найти разные определения понятия «проблемное обучение». В одном случае проблемное обучение определяется как обучение, в котором знания не представляются в готовом для усвоения виде, а служат предметом поиска – совместно с педагогом или самостоятельно; стимулирует активность и интерес, развивает поисковые умения и навыки [6, с. 71]. В другом – проблемное обучение характеризуется как организованный преподавателем способ активного взаимодействия субъекта с проблемно представленным содержанием обучения, в ходе которого он приобщается к объективным противоречиям научного знания и способам их разрешения [5, с. 631]. В третьем – проблемное обучение рассматривается как вид обучения, в основе которого лежит творческое решение проблемы, вытекающей из специально созданной в рамках учебного процесса проблемной ситуации [1, с. 349]. То есть, в одном случае проблемное обучение рассматривается как прием, в другом – как способ, в третьем – как вид и т.д.

И. Я. Лернер определял проблемное обучение, как процесс творческого решения учащимися проблем и проблемных задач в определенной системе, в которой происходит творческое усвоение знаний и умений, овладение опытом творческой деятельности, накопленным обществом, формирование граждански активной, высокоразвитой и сознательной личности социалистического общества [3, с. 60]. Рассматривая особенности проблемного обучения, автор отмечал, что данная технология является методом обучения и выделял следующие его функции: подготовку молодого поколения к творческому труду, к появлению творческих потенций во всех сферах будущей деятельности; творческое усвоение и применение знаний в новой, незнакомой ситуации; подготовку учащихся к самостоятельному применению доступных методов науки [3, с. 26].

И. Я. Лернер отмечал, что советская методическая мысль стоит перед проблемой разработки и систематизации проблемных ситуаций. Многие авторы в зависимости от предметного поля своей деятельности делали попытки систематизации проблем и построенных на их основе задач. Но, как писал ученый, «система задач не может быть создана каждым учителем. Она должна быть разработана методистами каждого учебного предмета на основе об-

щих принципов, которые должны установить дидакты» [2, с. 52]. Проблема разработки системы заданий проблемного обучения до сих пор остается актуальной.

Большое значение в применении проблемного обучения И. Я. Лернер отводил самой личности педагога, который, по его мнению, является направляющим звеном всего процесса обучения. В зависимости от возрастных особенностей учащихся, их уровня подготовленности учитель выбирает конкретный метод проблемного обучения. В зависимости от выбора вида проблемного обучения, степень самостоятельной работы учащихся меняется, а руководство учителя приобретает различные формы: построение проблемного изложения; создание системы заданий, направляющих движение учащихся к решению той или иной проблемы; конструирование задач, обуславливающих характер, сложность и эффективность поисковой деятельности учащихся [3, с. 52].

И. Я. Лернер отмечал, что реальная практика работы школы порождает три вида проблемного обучения, каждый из которых характеризуется своими системами действий учителя и ученика, то есть методами обучения. К сожалению, рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть каждый вид проблемного обучения, но заинтересованный читатель может получить исчерпывающую информацию в работах ученого; это метод проблемного изложения, частично-поисковый и исследовательский методы [3, с. 35–43].

Идеи советской историко-методической мысли находят свое отражение в работах современных исследователей. Так, доктор педагогических наук О. Ф. Турянская определяет метод проблемного обучения как метод организации творческо-поисковой деятельности учащихся. Она считает, что он является отдельным видом учебной деятельности, представляя собой взаимообусловленные приемы деятельности учителя и учащихся [9, с. 142, 146].

В современной методической литературе выделенные И. Я. Лернером виды методов проблемного обучения определяются как самостоятельные технологии обучения. Г. К. Селевко предлагает три вида: научное творчество (теоретическое исследование), практическое творчество (поиск практического решения, т.е. способа применения известного знания в новой ситуации, конструирование, изобретение), художественное творчество (художественное отображение действительности на основе творческого воображения) [8, с. 142].

Многие исследователи главной особенностью проблемного обучения называют то, что оно всегда вызывает у ученика затруднение в учебном процессе, поэтому на его осмысление и поиски путей решения уходит значительно больше времени, чем при традиционном обучении. Разработка этой технологии требует от преподавателя большой теоретико-методической подготовки. Поэтому особое внимание И. Я. Лернер уделял подготовке учителя, который должен знать не только утвердившиеся в науке знания, но и ее проблемы, разные точки зрения по тем или иным вопросам, систему доказательств этих точек зрения. Учитель должен быть глубоко осведомлен в вопросах общей методологии научного познания, в специфике познания в преподаваемой науке, ее методах и обобщенных способах решения проблем [3, с. 56]. В целом, данный метод обучения отвечает главной задаче образования – воспитания и развития качеств личности, отвечающих требованиям общества, задачам развития способности эффективно использовать на практике полученные знания и навыки.

Литература

1. Большая психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 544 с.
2. Лернер И. Я. Вопросы проблемного обучения на Всесоюзных «Педагогических чтениях» // Советская педагогика. 1968. № 7. С. 45–56.
3. Лернер И. Я. Проблемное обучение. М.: Знание, 1974. 64 с.
4. Научная школа М. Н. Скаткина – И. Я. Лернера – Н. М. Шахмаева «Дидактика общего образования». URL: <http://www.instrao.ru/index.php/nauchnaya-deyatelnost/nauchnyeshkoly/item/2115-nauchnaya-shkola-m-n-skatkina-i-ya-lernera-n-m-shahmaeva>.
5. Новейший психолого-педагогический словарь / под ред. А. П. Астахова. Минск: Современная школа, 2010. 928 с.
6. Педагогический словарь / под ред. В. И. Загвязинского, А. Ф. Закировой. М.: ИЦ «Академия», 2008. 352 с.

7. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.
8. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий. М.: Народное образование, 2005. Т. 1. 556 с.
9. Турянская О. Ф. Теоретические основы личностно ориентированного подхода к обучению. Орел: Орловский ун-т, 2015. 278 с.

©Фефелова М.В., 2017

УДК 811.161.1'373 (091)

«ЛЕКСИКОН» В. Н. ТАТИЩЕВА: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Лебедич А. А.

Студент

Уральский государственный педагогический университет,
пр. Космонавтов, 26, 620017, г. Екатеринбург, Российская Федерация
эл. почта: nastya88le@gmail.com

В статье рассматривается история создания В.Н. Татищевым «Лексикона», как первого энциклопедического словаря. Анализируется его структура и содержания.

Ключевые слова: лексикон, энциклопедические словари, лексикография, история русского языка.

A. A. Lebedich

«LEXICON» BY V. N. TATISCHEV: ANALYSIS OF STRUCTURE AND CONTENT

Ural State Pedagogical University,
pr. Kosmonavtov 26, 620017, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: nastya88le@gmail.com

This article discusses the history of the "Lexicon" by V. N. Tatishchev, as the first encyclopedic dictionary. Structure and content of article are analyzed.

Key words: lexicon, encyclopedic dictionary, lexicography, history of the Russian language.

В. Н. Татищев широко известен как историк и ученый-просветитель. Создание им «Лексикона» нельзя рассматривать как случайное в его деятельности явление. XVIII в. – век просвещения, когда получают широкое распространение энциклопедии и словари. Во многих странах Европы были созданы лексиконы по различным областям знаний. Россия не стала исключением. Недостаточный уровень науки и нехватка ученых делало невозможным создание лексикона собственными силами. Поэтому сначала в Академии наук обсуждался вопрос о переводе иностранных словарей, из которых первым был выбран «Staatsund Zeitung-Lexikon» Гюбнера.

В. Н. Татищев положительно отреагировал на такое решение Академии наук. Однако главную задачу он видел не в том, чтобы переводить иностранные справочники, а в создании оригинальных исторических лексиконов. Не дожидаясь, пока Академия наук займется этим, он начал создание своего собственного «Лексикона», над которым работал в 1744–1746 гг. В. Н. Татищев послал семь рукописных тетрадей в Академию наук, составил словник для последующих статей, которые должны были войти в продолжение лексикона [3, с. 122].

«Лексикон» состоит из трех частей, в первую из которых, состоящую из 311 страниц, включены слова от буквы А до В. Вторая часть – от Г до Ж, насчитывает 216 страниц, третья часть – от З до слова ключник – 217 страниц [4]. Первая часть «Лексикона» была издана в 1793 г. в Типографии горного училища в Санкт-Петербурге. В ней 738 слов, из которых слова на букву «А» – 227 (30,8%), «Б» – 309 (41,9%), «В» – 202 (27,3%).

124 слова на «А» относятся к географии (реки, озера, города, провинции и т.д.). 25 слов – обозначения народов, 18 связаны с военным делом и флотом, 7 относятся к религиозным вопросам и церкви. 7 слов имеют отношение к науке и образованию: академия, академия наук, академия ремесел, академия России, архив, аттестат, автор. 6 слов – административно-управленческая система в России, 4 – строительство и архитектура, 3 – законодательство и

суд, 3 – торговля, 3 – медицина, 2 – обозначение денег. По одному слову относится к промышленности, классам, сословиям и мерам и пр.

Из слов на букву «Б» 188 относится к географии, 37 – военному делу и флоту, 13 – административно-управленческой системе в России, 8 – обозначению народов, 7 посвящены классам и сословиям, 6 – религиозным вопросам и церкви, 6 – торговле, 4 – сфере культуры, 4 – обозначению мер, 3 – законодательству и суду, 3 связаны с образованием (библиотека, библиотекарь, буква), 3 – с архитектурой и строительством, 2 – с одеждой, 1 – с промышленностью и пр.

Из слов на букву «В» 120 связаны с географией, 17 с военным делом, 12 с административно-управленческой системой в России, 7 – обозначением народов, 6 – классов и сословий, 5 – обозначением мер, 3 – с архитектурой и строительством, 3 – законодательством и судом, 2 – медициной. По одному слову относится к сферам образования (воспитатель), торговли, денег, промышленности, религии и пр.

Количественный анализ показывает, что в «Лексиконе» полнее всего представлены слова, относящиеся к географии (58,5%). Далее идут слова, связанные с военным делом и флотом (9,8%); обозначающие различные народы (5,4%). Слов, связанных с образованием, сравнительно немного – 1,5%.

В описании слов В. Н. Татищев указывает их происхождение, если оно известно. При возможности историк дает сначала значение термина, которое использовалось ранее, а затем значение, которое используется на данный момент. Рассмотрим слова, связанные с образованием и наукой. Академия – название государственных высших учебных заведений, задачей которых является развитие науки и искусства» [1, с. 128]. В. Н. Татищев дает следующее определение слова академия – «так в древние времена назывался дом, в котором Платон начал учить философии, и от сего все философские училища и дома, где философы сходятся, разговоры и рассуждение имеют». Так же историк выделяет такие термины как «Академия адмиралтейская», которая была учреждена Петром Великим в 1702 г. для обучения морским наукам. Далее «Академия наук», про которую он указывает, что открыта она была уже после смерти Петра в 1725 г., где построена и что в ней содержалось. Приведены еще два термина – «Академия ремесел» и «Академия Российская» [2, с. 19–20].

В настоящее время «библиотека» – это учреждение, осуществляющие собирание и хранение книг, журналов и т. п., пропаганду и выдачу читателем [1, с. 89]. Для В. Н. Татищева «библиотека» – это от греч. «книгохранилище», разумеется палата, где множество или несколько книг, для общенародной пользы хранятся. Книги библиотеки можно разделить по разным категориям. Первые по разным наукам: богословским, философским, историческим и пр. Вторые – по языкам разным, и третьи секретные от публики [2, с. 156–157].

В целом определения, данные В. Н. Татищевым в «Лексиконе географическом историческом, политическом и гражданском», составлены им на уровне достижений науки XVIII в. Они не утратили своей значимости для сегодняшнего времени с точки зрения истории науки в целом. В целом смысл определений, которые дал историк, сходятся с определениями в современных словарях. Можно сказать, что «Лексикон» В. Н. Татищева имел большое значение для развития науки и образования в то время, так как стал первым энциклопедическим словарем, содержащим сведения по географии, истории, экономике, политике и сословном строе России. А сам В. Н. Татищев предстает как ученый-энциклопедист, труды которого не утратили своей научной и практической значимости до настоящего времени.

Литература

1. Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981.
2. Татищев В. Н. Лексикон географический, исторический, политический и гражданский. СПб., 1793. 314 с.
3. Юхт А. И. В. Н. Татищев и развитие науки и просвещения в России // Из истории Отечественной науки. 1987. № 6. С. 104–116.
4. URL: <http://www.encyclopedia.ru>.

©Лебедич А.А., 2017

Содержание

Секция «Проблемы отечественной истории до начала XX в.»

Прокофьев А.И. «Из белорусцев в москвиты»? Российская аккультурационная политика в годы Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг.: методологические заметки	3
Пилипчук Я.В. Каракалпаки в истории евразийских степей (XVII–XVIII вв.)	5
Ботаева З.Ф. Повседневная жизнь казахского народа в повести В. И. Даля «Бикей и Мауляна» (первая половина XIX в.)	8
Медведева О.Э. Роль «теории официальной народности» в развитии образования России в современной историографии	10
Садваквасова С.У. Награды российской империи в Казахстане в XIX в.	13
Фартеев Е.К. Первые юбилейные очерки по истории гимназий Перми	15
Черноухов Д.Э. Документы Государственного архива Свердловской области по земской медицине	18
Кузьмина Д.А. Женщины-врачи в Пермской губернии в 1881–1917 гг.	20
Звягинцева М.С. Алкогольная зависимость сельских священнослужителей: взгляд изнутри (по «запискам» А.И. Розанова)	23
Бобицкий А.В. Мусульмане Екатеринбургского уезда в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.	25
Дементьева В.В. Трансформация традиционного уклада и быта коренных малочисленных народов Дальнего Востока к началу XX в.	27
Фишер Е.С. Брянский уезд в начальный период Первой мировой войны	30
Киренко А.С. Общеобразовательные школы Пермской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)	32
Корепанов А.С. Яранский уезд Вятской губернии в первой четверти XX в.: тенденции и проблемы социально-экономической жизни	35
Андрощук Д.С. Роль анархистов в махновском движении в отечественной историографии	38
Островкин Д.Л. Первый опыт медицинского факультета в Екатеринбурге	40
Капицына Д.В. История возникновения городского пассажирского электротранспорта в Магнитогорске	43
Миронычев С.В. Социально-экономическое положение населения Ларьякского (Нижевартовского) района в 1940–1943 гг.	45
Соловьев А.В. Оборона северной Эстонии в июле-августе 1941 г.	48
Кадочникова М.В. Вклад южноуральских театров в победу над фашизмом	50
Поляков С.Ю. Социокультурное развитие г. Карпинска во второй половине XX в.	52
Жбанов А.А., Шабардина Т.А. Экологические общественные организации Нижнего Тагила в конце XX в.	54
Игаева К.В. Представления о мужестве российских ветеранов локальных войн	56

Секция «Проблемы всеобщей истории»

Рассохин Ф.В. Эволюция питания античных атлетов	59
Болтабаева Ш.К. Кризис греческого полиса в современной историографии	61
Назаров А.Д. Гепиды в ранневизантийской армии	63
Киселев Е.А. Экономическое состояние римских городов на Иберийском полуострове в V в.	66
Мартиросян А.А. Антикизация в «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера	69
Лазарев С.С. Проблема выбора: две системы судопроизводства в средневековой Англии	71
Ковин В.В. Варфоломеевская ночь глазами французских интеллектуалов первой половины XIX в.	74
Голотина А.И. Теодор Кёрнер: «герой войны» в современной немецкой историографии	77

Синюгина М.В. Г.Ф. Миллер и варяжский вопрос в зарубежной историографии XX – начала XXI в.	80
Горохова М.Е. Историография русской эмиграции в Чехословакии (1918–1938)	82
Коробицына Л.В. К проблеме происхождения Второй мировой войны в британской историографии: два основоположника «ревизионизма»	85
Жихарев Н.А. Боснийская война в трудах сербской национально-ориентированной интеллектуальной оппозиции (на примере дневников и мемуаров Д. Чосича и В. Драшковича)	87

Секция «Проблемы теории и методики преподавания истории и обществознания»

Лазарев И.В. Интернационализация, глобализация и единое образовательное пространство	91
Денисова И.Ю. Воспитание трудом – необходимая мера или советский архаизм?	93
Кочкина А.А. Смысловое чтение как метапредметный результат обучения на уроках истории в 5 классе	96
Стародумова М.И. Иллюстрации как важнейший элемент современного учебника: на примере темы Второй мировой войны в российских и германских учебниках истории	98
Фефелова М.В. И. Я. Лернер о методе проблемного обучения	101
Лебедич А.А. «Лексикон» В.Н. Татищева: анализ структуры и содержания	104

Научное издание

Шаг в историческую науку

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *научного* издания (Решение № 666 от 19.06.2017)

Редакция и компьютерная верстка: Э. А. Черноухов

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me